

Рецензент – Е.В. Сафронова, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, доктор юридических наук, кандидат исторических наук.

Оришев А.Б.

О 63 Тайные миссии абвера и СД в Иране: из секретных досье разведки. Монография.– М.: Московский институт юриспруденции, 2006. – 160 с. (10 печатных листов)

ISBN 5-94947-029-X

В монографии исследуются неизвестные страницы тайной деятельности спецслужб нацистской Германии в Иране. В основу книги положены ранее секретные документы из Архива службы внешней разведки России, Архива внешней политики Российской Федерации, Центрального архива Министерства обороны. Многие материалы публикуются впервые.

Книга адресуется специалистам-историкам, юристам, политологам и всем, кто интересуется историей Второй мировой войны.

Автор считает своим долгом сердечно поблагодарить заслуженного деятеля науки, профессора кафедры всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета Алексея Васильевича Райкова за многолетнее научное руководство и консультирование.

За моральную поддержку и ценные рекомендации в изучении новейшей истории Ирана автор выражает благодарность всему коллективу сектора Ирана Института Востоковедения Российской академии наук, и в первую очередь заведующей сектора Нине Михайловне Мамедовой.

© А.Б. Оришев, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Источники и историография.....	5
Реза-шах Пехлеви, нацистская Германия и модернизация Ирана	14
1936 г.: первые шаги абвера в Иране	17
«Арийское братство»: пропагандистский огонь по общественному мнению	22
Франц Майер и К ^о прибывают в Иран	31
22 июня 1941 г.: ситуация меняется	42
Немцы «будут вредить и Англии и СССР»	45
Иранская операция союзников - неизвестный блицкриг	53
Реза-шах Пехлеви: закат звезды диктатора	59
Афганистан: между Англией, СССР и нацистской Германией	74
«Меллиуне Иран» и «Голубая партия» выходят на арену	79
Агенты абвера и СД среди кашкайцев и курдов	95
Лето-осень 1942 г.: иранские националисты в ожидании вермахта ...	103
Союзники начинают охоту	111
Внимание, парашютисты!	114
Ф. Майер арестован	118
Операция «Вайтшпрунг»	122
Заключение	130

Предисловие

На Среднем Востоке¹ расположена страна, площадь которой в три раза превышает Францию. Ее население к началу Второй мировой войны достигло 15 миллионов человек, а культура являлась одной из древнейших в мире. Иностранные завоеватели издавна мечтали об этой стране, с 1935 г. получившей гордое наименование «Иран».

Столь серьезное внимание к этому государству в первую очередь вызывалось его стратегическим положением. Иран граничил с Турцией, Ираком, Афганистаном. Через него проходил путь к советскому Закавказью и Средней Азии. Иран являлся удобным плацдармом для вторжения в «жемчужину» Британской империи - Индию.

Поэтому неудивительно, что Германия, поставившая с приходом к власти Гитлера, цель завоевания мирового господства стремилась иметь прочные позиции в этой стране. Испытывавшая недостаток в стратегическом сырье, она рассчитывала использовать Иран в качестве источника его поставок для военной промышленности, а установление тесного сотрудничества в экономической области с Ираном позволяло Гитлеру надеяться, что он станет надежным союзником в будущей войне.

Однако для того чтобы, привлечь на свою сторону Иран, было мало установить тесные торгово-экономические связи. Было необходимо обработать общественное мнение в прогерманском духе, создать на иранской территории широко-разветвленную шпионско-диверсионную сеть.

Воплощение в жизнь этих планов возлагалось на гитлеровских дипломатов, которые должны были выполнять не только профессиональные, но и разведывательные функции. И вполне естественно, что для достижения поставленных целей германская дипломатия использовала все доступные методы и средства. Особая миссия возлагалась на абвер и СД – надежный инструмент гитлеровской внешней политики. Действуя параллельным курсом, а зачастую и под дипломатическим прикрытием, германские разведчики должны были воплотить в жизнь грандиозные планы, разрабатывавшиеся Берлином.

Источники и историография

В ходе работе над книгой был проработан комплекс архивных документов, в связи с чем автор выражает признательность российским архивариусам, и в первую очередь сотрудникам Архива службы внешней разведки России (АСВРР)², которые пошли навстречу исследователю, предоставив возможность работы с уникальными документами.

Из фондов АСВРР были получены дневник главного организатора профашистского подполья в Иране Ф. Майера, донесения абверовца Б. Шульце-Хольтуса, протоколы допроса лидера иранской националистической организации «Голубая партия» Х. Новбахта, отчеты сотрудников советской разведки, некоторые трофейные материалы и другие ценные архивные документы, имевшие гриф «совершенно секретно». Эти материалы характеризуют методы и приемы абвера и СД, подтверждает факт существования в Иране мощного антисоюзнического движения. Они представляют возможность осветить малоизученную проблему сотрудничества советских и английских разведчиков по пресечению деятельности германских спецслужб в этой стране.

Из архивных материалов вторыми по степени значимости стали документы из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)³. Они подразделяются на следующие категории:

- доклады, донесения, политические письма и справки, составленные советскими дипломатами в Иране;
- официальные инструкции советского руководства сотрудникам посольства СССР в Тегеране; записи их бесед с иранскими чиновниками, а также с дипломатами иностранных государств;
- ноты иранского посольства в Москве и советского посольства в Тегеране;
- обзоры дипломатической почты, полученные Средневосточным отделом МИД Советского Союза из Ирана;
- обзоры иранской прессы.

Документы АВП РФ дают много важных сведений о политико-экономической экспансии Германии в Иран, деятельности немецкой агентуры в этой стране. Они затрагивают всю проблематику исследования и дают наиболее убедительные данные для разрешения задач, поставленных в монографии. Материалы АВП РФ раскрывают причины завоевания немцами прочных позиций в Иране, показывают деятельность германских дипломатов, дают много ценных сведений о работе пропагандистского аппарата Третьего рейха. Документы убедительно доказывают, что немцы планировали использовать Иран не только как плацдарм для дальнейшего проникновения в Британскую Индию, но и как базу для проведения диверсионных акций против СССР.

На основе официальных инструкций советского руководства и донесений послов СССР в Тегеране можно судить о том, как советское правительство реагировало на происходившие в Иране события и противодействовало гер-

манской экспансии.

Сведения об участии Германии в модернизации иранских вооруженных сил, справки, доклады и донесения советских разведчиков о политико-экономической ситуации в Иране, материалы о деятельности германской разведки на Среднем Востоке накануне и в первый период Второй мировой войны содержатся в фондах Российского государственного военного архива (РГВА)⁴.

Важным источником являются материалы Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО)⁵. Они создают яркую картину событий августа 1941 г., когда с целью ликвидации германской агентуры и организации через территорию Ирана поставок военной помощи СССР от союзников по антигитлеровской коалиции в Иран были введены советские и английские войска. Отчеты о боевых действиях частей 44-й, 47-й армий Закавказского фронта, 53-й Отдельной среднеазиатской армии, отдельные разведсводки и шифротелеграммы, хранящиеся в фондах этого архива, показывают, насколько сильны были позиции немцев в Иране, повествуют о деятельности в стране профашистской «пятой колонны», демонстрируют, как германские военные советники, обосновавшиеся в иранской армии, пытались организовать сопротивление наступающим войскам союзников.

Материалы о подрывной деятельности германской разведки на советско-иранской границе удалось обнаружить в документальном фонде и позитивном фотофонде Центрального музея федеральной пограничной службы (ЦМФПС)⁶. В документальных фондах Центрального музея вооруженных сил (ЦМВС)⁷ содержится ценный фактический материал о событиях августа 1941 г.

Вторую группу источников составили опубликованные документы. Пристальное внимание было уделено многотомному изданию документов внешней политики Германии, в которое в хронологическом порядке были включены телеграммы, докладные и служебные записки, составленные различными дипломатами Третьего рейха: от министра иностранных дел И. Риббентропа до германского посланника в Тегеране Э. Эттеля⁸. В монографии использованы 8-13 тома серии, содержащие ценный материал о политике нацистов на Среднем Востоке, лицемерном характере гитлеровской дипломатии. Эти документы позволили автору выявить некоторые методы и способы, с помощью которых Германия стремилась проникнуть в Иран.

Сведения о военно-стратегических планах нацистской Германии относительно всего средневосточного региона удалось почерпнуть из дневника начальника генерального штаба сухопутных сил вермахта (ОКХ) генерала Ф. Гальдера⁹, а также в сборниках немецких документов, изданных в СССР и за рубежом¹⁰.

Картину германского проникновения в Иран существенным образом дополнили публикации документов внешней политики СССР¹¹, в которых содержатся сведения о том, какие меры предпринимала советская дипломатия с целью пресечения немецкой активности в Иране.

Использовались также документы, изданные в Иране, подчеркивающие вклад Ирана в победу стран антигитлеровской коалиции над блоком фашист-

ских государств¹².

Третью группу источников составили мемуары и воспоминания. Богатым фактическим материалом отличается советская мемуарная литература. Воспоминания военачальников А.А. Гречко, Л.И. Зорина, М.И. Казакова, разведчиков Н. Павлова и П.А. Судоплатова, ученых-востоковедов М.И. Бурцева и Д.С. Комиссарова, журналиста-международника В.М. Бережкова¹³ помогли воссоздать атмосферу «тайной войны», которую вели советские разведчики с гитлеровскими спецслужбами.

Несомненный интерес представляют воспоминания германских дипломатов и разведчиков. Они раскрывают методы и приемы германской дипломатии и спецслужб на Среднем Востоке, знакомят с целым рядом деталей, касающихся внутривосточного положения в странах этого региона. Они дают возможность рассмотреть те стороны германской политики, которые не нашли отражения в документах официального характера.

Много ценных сведений о первых шагах гитлеровской дипломатии в Иране оставил германский посланник в Тегеране В. Блюхер¹⁴. Важным источником стали мемуары Б. Шульце-Хольтуса¹⁵, служившего в годы Второй мировой войны военным советником у Насыр-хана – вождя крупного кашкайского племени, организатора восстаний против англичан на юге Ирана. Представляют интерес воспоминания К. Цимке¹⁶, пытавшегося прикрыть экспансионистские устремления германского империализма идеями об «освободительной» миссии Германии на Среднем Востоке, и мемуары сотрудников абвера Г. Бухгайта и П. Леверкюна¹⁷, романтизовавших деятельность германской агентуры в Иране и Афганистане. Привлекались мемуары руководителя гитлеровского спецназа О. Скорцени, в которых раскрываются некоторые причины провала задуманной Гитлером операции по организации теракта на Тегеранской конференции¹⁸.

Мемуары иранских политических деятелей позволили представить атмосферу, царившую в Иране во времена диктатуры Реза-шаха, фон на котором развивалась экспансия иностранных государств. В этом плане отметим работы Бозорг-е Омида, А. Джаханбани, М.Г. Хедаята, М. Фарроха¹⁹.

Обращают на себя внимание воспоминания генерала Х. Арфы²⁰, одного из участников августовских событий 1941 г. и Мухаммеда Реза²¹, предпринявшего попытку представить внешнеполитическую ориентацию своего отца Реза-шаха Пехлеви как политику, соответствовавшую национальным интересам Ирана.

Из англо-американской мемуарной литературы были использованы воспоминания премьер-министра Великобритании У. Черчилля²², английских дипломатов Р. Булларда, К. Скрайна²³, государственного секретаря США К. Хэлла²⁴, в которых в той или иной форме оправдывается политика представляемых ими государств. Так, например, в воспоминаниях У. Черчилля, содержащих обширный материал о политике и стратегии Великобритании на Среднем Востоке, говорится о попытках англичан противодействовать немцам в Иране, направленных, в конечном счете, на сохранение английского господства над этой

страной.

Некоторые сведения были получены из воспоминаний бывшего польского пресс-атташе в Иране Г. Ленчовского²⁵.

Представляет интерес четвертая группа источников - пресса, поскольку она в тот период, как правило, выражала официальную точку зрения своих правительств. Автором использовались материалы журнала «Внешняя торговля», в котором в 1930-е гг. публиковались статьи о внешнеэкономических связях Ирана с нацистской Германией. На страницах германского журнала «Нойе Ориент» и бюллетеня «Виртшафтсдинст» также нашли отражение различные аспекты немецкой политики на Среднем Востоке. Отдельные сведения были получены из советских газет кануна и периода Второй мировой войны, а также из иранских газет. Переводы отдельных материалов из «Эттелаат», «Иран», «Кушеш», «Сетаре», «Эгдам» и других иранских изданий удалось обнаружить в российских архивах.

Изучение деятельности германской разведки в Иране было бы неполным без анализа достижений отечественной и зарубежной исторической науки.

В отечественной историографии выделяются три периода, которые в целом совпадают с этапами социально-политической истории СССР и Российской Федерации.

В первый период (сер. 1930-х – сер. 1950-х гг.) отсутствие доступа к архивным материалам не позволяло советским историкам дать глубокий анализ роли и места Ирана в политике нацистской Германии на Среднем Востоке. В работах историков этого периода не содержалось полных научно-обоснованных ответов на самые острые вопросы, характеризующие отношения Третьего рейха с Ираном, многие темы были представлены идеологизировано. И, тем не менее, в трудах Г. Гельбраса, А.С. Ерусалимского, Г.Н. Ильинского, П. В. Милова, В. Н. Минаева, С. П. Рудных²⁶ ярко изображались методы германской политико-идеологической экспансии, и разоблачалась шпионско-диверсионная деятельность гитлеровцев. Все эти авторы независимо друг от друга признавали факт успешного проникновения немцев в Иран, но успехи германской экспансии целиком объясняли прогерманской позицией его правящих кругов.

Во второй период (сер. 1950-х – сер. 1980-х гг.) ослабляется идеологический пресс на отечественную историческую науку со стороны государства, в СССР и за рубежом публикуются новые документы, что расширяет источниковую базу проводимых исследований. В результате появляются монографии и серьезные статьи, в которых освещаются некоторые вопросы проникновения германского фашизма в Иран, подрывной деятельности немецкой агентуры, направленной против СССР и Великобритании, роли Ирана во Второй мировой войне. Особую популярность приобрела тема подготовки немцами в августе 1941 г. государственного переворота в Иране. Речь идет о работах Б. Абдуразакова, Б.П. Балаяна, М.И. Володарского, Л.М. Гордонова, А.И. Демина, М.С. Иванова, Б.Х. Парвизпура, М.В. Попова, Ф.Я. Румянцева, В.В. Трубецкого²⁷.

Новыми сведениями, почерпнутыми из Архива института военной исто-

рии, насыщена работа Х.М. Ибрагимбейли²⁸, рассказывающая о колониальной политике стран «оси» на Среднем Востоке. Автор, анализируя германо-итальянские противоречия в этом регионе, справедливо подчеркнул, что в ряде случаев Германия и Италия выступали не как союзники, а скорее как конкуренты, каждый из которых рассчитывал занять господствующие позиции.

Среди литературы этого периода особое место занимают книги С.Л. Агаева²⁹, подвергнувшего политику гитлеровской Германии в Иране специальному монографическому исследованию. Не имея доступа к засекреченным документам из советских архивов, он в основу источниковой базы своих трудов положил опубликованные документы внешней политики СССР, США, Англии, Германии, Ирана, сборники законов и постановлений иранского парламента, ежегодные официальные таможенные отчеты Ирана, мемуары иранских, западных, советских политических и общественных деятелей, а также прессу.

С. Л. Агаев критически осмыслил тщательно отобранные им факты, не только проанализировал историю германо-иранских отношений, но и осветил внутривнутриполитические и экономические тенденции иранской дипломатии. Характерен анализ автором доктрины «третьей силы». По мнению С.Л. Агаева, ориентация на «третью силу» не привела Иран к экономической независимости от Англии. Более того, она способствовала сближению этого государства с нацистской Германией. Главную причину сближения Ирана с Третьим рейхом С.Л. Агаев видел в «страхе Реза-шаха перед коммунизмом». Тесный характер германо-иранским отношениям придавали, как утверждал ученый, личные симпатии Реза-шаха Гитлеру.

Отдавая должное советским историкам, нельзя не отметить того факта, что работы первого и второго периодов преследовали цель оправдать введение советских войск в Иран в августе 1941 г. Поэтому значительная их часть страдала необъективностью, связанной с жесткими идеологическими установками того времени, вынуждавшими историков объяснять прогерманскую направленность иранской внешней политики исключительно страхом Реза-шаха перед «коммунистической угрозой».

Третий период в изучении политики нацистской Германии в Иране начался с середины 1980-х гг., что было связано с наступившей в СССР «перестройкой» и последовавшей вслед за этим кампанией «гласности».

Заметным явлением стал выход книг З.А. Арабаджяна³⁰. Работы этого ученого привлекли внимание не столько фактическим материалом, сколько своими выводами и политической направленностью. З.А. Арабаджян первым в отечественной историографии поставил под сомнение версию советских историков о том, что немцы готовили в Иране государственный переворот.

Еще большим событием стал выход двух документальных повестей военного историка Ю.Л. Кузнецова³¹, посвященных деятельности советской контрразведки по предотвращению покушения на Ф.Д. Рузвельта, И. Сталина, У. Черчилля во время Тегеранской конференции в ноябре-декабре 1943 г. Богатейший архивный материал из фондов АСВРР позволили ему показать всякого

рода шпионские интриги и диверсии, посредством которых гитлеровцы пытались использовать Иран в своих агрессивных планах.

Проблемы германской политики в Иране затронул в одной из своих монографий А.В. Райков³², убедительно доказавший, что по замыслам Гитлера Иран должен был стать плацдармом для прорыва вермахта в Индию и страны Ближнего Востока.

Нельзя не отметить труды известных российских специалистов О.И. Жигалиной и М.С. Лазарева³³, обратившихся к малоизученной проблеме сотрудничества германской разведки с иранскими курдами. Эти ученые убедительно доказали, что гитлеровцам не удалось привлечь проживавших в Иране курдов на свою сторону.

В последние годы наметилась тенденция пересмотреть оценки событий августа 1941 г. Так, профессор Саратовского госуниверситета Ю.Г. Голуб³⁴ выдвинул версию, что «советские войска могли оказаться в Иране и в продолжение предвоенной политики расширения советских границ, "восстановления" утраченных имперских рубежей». Как сторонник этой версии заявил о себе другой саратовский ученый Д.М. Любин³⁵, несомненной заслугой которого является то, что он первым из исследователей назвал точную цифру советских безвозвратных потерь в иранской операции. Привлечь внимание общественности к операции также попытался А.А. Штырбул³⁶, предложивший периодизацию пребывания Красной Армии в Иране.

Обязательного упоминания заслуживает фундаментальное исследование по истории Ирана XX в. С.М. Алиева³⁷. Автор предпринял попытку «отказаться от ставшей традиционной для советской историографии сильно преувеличенной интерпретации "прогерманской" политики Реза-шаха». Более того, С.М. Алиев выдвинул версию о том, что появление в Иране отчетливого прогерманского течения было связано с усилением роста персидского национализма и оппозиционных в отношении диктатуры Реза-шаха настроений.

Освещение различных аспектов деятельности германских спецслужб в Иране было невозможно без привлечения широкого спектра работ российских ученых, посвященных отдельным проблемам истории Второй мировой войны и международных отношений. Поэтому в ходе работы над монографией отдельные сведения были получены из книг и статей А.В. Басова, Н.Ф. Бугая, Д.В. Валиевой, Ю.Л. Вищука, Ф.Д. Волкова, И. Гилязова, Г.И. Гутенмахера, Н.М. Долгополова, Г. Зотова, В. Колесникова, Л.П. Костромина, С. Лавренова, С.М. Небренчина, С. Панина, И. Попова, Е.А. Орлова, Л.В. Поздеевой, А.М. Самсонова, Ф.М. Сергеева, Г.П. Сечкина, Л.Ф. Соцкова, Ю.Н. Тихонова, В. Г. Трухановского, И.Н. Ундасынова, С. Чуева, С.Ф. Эдлинского³⁸ и других авторов.

Использовались также труды по отдельным проблемам истории стран Среднего Востока А.А. Алиева, С.М. Алиева, Ю.В. Босина, Д.В. Валиевой, В.Л. Гениса, Е.А. Дорошенко, И. Ергешева, В.Г. Коргуна, Д.А. Макеева, М.А. Персица, И.М. Рейснера³⁹.

Изучение тайных миссий германской разведки было бы невозможно без анализа зарубежной историографии.

Для германских историков Х. Бассевитца, Д. Гейера, И. Кирхнера, Ф. Кохвассера, А. Хилльгрубера, Б.П. Шредера, Ф. Штеппата, Я. Якобсена⁴⁰ и других характерны апология экспансии гитлеровской Германии, отрицание ее захватнических целей и создания немецких агентурных центров в Иране. Активным сторонником развития германо-иранских отношений проявил себя Г. Мельциг, в работе которого проводились параллели между гитлеровским и рэзашаховским режимами, и превозносилась роль Реза-шаха как великого реформатора⁴¹.

Взаимовыгодность отношений Германии и Ирана подчеркивается в трудах Ф. Кохвассера. «Двусторонние торгово-экономические отношения между обеими странами были весьма благоприятны и плодотворны. К сожалению, когда разразилась Вторая мировая война, эти отношения были прерваны», - указывает он в одной из своих работ. По мнению этого немецкого ученого, СССР и Англия совершенно необоснованно обвинили Реза-шаха в тайном сотрудничестве с Третьим рейхом. Надо признать, что в этом утверждении Ф. Кохвассера содержится немалая доля истины.

Из общего ряда работ германских историков выделяются основанные на архивных документах труды публициста Ю. Мадера⁴², в которых не только содержится богатый фактический материал о деятельности абвера в Иране, но и выделены этапы становления и развития германской шпионско-диверсионной сети в странах Среднего Востока.

В ходе работы над монографией использовались опубликованные на Западе и в России труды иранских авторов – Б. Алави, А. Банани, М. Годса, Ф.С. Кашани, А. Малекпура, С.Д. Мадани, Х. Назари, Р.К. Рамазани, Н.С. Фатемиде, А.Х. Хамзави⁴³. Эти авторы обращали внимание не столько на иранскую политику европейских государств, сколько пытались проследить тенденции внешней политики Ирана.

Особое внимание привлекают работы Р.К. Рамазани, предпринявшего первую в иранской историографии попытку обобщить внешнеполитическую историю Ирана. Все мероприятия Реза-шаха, направленные на сближение со странами «оси», Р.К. Рамазани объяснял тем, что иранский монарх поставил перед собой недостижимую цель получения Ираном «абсолютной независимости» от Великобритании и СССР, что, по мнению автора, находилось «за пределами досягаемости».

Заметным явлением стал выход работы М. Мадани, написанной по материалам германских архивов. В отличие от своих предшественников, пытавшихся преуменьшить влияние на внешнюю политику Реза-шаха германских фашистов, он показал, что германское присутствие в Иране действительно представляло серьезную угрозу для национальной безопасности страны.

Нельзя было обойти вниманием иранскую историографию на персидском языке. Ей присущ серьезный недостаток - в большинстве своем труды иранских историков являются панегириками правившей династии. Так в работах придворных историков С. Нафиси, А.Э. Тохмаспа⁴⁴ политика Реза-шаха изображалась исключительно в восторженных тонах. Подобный подход привел к тому,

что характерной чертой иранской историографии на персидском языке стало преуменьшение германо-иранских военно-политических связей. Так Ф. Бина, Г. Дж. Магами и М.Р. Зехтаби сознательно опускали германский аспект иранской внешней политики⁴⁵.

Некоторые аспекты деятельности спецслужб нацистской Германии в Иране нашли отражение в исследованиях англоязычных историков. Успехи нацистов в Иране накануне Второй мировой войны большинство историков Великобритании и США объясняли тем, что иранские правители видели в лице Германии своеобразную «третью силу», с помощью которой они рассчитывали создать в стране современную промышленность и ослабить тем самым зависимость Ирана от Советского Союза. В этом ключе выполнены работы И. Спектора, В. Хааса и П. Эвери⁴⁶.

Через концепцию «третьей силы» рассматривается внешняя политика иранского правительства авторами многотомной истории Ирана, изданной Кембриджским университетом⁴⁷.

Наиболее полно подрывная работа немцев на Среднем Востоке, в частности в Иране, изучалась Г. Кирком⁴⁸. В его работе, написанной по открытым источникам, нашли отражение различные стороны этой политики: начиная от экономической экспансии до деятельности Ф. Майера, Р. Гамотты и других немецких агентов в Иране.

Из общего ряда англо-американских историков выделяются работы Л. Элвелл-Саттона⁴⁹. Он стал первым исследователем, открыто заявившим о том, что пребывание немцев в Иране послужило не столько причиной, сколько поводом для ввода в страну войск союзников.

Отдельные сведения об иранской политике нацистской Германии, так и о внутривнутриполитическом положении Ирана накануне и в годы Второй мировой войны были получены из работ Р. Таппера⁵⁰.

Среди других европейских ученых привлекалась работа исследователя из Франции Б. Вернера⁵¹, давшая некоторый фактический материал.

Таким образом, несмотря на ряд серьезных достижений в разработке проблемы проникновения германских спецслужб в Иран, многие аспекты германо-иранских отношений остались неизученными. Так, ученые не уделили должного внимания тому факту, что политика нацистской Германии в отношении Ирана в 1933-1943 гг. претерпела существенные изменения. За скобками оставался человеческий фактор, практически все, кто так или иначе сотрудничал с абвером и СД, однозначно воспринимались изгоями и предателями.

Долгие годы всестороннему, объективному анализу исследуемых в монографии вопросов мешали идеологические догмы, ставившие историков в жесткие рамки. Недостаточное внимание ученых к теме во многом объяснялось сложившейся на протяжении десятилетий традицией недооценивать роль и место стран Среднего Востока во Второй мировой войне.

Однако главный недостаток работ историков заключался в слабости источниковой базы. Документальные публикации имели выборочный характер, а важнейшие архивные источники по истории спецслужб были недоступны для

исследователей.

Между тем в связи с политическими преобразованиями в СССР середины 1980-х гг. появилась возможность не только изучить рассекреченные архивные документы, но и описать историю недавнего прошлого без мифотворчества и тем самым заполнить пробелы в изучении темы.

Однако книжный рынок заполнили издания научно-популярного характера. Серьезная научная литература считалась скорее исключением, чем правилом и выходила небольшими тиражами. Восполнить пробел подобных изданий – в этом автор видит главную задачу своей книги. Насколько удачна эта попытка судить читателям.

Реза-шах Пехлеви, нацистская Германия и модернизация Ирана

*«На Востоке мы должны распространить
наше господство... до Ирана»
Адольф Гитлер*

После революции 1905-1911 гг. и Первой мировой войны Иран представлял собой жалкое зрелище. Из его 15-и миллионного населения половину составляли крестьяне-земледельцы, в основной своей массе не имевшие земли и на принципе издольщины работавшие на помещиков. Финансы страны, как и экономика в целом, находились в запущенном состоянии. Практически отсутствовала фабрично-заводская промышленность. 90 % иранцев были неграмотны, нищета и слабое развитие медицинской помощи способствовали высокой смертности, особенно детской. Каждый четвертый житель Ирана занимался кочевым скотоводством. В основном это были представители разнообразных племен: арабы, бахтиары, белуджи, кашкайцы, луры, туркмены и шахсеваны. Сепаратистки настроенные вожди племен не признавали над собой власти правительства, а Ахмед-шах, последний монарх из династии Каджаров, не чувствовал себя хозяином в собственной стране. Доминирующие позиции занимали англичане, которым принадлежала иранская нефть – главное достояние и национальное богатство Ирана. Созданная в 1909 г. Англо-иранская нефтяная компания (АИНК), имела право экстерриториальности и в виде концессионных платежей отчисляла иранскому правительству незначительные суммы от своих доходов.

Ситуация стала меняться в начале 1920-х гг. В феврале 1921 г. в Иране произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришло национально ориентированное правительство. Главную роль в нем играл глава персидских казачьих частей Реза-хан. Получив должность военного министра, он нанес поражения ханам-сепаратистам, воссоздав тем самым централизованное государство⁵². В декабре 1925 г., когда Реза-хана провозгласили шахом Ирана, он приступил к широкой модернизации иранского общества. Замыслив ряд важных реформ, новый правитель Ирана начал проводить политику государственного капитализма: были введены автономный таможенный тариф, монополия внешней торговли, установлены высокие пошлины на ввозимые из-за рубежа товары, создан национальный банк. Иранский шах поставил вопрос о ликвидации некоторых привилегий для англичан в Иране и стал настаивать на пересмотре условий договора с АИНК.

Выполняя указания Реза-шаха, иранское правительство начало реализовывать планы промышленного развития, в первую очередь создания на базе местного сырья импортозамещающих отраслей экономики. Начали проектироваться и строиться текстильные фабрики, сахарные, цементные, хлопкоочистительные заводы, шерстомойки, электростанции. Осуществлялось строительство дорог, проводились ирригационные работы, принимались меры по расшире-

нию посевов хлопка. Программы промышленного развития также включали в себя реорганизацию армии и снабжение ее современным вооружением⁵³.

Важным элементом модернизации иранского общества стали реформы в области образования и культуры. В годы правления Реза-шаха были учреждены светские школы, принят закон об обязательном начальном образовании, открыты многочисленные средние учебные заведения и вузы⁵⁴. Глубокие изменения произошли в юридической системе. За несколько лет были приняты уголовный, гражданский кодексы, коммерческий свод законов, закон о регистрации земельных владений.

Вполне естественно, что такие широкомасштабные планы не могли быть выполнены за короткий срок без иностранной помощи. Поэтому иранское правительство начало активно налаживать контакты со странами, готовыми направить в Иран инженеров, механиков, техников, преподавателей и других высококвалифицированных специалистов.

Такой страной Реза-шаху представлялась Германия. Стремясь добиться в кратчайшие сроки экономической независимости от могущественных соседей, в первую очередь от Британской империи, Реза-шах в лице германских фашистов видел союзников, с помощью которых можно было ослабить позиции традиционных противников Ирана. Таким образом, вынашиваемые иранским шахом планы превращения своей страны в мощную региональную державу стали предпосылкой для экспансии агрессивной иностранной державы, какой стала Германия после прихода к власти Гитлера.

Еще одной предпосылкой, которую большинство историков традиционно ставили на первый план, являлась неприязнь Реза-шаха к идеалам социализма и различным формам буржуазной демократии. «Нацистская Германия показала Реза-шаху подарок, посланным небом, чтобы уменьшить его страх перед большевизмом», - так оценивал сложившуюся ситуацию американский исследователь В. Хаас⁵⁵.

Действительно, приход к власти в Германии нацистов, создавших вокруг себя ореол непримиримых борцов с коммунистами, был на руку иранским правителям, опасавшимся советской угрозы. Немалую роль играли идеологические расхождения. В Иране с большой настороженностью следили за атеистической пропагандой, которую вел среди мусульман Востока СССР. Руководители этого государства верили, что советские лидеры могут вернуться к политике экспорта революции, которую они активно проводили в начале 1920-х гг., когда направили части Красной Армии для поддержки революционного движения в Гиляне⁵⁶. Поэтому любые попытки советского проникновения встречали в Иране сильное сопротивление.

Режим, установленный в 1933 г. в Германии, не мог не вызвать к себе симпатий в иранских правящих кругах. По мнению Реза-шаха, для Ирана как для восточной страны, любые авторитарные формы правления были гораздо ближе, чем английская и французская демократии, ибо последние ассоциировались на Востоке с колониализмом. Являясь сторонником модернизации своей страны, Реза-шах в сущности был типичным восточным правителем, не прием-

лющим демократии. В 1930-е гг. даже само слово «демократия» было изъято из употребления⁵⁷.

Успех задуманных реформ Реза-шах видел в наличии в стране сильной центральной власти, отсутствии оппозиции правительственному курсу и неукоснительном выполнении всех его распоряжений. Являясь убежденным сторонником авторитаризма, он в 1935 г. в одной из личных бесед заявил германскому посланнику в Тегеране В. Блюхеру: «Авторитарная форма правления в настоящее время является единственно возможной. В противном случае народы погрузятся в коммунизм. Прежние германские правительства не удовлетворяли обоснованные персидские желания. Из-за этого страдали наши отношения. Но нынешнее германское правительство понимает интересы Персии. С тех пор как оно находится у власти, началось благоприятное развитие персидско-германских отношений»⁵⁸.

В Тегеране полагали, что только Германия могла играть роль противовеса Великобритании и СССР, своеобразной «третьей силы» на Среднем Востоке, противодействующей другим европейским державам. Привлекательность Германии для иранцев усиливал тот факт, что она не была колониальной державой и прикрывала свои истинные намерения антиимпериалистическими лозунгами⁵⁹. Поэтому помощь кредитами и специалистами со стороны третьих стран казалась для иранского правительства более предпочтительной, чем со стороны Великобритании и СССР.

1936 г.: первые шаги абвера в Иране

Во второй половине 1930-х гг. германская разведка сделала первые шаги по превращению территории Ирана в базу для проведения шпионско-подрывной деятельности, направленной против Советского Союза и Великобритании.

В фондах Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК) удалось обнаружить уникальный трофейный документ – доклад о политико-экономическом положении в Иране, датированный 1934 г. В этом докладе подробнейшим образом давалось описание различных народов Ирана, их религии, анализировались финансовая и банковская системы, особое внимание уделялось транспорту, вооруженным силам, анализу состояния англо-иранских и советско-иранских отношений, положению эмигрантов из СССР в Иране. В качестве дополнения к этим материалам прилагались детальные карты Ирана⁶⁰.

Правда, все это были официальные данные, которые нуждались в проверке и вряд ли устраивали германское военное командование. И если в 1933-1935 гг. германская разведка еще не проявляла активности на Среднем Востоке, то, начиная с 1936 г. абвер приступил к созданию в этом регионе секретных баз. Зарубежные организации НСДАП приступили к регистрации на иранской и афганской территориях этнических немцев, которых можно было подключить к разведывательной работе. В 1937 г. Гитлер назначил руководителем всех зарубежных организаций НСДАП Э. Боле. Последний резво принялся оправдывать доверие фюрера. Одним из первых его приказов было требование создать разветвленные агентурные сети в тех странах, где имелись первичные организации нацистской партии⁶¹.

По данным советской разведки, резидентом абвера в Иран был назначен коммерческий атташе Шпект⁶². По мнению английского исследователя Е. Кукриджа, главным агентом Ф. Канариса в этой стране являлся доктор Макс фон Оппенгейм, которому еврейское происхождение не мешало быть активным нацистом. Дело в том, что в абвере работал целый ряд сотрудников, не соответствующих требованиям нюрнбергских законов. Здесь, в отличие от других спецслужб Третьего рейха, на расовое происхождение своих агентов зачастую смотрели сквозь пальцы. И доктор М. Оппенгейм, имевший репутацию известного археолога и автора крупных научных трудов, не был исключением. Однако, как это было со многими шпионами, его научная деятельность представляла собой ширму, за которой скрывались более прозаичные дела⁶³.

Общее же руководство германской агентурой на Среднем Востоке было поручено посланнику Германии в Тегеране Гансу Сменду, сменившему в начале 1935 г. на этом посту В. фон Блюхера. Дело в том, что сразу после прихода Гитлера к власти многие дипломаты старой школы под различными предлогами были заменены правочерными нацистами - агентами внешнеполитического отдела нацистской партии (АО НСДАП), абвера и СД. В. фон Блюхер также был обвинен в недостаточной благонадежности и отозван из Тегерана.

Уже весной 1936 г. Г. Сменд под предлогом осмотра памятников древней иранской культуры совершил поездку с разведывательными целями по югу страны. Летом этого же года, выполняя задания Берлина, он побывал и на севере Ирана⁶⁴. В создании шпионской сети Г. Сменду активно помогал другой фашистский дипломат, военный атташе в Турции и Греции полковник Роде.

На первых порах германское руководство дало своим агентам в Иране задания: собирать информацию об Абадане – «сердце АИНК» и вести шпионскую деятельность против СССР. В Исфахане был создан специальный центр, координировавший деятельность немецкой агентуры на юге страны. Возглавил его проживавший в Иране с начала XX в. Шюнеман. Совместно с военным атташе германской дипломатической миссии он развил энергичную деятельность по привлечению на сторону Третьего рейха вождей иранских кочевых племен. Кашкайцы и бахтиары, вооруженные четырьмя тысячами винтовок, стали поддерживать регулярные связи с Германией⁶⁵.

Руководить разведывательной деятельностью на севере страны было поручено Вольфу и Платте, «представителям» транспортной конторы «Нувель Иран Экспресс» в Пехлеви. Вольф хорошо знал русский и персидский языки, много лет прожил в Иране и создал на побережье Каспийского моря разветвленную шпионскую сеть⁶⁶.

Надо сказать, что для ведения шпионажа на севере Ирана были довольно хорошие условия. После установления Советской власти некоторые иностранные дипломатические миссии и консульства в России оказывали услуги российским гражданам, желавшим покинуть страну в страхе перед большевиками. Многие из этих людей перебрались в Иран, а некоторые остались на Кавказе и в Средней Азии. Значительная часть их находилась в тяжелом материальном положении и, не испытывая к СССР никаких чувств, кроме неприязни, была готова сотрудничать со спецслужбами. Понимая это, советские компетентные органы пытались очистить приграничные районы от неблагонадежных элементов. Каждый советский пароход, прибывавший в Пехлеви, привозил на своем борту так называемых беженцев - людей русской и иранской национальностей, которых большевики не пожелали видеть на территории СССР.

В 1937 г. органами НКВД Туркмении была ликвидирована широко разветвленная шпионско-националистическая организация «Мели-Фирка», инспирированная английской разведкой. Центр этой организации, ставившей перед собой цель отторжение среднеазиатских республик от СССР, находился в афганском городе Герате. Практическая ее деятельность сводилась к подготовке вооруженного восстания для чего в ряде районов Туркмении, в частности, в Керки, Илотани, Ташаузе, Теджене, Мерве, Байрам-Али были созданы шпионско-националистические повстанческие группы, а в прикордонной полосе в Афганистане консолидировались повстанческие кадры из бывших басмачей, расселенных вдоль советско-афганской границы⁶⁷. Деятельность организации приняла такой размах, что потребовалась личная санкция И. В. Сталина на арест всех связанных с организацией афганских подданных, проживавших на территории СССР⁶⁸. Кроме того, И.В. Сталиным было принято решение аре-

ствовать всех вернувшихся из Афганистана и Ирана баев и мулл, а дела арестованных рассмотреть на «тройках»⁶⁹.

Разочаровавшись в англичанах, эмигранты из советской Средней Азии стали обращать свои взоры на германских фашистов. В 1937 г. один из их лидеров - Джунаид-хан направил всем главарям бандформирований и лидерам эмигрантских организаций послание, в котором, в частности, указывал: «... фашистский строй существует во многих странах. Теперь надо разворачивать работу. Анна-Мурад-Ахуна уважайте как магометанскую религию (так в документе. - А.О.), ибо он за экономический подъем и указывает нам правильный фашистский путь»⁷⁰. В этом же послании Джунаид-хан сообщал о том, что он уже получил много оружия и лошадей и что «через восемь месяцев начнется серьезная борьба с большевиками»⁷¹. Вряд ли стоит полагаться на достоверность последних сведений, так как германская активность на Среднем Востоке к 1937 г. не достигла масштабов, чтобы оказывать военную помощь эмигрантам. Но преуменьшать значение подобных настроений нельзя, ибо они создавали благоприятную почву для сотрудничества эмигрантов с германской разведкой в будущем.

В 1936 г. иранское правительство передало в руки немцев всю систему ветеринарного контроля в провинции Иранский Азербайджан, что значительно облегчило деятельность германской агентуры в северных областях страны. Безусловно, такие действия вызвали протест со стороны СССР. 16 ноября 1936 г. в Тегеране во время беседы советский представитель в Иране А. Черных заявил министру иностранных дел Ирана Самии: «Вся система ветеринарного контроля в Азербайджане, где мы покупаем громадное количество скота, находится в руках немцев. Мы не можем рассчитывать на сколько-нибудь активное желание этих немецких специалистов ограждать наши границы от заноса эпизоотий»⁷².

С середины 1930-х гг. в Иран хлынул целый поток немцев. Только в 1936-1937 гг. в Иран прибыло 778 германских подданных, а в 1937-1938 гг. - 819. Большинство этих «туристов» не вернулось в Германию, осев в Тегеране и других иранских городах. С 1928 г. по 1938 г. численность германских подданных удесятирилась и к концу 1938 г. составляла 1500 человек⁷³.

Многие из прибывших в страну немцев активно включились в шпионскую работу. Руководитель группы «туристов» Люск в ходе поездок по стране снял фильм, который представлял ценный материал для разведки. На отснятой им пленке были запечатлены природный ландшафт Ирана, населенные пункты и коммуникации⁷⁴. Германским шпионам удалось установить и использовать новейшую аппаратуру для подслушивания на центральной телефонной станции в Тегеране и даже в шахском дворце⁷⁵.

Определить, кто из прибывших в Иран немцев действительно являлся туристом, а кто приехал выполнять задания разведки, было непросто, но возможно. Дело в том, что паспорта, которые получали агенты абвера, как правило, были выданы управлением полиции Берлина, хотя в обычной ситуации документы выдавались соответствующим полицейским участком⁷⁶. К сожалению

нию, у нас нет сведений о том, какое значение этому факту придавали советские контрразведчики. Но не исключено, что именно это демаскирующее обстоятельство в будущем послужило причиной провала некоторых гитлеровских агентов.

Весьма удобный человеческий материал для шпионской работы на севере страны представляли контрабандисты. Хорошее знание местности, многочисленные информаторы среди местного населения делали их ценными агентами. К тому же эти люди влачили жалкое существование и за небольшое вознаграждение были готовы выполнить любое поручение. Перебрасывая за кордон нелегальный товар, они с успехом подрабатывали: сначала оказывали помощь спецслужбам Ирана, а затем - немецкой разведке.

Нацисты могли рассчитывать и на бандитов, с целью грабежа пересекавших советско–иранскую границу. Их набеги совершались при попустительстве иранских пограничных комиссаров. Правда, эти формирования были малочисленны. Как правило, их состав не превышал пяти–семи человек. 30 октября 1938 г. советские пограничники ликвидировали прорвавшуюся из Ирана банду Нияз Мухаммед–бека, состоявшую из пяти человек, 29 декабря этого же года колхозники задержали переброшенных из Ирана трех шпионов, а 23 января 1939 г. на участке Бахардинского погранотряда была уничтожена банда из шести человек⁷⁷. За период с 1 мая по 1 ноября 1939 г. советскими пограничниками были ликвидированы 22 вооруженных бандформирования общей численностью 49 человек⁷⁸.

В подрывной, шпионской работе немцы также пытались использовать женщин, посылая их в страны Среднего Востока под видом учительниц, нянек, машинисток, портных. Эти шпионки проходили предварительные шестимесячные курсы в Гамбурге, затем с подложными паспортами отправлялись в Иран.

Активно занималась военным шпионажем авиакомпания «Люфтганза». На советской границе ее самолеты впервые появились летом 1936 г.⁷⁹. В 1937 г. полеты немецких самолетов возобновились, а в 1938 г. стали регулярными. Систематически залетая в советское воздушное пространство, немцы постоянно меняли летный состав на обслуживаемой ими трассе Тегеран - Кабул, ставя задачу ознакомить с ней максимальное количество летчиков. Для шпионских целей немцы использовали радиостанцию, которую они установили в Кабуле якобы для обслуживания самолетов. Ключ от здания станции находился у немцев и никто из афганцев не имел доступа на ее территорию⁸⁰.

Накануне Второй мировой войны германская агентура активизировала свою деятельность на Среднем Востоке. В декабре 1938 г. полковник Роде с разведывательными целями предпринял путешествие по странам Ближнего и Среднего Востока, в ходе которого он собрал материал о стратегическом и военно-политическом положении Ирана и Афганистана и доложил о возможностях их использования в планируемой войне. В честь «большого гостя» иранские военачальники устроили несколько торжественных приемов и даже организовали смотр отдельных частей Тегеранского гарнизона. Роде осмотрел

казармы 21-го пехотного полка 2-й дивизии, присутствовал на тактических учениях в поле. Кроме того, Роде было разрешено осмотреть 4-й авиационный полк⁸¹. За всю историю иранской армии это был первый подобный смотр, когда военному атташе иностранной державы иранцы столь открыто раскрывали свои военные секреты.

Есть сведения, что в декабре 1938 г., когда в связи с процессом по «делу 53-х» иранская полиция провела серию арестов просоветски настроенных иранцев, германская агентура организовала ряд терактов. В течение нескольких дней неизвестные лица совершили несколько поджогов: сперва подожгли цех по изготовлению прикладов в Тегеранском арсенале, затем были подожжены Сольтенатабадский арсенал, артиллерийский склад Исфаханского гарнизона, казармы в Мешхеде и Тебризе. По данным советской разведки, к этим событиям были причастны агенты германских спецслужб⁸².

Смысл провокации, задуманной гитлеровцами, был таков: поскольку пожары прошли вслед за печально знаменитым процессом о «делу 53-х», когда на скамью подсудимых были посажены лидеры местных коммунистов, иранская полиция наверняка заподозрит в их организации СССР, что еще больше увеличит страх правящих кругов Ирана перед «коммунистической угрозой».

«Арийское братство»: пропагандистский огонь по общественному мнению

Третий рейх уделял большое внимание идеологической обработке общественного мнения в Иране. Внешнеполитический отдел нацистской партии, иностранный отдел министерства пропаганды, абвер, министерство иностранных дел развернули в этой стране активную пропагандистскую деятельность. Важные пропагандистские функции выполняло Германское общество Ближнего и Среднего Востока, одной из задач которого было формирование прогерманских настроений в Иране. Получая поддержку от известных немецких фирм, эта организация издавала газету «Ориент Нахрихтен» («Известия Ближнего и Среднего Востока») ⁸³.

Центральное место в пропаганде германских фашистов в Иране заняли теории об общем арийском происхождении немцев и иранцев ⁸⁴. Представляет интерес уже тот факт, что в первоначальном варианте расовой таблицы, составленной нацистами еще до прихода к власти, на ее верхних этажах не было места азиатским народам. Однако политические соображения заставили их внести изменения в эту структуру, после чего избранными арийскими нациями были объявлены японцы, а затем иранцы и некоторые другие народы ⁸⁵.

Специальным декретом германское правительство освободило иранцев как «чистокровных арийцев» от действия ограничительных положений нюрнбергских расистских законов. Для того чтобы возвеличить роль Ирана как места рождения арийской расы, по рекомендации германской дипломатической миссии название государства «Персия» было официально изменено на «Иран», а подданные этого государства стали именоваться «иранцами». В Тегеране здание Национального банка было спроектировано немецким архитектором в неоперсеполисском стиле, а стены железнодорожного вокзала украсили узоры из свастики ⁸⁶. Принятие этого знака в качестве символа НСДАП истолковывалось нацистами как признак духовного родства между «арийцами севера» и «нацией Зороастры», общностью интересов Ирана и Германии ⁸⁷. Подтвердить тезис об общем арийском происхождении немцев и иранцев должны были санкционированные расовым управлением СС браки германских «чистокровных арийских» девушек с видными представителями политической, военной и экономической элиты Ирана ⁸⁸.

Расчет фашистских пропагандистов оказался точным. Иранцам гораздо больше импонировала идея о превосходстве арийцев над другими народами, чем советская пропаганда интернационализма, поскольку национализм, в отличие от лозунгов классовой борьбы, имел в Иране прочную почву ⁸⁹. На страницах авторитетной газеты «Иран» один из авторов заявлял, что если арийская раса сохранилась где-нибудь, то только в такой стране, как Иран, который считается «очагом возрождения этой расы» ⁹⁰. В 1938 г. в Иране вышла брошюра «Раса и язык», автор которой, в свою очередь, утверждал, что «все ученые, изучавшие вопрос о первоначальной родине арийцев, единогласны в том, что среди арийцев именно иранцы составили группу, больше всех создавшую госу-

дарственность в стране, называемую Ираном»⁹¹. Надо сказать, что подобные высказывания были не единичными и довольно точно отражали отношение иранской общественности к расовому вопросу.

Под непосредственным влиянием нацистов официальные круги Ирана разрабатывали и широко пропагандировали идеи персидского шовинизма, реваншизма и паниранизма⁹². Рассматривая древних персов «чистыми» арийцами, игнорируя или резко отрицательно характеризуя последующие значительные этно-расовые перемены в составе населения страны, преподаватели Тегеранского университета и столичные публицисты выдвинули идею о необходимости «восстановления» единого языкового и культурного пространства по всей стране. Активными пропагандистами подобных идей были издатель журнала «Айанде» доктор Махмуд Афшар, публицисты Аббас Эжбал и Ахмед Кесрави⁹³. Среди молодежи и военнослужащих широкое распространение получили идеи о «священной миссии по освобождению 17 пленных городов» (имелись в виду города Советского Закавказья, отошедшие России в результате русско-иранских войн. – А.О.).

Популярными в Иране стали антисемитские лозунги германских фашистов. Как и в Третьем рейхе, в Иране стали открыто обсуждать положение евреев. Относительно их будущего было выдвинуто несколько проектов. Предлагалось разрешить им проживать только в трех иранских городах, лишить права обладания недвижимым имуществом и т.д.⁹⁴. С целью усиления антиеврейских настроений немцы распространяли по Тегерану слухи о похищении детей местными евреями. Одно время эти слухи приобрели настолько возбуждающий характер, что в городе стали опасаться еврейских погромов. Главное полицейское управление Тегерана даже было вынуждено выступить с официальным опровержением подобной информации.

Успехи фашистской пропаганды объяснялись и тем, что к середине 1930-х гг. идеологические конкуренты нацистов в Иране - коммунистические организации - были ликвидированы, а в 1938 г. состоялся судебный процесс по «делу 53-х», который на несколько лет приостановил деятельность коммунистов в этой стране⁹⁵.

Немецкая пропаганда поднимала и другие вопросы. Нацистские пропагандисты заверяли иранцев, что именно Германия призвана защитить их государство от угрозы со стороны Советского Союза и Великобритании. Провозглашались антиимпериалистические лозунги, объявлявшие Германию заступницей народов Востока⁹⁶. Одним из аргументов, которым пользовались немецкие пропагандисты, было то, что Третий рейх - не сосед Ирана, как СССР и Британская империя, и вследствие этого не может представлять для него какой-нибудь серьезной опасности.

С целью привлечения правителей государств Среднего Востока на свою сторону германские пропагандисты ставили их даже на одну высоту с самим Гитлером. Особых похвал удостоился иранский шах. Примером тому может служить книга Г. Мельцига, в которой не только восхвалялись личные

качества иранского монарха, но проводились параллели между Реза-шахом Пехлеви и фюрером нацистов⁹⁷.

Действительно, между Гитлером и Реза-шахом было немало общего. Единство жизненного пути, который они прошли от солдата до главы государства, стремление к ширококомасштабным акциям, неприятие ценностей западной демократии сближали диктаторов. Осенью 1938 г. в иранской прессе циркулировал слух о том, что Гитлер пригласил Реза-шаха посетить Германию и о том, что приглашение принято⁹⁸. Однако Реза-шах в обстановке приближавшейся войны предпочел быть более осторожным и не решился совершить поездку в Берлин.

Одним из факторов, обеспечившим успех нацистской пропаганде, было обращение к религиозным чувствам иранских мусульман. Однако чтобы успешно вести пропаганду в религиозной сфере, немцы не могли не учитывать антиклерикальные настроения Реза-шаха. Поэтому был сделан ловкий пропагандистский трюк - шиитское направление в исламе было объявлено истинной арийской религией, противостоящей арабскому исламу «семитского суннитского толка». Такой подход не вызывал сопротивления со стороны правящих кругов и одновременно позволял найти новых сторонников германского фашизма⁹⁹. Не ограничиваясь этим, немецкие пропагандисты распространили среди иранцев - шиитов слух, что будто бы Гитлер является «Махди» - скрытым двенадцатым имамом, и даже точно определили дату его пришествия¹⁰⁰.

Проводя параллели между Аллахом и древнегерманскими богами, гитлеровцы внушали иранцам, что Гитлер по происхождению лур, о чем свидетельствует якобы окончание его фамилии¹⁰¹. Также сообщались сведения о принятии им ислама и нового имени - Гейдар¹⁰². На базарах немцы рассказывали, что будто бы фюрер родился с зеленой каймой вокруг пояса - несомненным признаком мусульманской святости. Они активно пропагандировали идею о мировом еврейском заговоре и необходимости войны с ним. Нацисты проводили параллель между борьбой, которую пророк Мухаммед вел с евреями в VII в. с борьбой Гитлера за «окончательное решение еврейского вопроса».

Немцы распространяли листовки, в которых говорилось, что Германия в годы Первой мировой войны воевала на одной стороне с другой страной Востока - Турцией¹⁰³ и никогда не имела мусульманских колоний. Запугивая иранцев советской угрозой, германские агенты распускали слухи о зверствах большевиков в населенных мусульманами районах Советского Союза, об унижениях, которым будто бы подвергались «правоверные» в СССР. Они убеждали простых иранцев, что провозглашенный еще В.И. Лениным лозунг об отсутствии противоречий между социализмом и исламом, является всего лишь ловким тактическим ходом коммунистической пропаганды, и что истинные друзья ислама находятся в Берлине.

Устная пропаганда дополнялась и конкретными делами, когда на улицах немцы раздавали деньги иранской бедноте, создавая тем самым образ процветающей Германии. В день рождения Гитлера рабочим на объектах совместного

германо-иранского строительства выдавалось по десять риалов. В Бабольскую больницу немцами было отпущено лекарств на 4000 риалов. Все это облекалось в форму «помощи немцев народам Востока»¹⁰⁴. Немалый пропагандистский эффект имела функционировавшая в Иране немецкая больница, где наряду с приемом больных не только велась агитация за Третий рейх, но и собирались ценные сведения для германской разведки. Демонстрируя таким образом искренность взаимоотношения с иранцами, нацисты создавали в отношении себя «климат завышенных ожиданий», что позволяло им формировать у общественности нужные политические мифы и образы. В результате в Иране о германских фашистах пошла слава как о самых щедрых друзьях¹⁰⁵.

Немецкие пропагандисты серьезное внимание уделяли насаждению нацистской идеологии среди иранской молодежи, наиболее восприимчивой для принятия ценностей фашизма. Этому способствовал сам Реза-шах, отличавшийся особой слабостью к военизированным молодежным бойскаутским организациям и культивировавший у себя в стране националистические чувства. В июне 1935 г., выполняя его указания, министерство просвещения Ирана направило местным отделам циркулярное письмо, в котором ставилась задача сформировать бойскаутские организации по всей стране¹⁰⁶.

В декабре 1937 г. в Иран прибыл руководитель «Гитлерюгенда» Бальдур фон Ширах¹⁰⁷. Это событие нашло отражение на страницах всех иранских газет, которые поместили хвалебные публикации о лидере германской фашистской молодежи. Газеты привели его подробные биографические данные, отметили, что Б. фон Ширах является выходцем из древнего аристократического рода, получил образование по части изящных искусств и литературе, известен своими патриотическими стихами. Для германского гостя в присутствии министра просвещения Ирана были устроены торжественные смотры иранских бойскаутов, школьников и студентов. Иранская молодежь даже прошла военным маршем с нацистским приветствием. Затем Б. фон Ширах направился в местность Манзарие, где осмотрел сборы иранских бойскаутов, после чего был приглашен на банкет. В ходе своего пребывания в Иране Б. фон Ширах не только успел повстречаться в неофициальной обстановке с членами иранского правительства, но и был принят самим шахом¹⁰⁸. В день отъезда руководителя «Гитлерюгенда» из Ирана в местных газетах была опубликована статья под заголовком «Запад и Восток», автор которой утверждал, что «Запад нуждается в возрождении по образцу современного Ирана, а Восток нуждается в Западе и что олицетворением Запада является имперская Германия, а Иран – это колыбель арийской расы, соответственно Германии»¹⁰⁹.

С 1939 г. созданные по германскому образцу бойскаутские отряды стали обязательными организациями в школах, а верховным их руководителем был назначен наследный принц Мухаммед Реза¹¹⁰. Бойскауты ежегодно проводили военную подготовку в летних лагерях, участвовали в парадах во время национальных праздников. К началу Второй мировой войны их отряды превратились в военизированные группы иранской молодежи, идеалом для которой служил Третий рейх.

Как известно, Реза-шах, сам имевший только начальное образование, пристальное внимание уделял созданию в Иране системы светского образования. Поэтому Германия, принимавшая активное участие в открытии учебных заведений в Иране не могла не вызвать симпатий у иранского монарха. Еще до Первой мировой войны в Тегеране был открыт немецкий колледж, а в Урмии и Хое - миссионерские школы¹¹¹. Со дня основания Тегеранского университета в нем работали восемь преподавателей - немцев¹¹². К концу же 1930-х гг. иранские учебные заведения перешли в полное распоряжение немецких инструкторов и педагогов, прибывших в страну по приглашению правительства. Только в 1939 г. в Иран приехало более десятка немецких учителей. Немцы возглавляли кафедры почти во всех учебных заведениях страны. Они руководили учебным процессом в профессионально-технических училищах Тебриза, Мешхеда, Исфахана, Шираза, читали лекции в сельскохозяйственном и ветеринарном институтах¹¹³.

Особой активностью по насаждению образа процветающей Германии среди молодых иранцев выделялись профессор Тегеранского университета Кох, технические директора ремесленных училищ в Исфахане и Мешхеде - Гнай и Генель¹¹⁴.

Активность германских преподавателей дала результаты. Под их влиянием в школах Ирана программы стали строиться по немецким образцам. Особое внимание обращалось на изучение немецкого языка, преподаванию которого уделялось пять-шесть часов в неделю. На уроках немецкие педагоги внушали учащимся мысли о превосходстве арийской расы, о «вечной дружбе» Германии и Ирана.

Так как политических партий в Иране в то время не существовало, немцы пытались наладить контакты с разного рода общественными организациями. Во второй половине 1930-х гг. по инициативе иранского правительства была создана «Организация по ориентации общественного мнения», с которой германским пропагандистам удалось установить хорошие связи. В организацию входили влиятельные лица министерства просвещения, общественные и культурные деятели, члены ученого совета Тегеранского университета, руководители бойскаутского движения. В ее составе действовали комиссии по устройству бесед и лекций, по радиовещанию, печати и т.д. С апреля 1939 г. общество стало издавать собственный журнал «Иран-е Эмруз», редактором которого был назначен председатель комиссии по делам печати при «Организации по ориентации общественного мнения» Хед Жази¹¹⁵.

Учащиеся школ и студенты, а также служащие должны были в обязательном порядке посещать лекции, устраиваемые членами организации. На этих лекциях чаще всего проводились беседы об обязанностях современной молодежи по отношению к шаху и родине, об успехах «нового» Ирана, о «великом реформаторе» Реза-шахе. Характерно, что с возникновением организации в Иране появились фигуры, претендовавшие на роль идеологов режима Пехлеви. Среди них выделялись министр юстиции М.Дафтари и министр финансов М. Бадер. Прогерманские настроения обоих были хорошо известны, и

во многом благодаря этим личностям создавалась база для дальнейшего усиления влияния нацистов в Иране. С их помощью в стране распространялись хвалебные материалы о гитлеровской Германии. В иранских газетах было обилие снимков по присылаемым из Берлина клише, статьи о «возрождающейся германской нации»¹¹⁶. Нередко в иранских газетах можно было увидеть жизнеописания Гитлера и других видных нацистов.

Активная пропаганда велась в армии, полиции, на военных предприятиях и в государственных учреждениях. Эта активность объяснялась тем, что людей, работающих в таких организациях, германская разведка считала наиболее перспективными для последующей вербовки и оперативного использования. С целью расширения своего влияния на некоторые группы офицеров и солдат германские советники настойчиво внушали им мысль об их арийском происхождении. Надо признать, эти идеи находили отклик в сердцах многих военных.

Встречая понимание со стороны Берлина, иранское правительство стало посылать в Германию студентов. Большинство иранских врачей получило образование в Германии. Это было неудивительно, так как в то время она являлась основным поставщиком медицинского оборудования в Иран¹¹⁷. Более того, руководить мешхедской больницей, крупнейшей тогда в Азии, было поручено немецкому врачу¹¹⁸. Только в 1936 г. в Третий рейх для продолжения учебы иранским правительством за счет бюджета было командировано 39 студентов, а еще 27 человек направились в Германию за свой счет¹¹⁹. Иранцы, напичканные германской пропагандой с малых лет, становились при возвращении на родину своего рода «агентами влияния», готовыми сотрудничать с фашистскими спецслужбами на безвозмездной основе - из так называемых идейных побуждений.

Известным журналистам, деятелям искусства, техническому персоналу промышленных предприятий немцы сами делали предложение посетить Германию. Давшим согласие на столь заманчивое заграничное путешествие они оформляли служебные командировки, либо отправляли в Третий рейх частным образом. В результате тот или иной иранец выезжал в Германию, где его в нацистском духе пытались обработать фашистские спецслужбы.

В Германии учился доктор естественных наук Асадулла Хан Дариуш, который по прибытии на родину был назначен профессором технологического факультета Тегеранского университета¹²⁰. В течение нескольких лет в Берлине обучался известный иранский музыкант Мустафа Эвтехар¹²¹.

Немецкие университеты присваивали некоторым представителям иранской интеллигенции ученые степени и звания. Сын гияльского губернатора историк Абдул Фатеми защитил в Гейдельбергском университете докторскую диссертацию¹²². В Берлинском университете ученая степень доктора исторических наук была присвоена другому иранцу – Абдоллаху Малекпуру. Естественно, что оба автора в своих трудах рисовали радужные перспективы германо–иранского сотрудничества. В частности, в труде А. Малекпура красной нитью проводилась мысль о том, что поставки Ирану оборудования и отправка

немецких специалистов откроют перед Германией новые возможности по получению доступа к иранскому сырью. Здесь же говорилось о том, что иранскому правительству пора отказаться от займов у СССР и Великобритании и использовать другие возможности, т.е. обращаться за кредитами к Третьему рейху¹²³. Следуя политике привлечения на свою сторону видных представителей иранской интеллигенции, в августе 1935 г. на проходившем в Берлине международном конгрессе по уголовному праву Прусская академия наук избрала председателем иранской делегации Матина своим почетным членом¹²⁴.

Идеологическая экспансия Германии на Средний Восток развивалась и по другим каналам. 4 октября 1934 г. в Тегеране на празднованиях юбилея классика иранской литературы Фирдоуси германский посланник В. фон Блюхер торжественно вручил представителям правительства Ирана несколько книг, в частности указатель имен и словарь к поэме «Шах-Наме» Фрица Вольфа¹²⁵. Кроме того, в некоторых немецких городах в честь иранского поэта были организованы юбилейные вечера¹²⁶. В августе 1939 г. немцы вручили иранцам щедрый подарок – пополнили фонды их национальной библиотеки 7500 новыми книгами. По этому случаю руководитель внешнеполитического отдела НСДАП А. Розенберг устроил торжественное собрание, на которое были приглашены видные деятели науки и искусства, а также иранские студенты, обучавшиеся в Германии¹²⁷. К этому времени вышел первый персидско-немецкий словарь, содержащий 25000 слов¹²⁸.

Большой пропагандистский эффект дали Олимпийские игры 1936 г. в Берлине. Надо признать, что ни одна предшествующая Олимпиада не была так великолепно организована, не сопровождалась такими впечатляющими зрелищами, как эта. Г. Геринг, И. Риббентроп и Й. Геббельс устраивали в честь иностранных гостей пышные приемы. Иностранцы были поражены: вид счастливых, здоровых, приветливых людей, сплоченных вокруг Гитлера, далеко не соответствовал их представлениям о Берлине, почерпнутым из газет¹²⁹. Несмотря на то, что Иран официально не принимал участия в Олимпийских играх, в Берлин была направлена специальная делегация из Тегерана. Вместе с другими спортсменами в олимпийской деревне близ Берлина в специальном лагере располагалась группа иранских физкультурников¹³⁰. Вернувшись на родину, большинство из них стали проводниками германского влияния в стране. Проведенные в Германии Олимпийские игры произвели на наследника шахского престола Мухаммеда Реза такое впечатление, что летом 1939 г. им было принято решение каждые два года проводить в Иране национальные олимпиады¹³¹.

Нацисты активно распространяли в Иране разного рода печатную продукцию: газеты, журналы, бюллетени, брошюры, книги и листовки, причем большинство литературы было на персидском языке. Только в Тегеране функционировали два немецких магазина, где любой желающий мог свободно приобрести нацистскую периодику¹³². Широкое распространение получила уличная торговля фашистскими изданиями. Прокламации прогерманского содержания вкладывались также в рекламные проспекты.

Большую активность развило немецкое телеграфное агентство ДНБ, направлявшее в Иран материалы не только о Германии, но и тенденциозно подбиравшее информацию о положении в Англии, Франции, Польше и других странах. Английский и польский посланники даже несколько раз делали представления в иранский МИД по поводу публикаций в местной прессе сообщений ДНБ в виде телеграмм из Лондона и Варшавы¹³³.

В Иране при немецкой дипломатической миссии был создан особый пропагандистский отдел, работой которого руководил атташе по культурным вопросам Винклер. В штате отдела имелось десять человек. Этой группе было поручено переводить на персидский язык речи фюрера и его книгу «Майн кампф»¹³⁴. Среди иранцев за перевод «священной книги» нацизма взялся получивший образование в Берлине депутат меджлиса Хабибулла Новбахт. В результате «Майн кампф» имела небывалый успех в Тегеране и одно время являлась бестселлером¹³⁵.

В начале 1938 г. в Иране вышла книга «Гитлер», в которой наряду с биографией вождя национал-социализма давалось описание политического положения в Германии, приводились подробные биографические сведения о Й. Геббельсе, Г. Геринге, Р. Гессе, И. Риббентропе, А. Розенберге, В. Фрике и других видных нацистах. Ее составитель - Вахид Мазендерани с первых слов этого сочинения обозначил свое восторженное отношение к «фюреру германской нации»: «Многочисленные авторы, составившие статьи и книги о Гитлере и его деятельности, считают его жемчужиной сотворения и образцом величайших и мировых деятелей»¹³⁶. Примерно в это же время другой иранский деятель Джехенсув написал книгу «Мысли Гитлера», которая представляла собой неприкрытый панегирик фюреру нацистов.

Надо сказать, что немцы чувствовали себя на Среднем Востоке довольно свободно. Умело, используя тягу местных чиновников к взяткам, они отчисляли определенный процент в пользу того или иного чиновника, подписавшего выгодную им сделку. Кроме того, за выполненные поручения нацисты щедро платили. Так, иранский инженер Емами, работавший в Сольтенатабадском арсенале, получал от германской разведки за проведение пропагандистской работы ежемесячно 400 туманов¹³⁷.

Центром фашистского движения в Иране стал журнал «Иран-е Бастан» («Древний Иран»), еженедельно издававшийся в 1933-1937 гг. Его страницы были заполнены статьями о политической и военной жизни Германии, материалами о достигнутых национал-социалистами успехах. Основное место отводилось рекламе продукции фирмы «Сименс», на средства которой официально издавался еженедельник. Со страниц этого издания звучали требования отдавать предпочтения иранцам в «национальных и торговых делах», говорилось о необходимости «очистить иранскую почву от марксистских идей и чужеродных элементов», всем жителям предлагалось приветствовать друг друга словами «Зенде бад шах» («Да здравствует шах»), что вполне соответствовало принятому в Германии «Хайль Гитлер»¹³⁸.

Редактором «Иран–е Бастан» являлся иранский националист Сейф Азад, смотревший на Германию как на «третью силу», способную видеть в Иране равноценного партнера. Выступая на страницах журнала с призывами «освободиться от засилья иностранцев» и «ликвидировать отставание Ирана от Запада», Сейф Азад непрестанно заявлял, что немцы имеют одинаковое с иранцами расовое происхождение и, в отличие от других европейцев, готовы «бескорыстно» помогать Ирану.

Некоторые номера журнала «Иран–е Бастан» составлялись и печатались целиком в Берлине, что дало советским историкам основания утверждать, что фактически его редактором был директор коммерческо–политического отдела НСДАП майор фон Виббан, работавший на ведомство А. Розенберга¹³⁹. На политическую направленность этого издания указывала и свастика, красовавшаяся на обложке журнала.

Особое внимание фашистскими идеологами уделялось радиопропаганде. В 1939 г. немецкая фирма «Телефункен» приняла активное участие в сооружении радиостанции в Тегеране, а другая немецкая фирма «АЭГ» доставила радиоаппаратуру в Иран. Кроме того, министерство почты и телеграфа Ирана закупило в Германии громкоговорители¹⁴⁰.

Правительство Ирана довольно терпимо относилось к нацистской пропаганде. Это объяснялось тем, что иранские власти возлагали надежды на Германию в индустриализации страны и модернизации армии. К тому же среди руководителей Ирана долгое время господствовало убеждение, что Третий рейх не преследует на Среднем Востоке политических целей.

Используя тезис об общем арийском происхождении, обращаясь к религиозным чувствам иранцев, германские идеологи добились серьезных успехов. Сдобренная щедрыми посулами, нацистская пропаганда нашла поддержку в слоях населения, настроенных традиционно антибритански. Наибольшее влияние она оказала на национальную буржуазию, национальную интеллигенцию и военные круги, так как Германия обещала избавить Иран от иностранного засилья. Именно эти круги стали социальной опорой фашизма в Иране.

Как видим, к началу Второй мировой войны Германия добилась в Иране серьезных успехов. На его территории была создана широко разветвленная шпионско-диверсионная сеть. Свою роль сыграла и широко развернутая пропаганда. Распространение листовок, брошюр, книг фашистского содержания, подкуп чиновников, обещания освободить Иран от британских колонизаторов, обращения к религиозным чувствам иранцев являлись главными причинами ее успеха. В отличие от других иностранцев, немцы пользовались в Иране относительной свободой, высок был их авторитет в деловых кругах. Естественно, что в Берлине были удовлетворены достигнутыми успехами. Гитлер был готов использовать Иран в своих дальнейших планах по завоеванию мирового господства.

Франц Майер и К^о прибывают в Иран

Начавшаяся Вторая мировая война поставила Реза-шаха перед задачей, от решения которой зависела дальнейшая судьба Ирана: вступить в войну на стороне одной из воевавших сторон или же занять нейтральную позицию. Выбор был сделан 4 сентября, когда иранское правительство заявило о своем нейтралитете и сообщило, что будет защищать его силой оружия¹⁴¹. Вслед за этим было опубликовано обращение министра внутренних дел ко всем иранским подданным, а также проживавшим в Иране иностранцам, в котором под угрозой наказания предлагалось воздержаться от всякого рода действий, противоречащих принципу нейтралитета¹⁴².

Как мы могли убедиться, к началу Второй мировой войны МИД Германии и абвер уже имели детально разработанные планы подрывной и «повстанческой» деятельности на Среднем Востоке. Эти планы строились на учете противоречий между народами мусульманских стран и британским колониальным господством. Поддерживая связи с политическими деятелями, вождями племен, лидерами националистических и религиозных организаций, нацисты надеялись использовать их для вооруженной борьбы против Англии, а затем Советского Союза. По их убеждению, лозунг «Германия превыше всего!» и национализм антиколониальных движений имели общую основу для борьбы с Британской империей.

Руководство деятельностью германской агентуры и проведение подрывных операций на Среднем Востоке было возложено на нового германского посланника в Тегеране, бригаденфюрера СС Эрвина Эттеля, заступившего на этот пост в ноябре 1939 г.¹⁴³. В Иране Э. Эттель также исполнял обязанности ландесгруппенляйтера местной организации НСДАП. Совмещая обе должности, Э. Эттель выполнял не только указания И. Риббентропа, но и шефа АО НСДАП Э. Боле - организатора зарубежных «пятых колонн» нацизма.

В марте 1940 г. в Тебриз в качестве консула был направлен опытный германский разведчик, сотрудник абвера капитан П. Леверкюн. Главная его задача заключалась в исследовании района Карадаг с целью выявления удобных позиций для развертывания германских экспедиционных войск¹⁴⁴.

К активной разведывательной работе в Иране подключился Г. Раданович-Гартман, выполнявший до этого задания абвера в Испании и Франции. В течение нескольких месяцев он изготовил около 20 топографических карт приграничных с Советским Союзом иранских областей, на которых были указаны военные укрепления и важнейшие коммуникации¹⁴⁵. Эти карты были крайне необходимы берлинским стратегам для переброски вермахта через Иран в Британскую Индию – конечную цель гитлеровской политики на Востоке.

В октябре 1940 г. в Тегеран прибыли сотрудники СД Франц Майер и Роман Гамотта - самые опытные германские агенты, когда-либо орудовавшие в Иране.

С начала войны Ф. Майер находился на задании в Советском Союзе и в феврале 1940 г. по возвращении в Третий рейх представил доклад своему руководству, в котором дал высокую оценку политической, военной и экономической мощи СССР, чем вызвал неудовольствие начальства. По-видимому, его отправка в Иран была своего рода наказанием как специалисту, не разобравшемуся в тонкостях сложившейся политической ситуации, так как, направив его в эту восточную страну, Берлин не дал ему каких-либо конкретных указаний¹⁴⁶. Но Ф. Майер, не дожидаясь инструкций своих шефов, приступил к активной работе. Надо отдать ему должное - в Иране этот офицер показал себя человеком дела. В страну он официально прибыл как представитель фирмы «Мерседес-Бенц». Это позволило ему с первых же дней пребывания в Иране установить связи со многими местными военными, так как в его официальные обязанности входило снабжение механизированных частей иранской армии автозапчастями. Главным его информатором стал выходец из Советского Азербайджана армейский офицер Зульгадар.

Ф. Майер был человеком высокого роста, с круглым лицом, голубыми глазами, с длинными зачесанными назад волосами, слева от глаза до уха тянулся шрам, на левой руке безымянный палец был коротким. По жизненным взглядам он представлял собой типичного фанатика национал-социализма, изображавшего из себя сверхчеловека.

Ф. Майер был не лишен некоторых талантов. Он бегло говорил по персидски, любил популярную в Иране игру в нарды, слыл мастером перевоплощения и при желании мог сойти за иранца. Хорошо знавший Ф. Майера немец Гайер, арестованный НКВД, говорил о нем: «Один из умнейших людей, которых я когда-либо встречал»¹⁴⁷. Поэтому неслучайно именно Ф. Майеру германский посланник в Тегеране Э. Эттель давал наиболее деликатные поручения¹⁴⁸.

Другой разведчик, Р. Гамотта, уже успел проявить себя в Польше, где заслужил славу умелого «организатора восстаний и партизанского движения». О значимости этого агента говорил тот факт, что он был в близких отношениях с Г. Гиммлером, и что все его доклады обрабатывались лично германским военным атташе в Тегеране фон Гельдером. Направив этого аса шпионажа в Иран, Берлин снабдил его крупной суммой денег, а прогермански настроенные иранцы помогли ему устроиться на работу в общество «Иранэкспресс», что дало Р. Гамотте возможность свободно передвигаться по всей стране¹⁴⁹. Официальным прикрытием его шпионской деятельности также служила работа корреспондентом агентства «Трансоцеан»¹⁵⁰.

Серьезных успехов к этому времени добились Платте и Вольф. Последний с целью установления близких связей с работниками пехлевийского порта систематически делал подарки начальнику местной таможни Никону, в частности, подарил этому чиновнику радиоприемник стоимостью 5000 риалов¹⁵¹. В результате немцы добились передачи руководства работой порта германским подданным, что давало новые возможности для шпионажа на севере Ирана.

Другие германские агенты, действовавшие под видом представителей фирмы «Вебер-Бауэр», стремились взять под свой контроль строящуюся до-

рогу Тегеран - Тебриз и выходящую к самой границе СССР дорогу Тебриз - Джульфа. В этих городах под видом транспортно-экспедиторских контор были открыты шпионские центры. Кроме того, подобные конторы были открыты в Бабольсере, Бендер-Шахпуре и Баджигиране¹⁵².

Активную шпионскую деятельность на Среднем Востоке вели немецкие фирмы АЕГ, «Атлас», «Ауто-унион», «Вилли Шнель», «Крупп», «Сименс», «Феррошталь»¹⁵³. Эти фирмы служили прекрасным прикрытием для абвера. Их представителями в Иран, как правило, назначались старшие офицеры вермахта. Представителем фирмы «Сименс» был Г. Раданович-Гартман, а его заместителем назначен полковник Кефкен. Фирму «Байер» представлял Шюттер, имевший чин генерала вермахта¹⁵⁴. С помощью этих фирм нацисты доставляли в страну материалы и амуницию, необходимые для оснащения военизированных групп.

Немецкая разведка опиралась в своей деятельности на фашистские клубы («Тевтония», «Браунес хаус» - «Коричневый дом» в Тегеране или «Дойчес хаус» - «Немецкий дом» в Тебризе). Наиболее плотной германская шпионская сеть была в приграничных с СССР районах, а также в районах, прилегающих к Персидскому заливу и особенно к Британской Индии. В 1940 г. нацисты приступили к строительству «Назибада» («Города нацистов»), который должен был стать центром фашизма в Иране¹⁵⁵.

В Тебризе, Реште, Казвине и других городах германские офицеры лихорадочно занимались комплектованием профашистских военизированных групп и отрядов, каждый из которых насчитывал 10-12 вооруженных прислужников Третьего рейха. Координировать их деятельность было поручено Р. Гамотте¹⁵⁶. Будущих диверсантов обучали методам и тактике диверсионно-разведывательных действий, основам минно-подрывного дела. При подготовке подрывников главный упор немецкие инструктора делали на умении подопечных самостоятельно изготавливать взрывчатку и средства взрывания из подручного материала. Диверсантов обучали определять наименее защищенные места в обороне стратегических объектов, каким, например, была Трансиранская железная дорога, рассчитывать оптимальный вес взрывного устройства, маскировать место минирования.

Кроме организации шпионажа, прибывшие в Иран германские агенты, пытались развернуть активную пропаганду, главным тезисом которой стало заявление, что Германия ради защиты мусульман Среднего Востока ведет «революционную» войну с Британской империей.

Сразу же отметим, что начавшаяся Вторая мировая война создала новую общественно-политическую ситуацию в стране. Иранское правительство, чтобы доказать воюющим сторонам приверженность политике нейтралитета, старалось пресекать наиболее оголтелые формы иностранной пропаганды, тем более, что навести порядок в этом вопросе распорядился сам шах. В конце июня 1940 г., после вступления германских войск в Париж, он выступил перед редакторами крупных иранских газет, депутатами меджлиса и другими государственными деятелями. В своем выступлении Реза-шах отметил, что такие

средства пропаганды, как радио и печать используются недостаточно и дал установку усилить пропаганду, как в Иране, так и за его пределами. Для приведения в жизнь этой директивы было создано Главное управление пропаганды, в состав которого вошли кинотеатры, печать, радио, телеграфное агентство «Парс», т. е. был образован единый центр, пользовавшийся правами министерства. Даже «Организация по ориентации общественного мнения» вошла в его состав¹⁵⁷. Это новое учреждение чем-то напоминало министерство пропаганды Третьего рейха и нельзя исключать, что решение об его создании принималось под впечатлением эффективной работы немецких пропагандистов.

Начальником Главного управления пропаганды был назначен ректор Тегеранского педагогического института профессор Садыг. Это был всесторонне образованный человек, много лет проживший в Англии и во Франции. Он прекрасно владел английским и французским языками, был популярен в своей стране, имел большое влияние на шаха и в отличие от руководителей «Организации по ориентации общественного мнения» без симпатий относился к гитлеровскому режиму. Еще до начала Второй мировой войны он дважды посетил СССР¹⁵⁸. Конечно, назначение человека подобных взглядов расходилось с интересами гитлеровцев, которые больше не могли рассчитывать на то, что иранские чиновники будут смотреть сквозь пальцы на фашистскую пропаганду.

Между тем, отношение иранских властей к иностранной пропаганде во многом зависело от положения на фронтах Второй мировой войны и от конкретных экономических интересов Ирана, какими они представлялись Реза-шаху. Так, показ на экранах кинотеатров картин тех или иных стран, учитывая, что Иран собственной кинопродукции в то время не имел, довольно близко отражал политический курс, которого придерживалось иранское правительство. Например, зимой 1939 г., когда в Иране питали надежды на то, что англичане снимут блокаду с южного торгового пути, цензура категорически запрещала показ немецких киножурналов и всячески поощряла, а в некоторых случаях требовала демонстрации английских фильмов. Но уже с мая 1940 г., когда Германия и СССР договорились о транзите, и поток иранских товаров хлынул через советскую территорию в Третий рейх, а вермахт одержал ряд блистательных побед над армиями стран антигитлеровской коалиции, показ английских киножурналов был прекращен. К демонстрации были допущены немецкие киножурналы производства «Уфа-фильм», показывавшие действия германской армии в Бельгии, Голландии, Норвегии и во Франции. Эти фильмы специально озвучивались в Берлине на персидском языке и, как правило, предоставлялись владельцам иранских кинотеатров бесплатно¹⁵⁹.

Надо сказать, что киносеансы вызывали большой интерес у местного населения, особенно у военных. Большинство иранских офицеров познакомилось с современным оружием посредством просмотра немецкой хроники. Кроме кинотеатров, демонстрации фильмов организовывались в здании германской дипломатической миссии специально для дипломатического корпуса Тегерана. Так, 9 июля 1940 г. сотрудники советского посольства получили приглашение

от германского посланника Э. Эттеля присутствовать на просмотре немецкого фильма «Наступление в Польше»¹⁶⁰.

Ради справедливости отметим, что одновременно с допуском к демонстрации германских картин, власти Ирана перестали чинить препятствия в просмотре советских фильмов. Более того, 20 июня 1940 г. начальник полиции Тегерана вызвал к себе владельцев тегеранских кинотеатров и предложил им немедленно приступить к покупке советской кинопродукции¹⁶¹.

Следует вспомнить о том, что Реза-шах даже в мирное время настороженно относился к контактам иранских подданных с иностранцами. Популярность зарубежных фильмов не могла не вызвать раздражения у иранского правителя и 2 марта 1941 г. протокольный отдел МИД разослал всем дипломатическим миссиям и посольствам в Тегеране циркулярное письмо, в котором отмечалось, что «офицеры шахиншахской армии ввиду частой занятости по служебным делам не могут присутствовать в их представительствах в качестве приглашенных лиц, за исключением официальных и национальных праздников»¹⁶². Этот шаг иранских властей был продиктован не только стремлением ограничить влияние иностранной пропаганды на офицерский корпус, но и предупредительными, хотя и запоздалыми мерами по недопущению формирования в иранской армии «пятой колонны» на случай, если бы Ирану все же пришлось вступить в войну.

Кроме организации просмотра кинофильмов, нацисты пытались развернуть пропаганду в других направлениях. С началом войны они завезли в Иран большое количество книг, брошюр и листовок. В телеграмме советского посла М. Филимонова с сожалением отмечалось, что в Иране имеют широкое хождение иностранные и особенно немецкие издания, в то время как иранская цензура не пропускает советскую политическую литературу¹⁶³. Посол точно охарактеризовал ситуацию, так как печатная пропаганда у фашистов также была поставлена на высокий уровень. В Берлине специально для стран Среднего Востока издавался журнал на языке фарси, на страницах которого восхвалялся гитлеровский режим¹⁶⁴. В Тегеране на улице Фирдоуси функционировал книжный магазин, где распространялась литература подобного содержания. Хозяином книжной лавки являлся немец Фогель, создавший небольшую агентурную сеть из иранских инженеров, побывавших в свое время в Германии¹⁶⁵.

Нацистские пропагандисты широко использовали местную прессу путем помещения в ней статей и другой различной информации, которые периодически присылались из Третьего рейха. Сотрудники германской дипломатической миссии установили близкие отношения с Махсуди - редактором-издателем «Эттелаат» и тем самым обеспечили в газете преобладающее место для статей из германских источников, пропагандирующих силу, мощь и непобедимость немецкого оружия¹⁶⁶. Это было несомненным успехом, так как «Эттелаат», помещавшая на своих страницах разнообразную информацию и административную хронику, имела наибольший среди иранских газет тираж в 11500 экземпляров. Ее бюджет составлял 80 000 риалов в месяц, и материальное положение 3000 иранцев тем или иным образом зависело от состояния дел в газете. По

своему политическому весу «Эттелаат» занимала второе место среди прессы стран Ближнего и Среднего Востока, уступая лишь египетской газете «Аль-Ахрам»¹⁶⁷.

Работая с редакторами газет, нацисты практиковали публикацию своих статей в качестве объявлений по цене один риал за кв. см. Другими словами, это была практика замаскированных взяток. Каждый важный для нацистов вопрос разбивался на целую серию статей по принципу от меньшего к большему. Вначале шли безобидные статьи, а затем материалы агитационного характера. Подобной практикой не гнушались и англичане. Что же касается советских политработников, то такие приемы в их работе были исключены: когда уполномоченный Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей (ВОКС) Антипов запросил у своего руководства пять кинжалов кавказской работы с серебряной оправой для закрепления «дружеских» связей с некоторыми иранцами, то получил категорический отказ¹⁶⁸.

Серьезное внимание германская агентура отводила радиопропаганде. Из Берлина и Рима на персидском языке были организованы провокационные радиопередачи антианглийского и антисоветского содержания. Немцы подобрали группу высокопрофессиональных дикторов, которые говорили на чистом персидском языке, чем выгодно отличались от своих коллег из СССР, вещавших с сильным азербайджанским акцентом и при этом употреблявших недопустимо много арабских слов. В отличие от советских радиопередач, идущих на средних волнах, германские радиопередачи велись на коротких волнах, что значительно улучшало качество их звучания¹⁶⁹. 24 апреля 1940 г. в самом Тегеране начала функционировать радиостанция, передачи которой велись и на немецком языке¹⁷⁰. Для их приема германская агентура снабдила иранцев радиоприемниками и программами тегеранского радио. В результате, немцы установили контроль над радиовещанием в Иране и получили возможность заглушать передачи английского радио¹⁷¹.

Активность германской агентуры на Среднем Востоке стала усиливаться с лета 1940 г., когда подготовка к нападению на Советский Союз стала главным пунктом гитлеровской стратегии. «Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду», - писал 31 июля 1940 г. в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер после бесед с Гитлером и гроссадмиралом Редером об организации десанта в Англию¹⁷². 8 августа 1940 г. верховное командование люфтваффе потребовало от Ф. Канариса, чтобы абвер срочно представил полную информацию о советском военном потенциале, а также выявил пункты, удобные для наступления против «Британской колониальной империи, исключая Египет и Гибралтар»,¹⁷³ т.е. речь шла как раз об Иране.

Осенью 1940 г., после провала советско-германских переговоров Гитлер принял окончательное решение начать войну с СССР. До июня 1941 г. в Германии шла подготовка к реализации плана «Барбаросса», все остальные операции были отодвинуты на второй план. В этой ситуации нацисты стали рассматривать Иран как возможного союзника, полезного не только в борьбе против

Великобритании, но и против СССР. Находившейся в Тегеране германской агентуре было поручено собирать сведения не только об Иране, но и об Афганистане, Ираке и Индии. Поэтому особое внимание стало уделяться югу Ирана и районам, граничащим с СССР - Иранскому Азербайджану, Каспийскому побережью и Хорасанской провинции.

Берлин планировал превратить Иран в крупнейший шпионский центр на Среднем Востоке. Английский посланник в Кабуле В. Фрэзер-Тайтлер, проводя параллели между подрывной работой гитлеровцев в Иране и Афганистане, отмечал, что «германским специалистам и пропагандистам не удалось глубоко проникнуть в Афганистан, как это удалось им в Персии»¹⁷⁴. Действительно, только одно то, что по численности германская колония в Иране в десять раз превышала германскую колонию в Афганистане, уже говорило о многом.

Факт высокой активности немцев в Иране подтверждается и архивными материалами. В одном из донесений советской разведки говорилось, что «под видом исследователей, туристов, пикников и охоты немцы проникают и обследуют самые отдаленные уголки Ирана»¹⁷⁵. В этом же донесении отмечалась деятельность проживавшего в Тегеране доктора Симса – одного из руководителей фашистских ячеек на севере Ирана. Отмечалась также работа немецкого инженера Перца, в течение осени 1940 г. неоднократно разъезжавшего по всем приграничным районам¹⁷⁶.

С конца июля 1940 г. участились поездки немецких дипломатов из СССР в Иран. В августе в Иран выезжал помощник военного атташе германского посольства в Москве майор Шубут, в октябре - военный атташе Кристендорф и советник германского посольства Типпельскирх¹⁷⁷. Нет сомнений, что эти поездки совершались с разведывательными целями.

Благоприятные условия для ведения немцами подрывной работы создавались пассивностью иранских властей, закрывавших глаза на деятельность в приграничной зоне контрабандистов и бандформирований. Только на участке советского пограничного комиссара по Бахарденскому району в течение 1940 г. пограничники задержали 45 бандитов, у которых были изъяты шесть револьверов, 18 винтовок, 652 патрона и различные контрабандные товары. На участке по Каахкинскому району за этот же период пограничниками было задержано 17 перешедших с иранской территории бандитов, у которых были отобраны пять винтовок, четыре револьвера, 358 патронов и контрабандные товары. На совместном заседании пограничных комиссаров 18 января 1941 г. иранский пограничный комиссар не только признал факт систематических переходов бандитов из Ирана на территорию СССР и обязался привлечь их к ответственности, но и обещал поставить перед соответствующими органами вопрос о выселении указанных лиц с приграничной полосы¹⁷⁸. Однако никаких действенных мер иранские власти так и не предприняли. Между тем, среди контрабандистов и других иранцев, нелегально пересекавших границу, было немало тех, кто выполнял задания абвера и СД.

В этой ситуации советские власти, опасаясь в случае начала войны удара в спину так называемой «пятой колонны» и с целью ликвидации поддержки

контрабандистов со стороны проживающих на советской территории иранских подданных, приняли меры по принудительному их выселению из некоторых районов Советского Азербайджана¹⁷⁹.

Еще больше фашистская агентура активизировалась в начале марта 1941 г., когда все зарубежные резидентуры авбера получили приказ усилить шпионскую деятельность против СССР. 24 марта Ф. Канарис вместе с ближайшими помощниками Брюкнером, Г. Пикенброком, Э. фон Лахузеном и Э. Штольце провели совместное совещание с чиновниками из министерства И. Риббентропа, на котором обсудили вопросы подрывной работы на Востоке.

31 марта 1941 г. как итог многолетнего воздушного шпионажа при помощи спортивных, транспортных и специальных самолетов абвер представил ОКВ полный свод географических карт Ирана. При этом особое внимание было уделено центрам нефтедобычи, нефтеперегонным заводам и нефтепроводам¹⁸⁰.

В 1941 г. вновь активизировались контрабандисты. За первые три месяца этого года только на участке советско–иранской границы в Закаспии было задержано 34 нелегально перешедших на территорию СССР из Ирана контрабандиста, часть которых, по–видимому, выполняла задания германской разведки. При этом советскими компетентными органами были установлены факты направления контрабандистов на территорию СССР с ведома представителей иранских пограничных и таможенных органов¹⁸¹.

К этому времени в районе Миана для проведения диверсий на советских военных и промышленных объектах, транспортных узлах было заготовлено свыше 500 т взрывчатых веществ. В районе Тебриза и в других узловых пунктах размещались немецкие склады оружия и боеприпасов¹⁸². Всего за первые восемь месяцев 1941 г. из Германии в Иран по различным путям было транспортировано 12 тыс. т вооружений¹⁸³. В пограничных с СССР районах Северного Ирана немецкие агенты без всяких помех производили топографическую съемку местности, фотографировали стратегически важные объекты. В Хамадане, Миане и других городах имелись тайные передвижные радиостанции. В прикаспийских портовых городах Ноушехре, Бендер-Шахе, Пехлеви тренировались диверсанты, которых готовили к переброске в советские Азербайджан и Туркменистан для совершения различного рода диверсионных акций. Офицеры СД П. Вейзацек и Ф.Иштван за время своего пребывания в стране осуществили несколько забросок лазутчиков в Баку, Ашхабад и даже в Тбилиси¹⁸⁴.

В апреле 1941 г. в Иран прибыл опытный сотрудник авбера, знаток восточной философии Б. Шульце–Хольтус, который с первых дней своего пребывания в стране развернул активную шпионскую работу¹⁸⁵. Заняв пост вице-консула в Тебризе, он без проблем получил транзитную визу и с документами археолога – «специалиста по религиозным памятникам старины» направился в СССР, где посетил населенные пункты, значившиеся на картах авбера как «белые пятна»¹⁸⁶. В ходе этой поездки он собрал сведения о нефтехранилищах, аэродромах, казармах, скоплениях техники, водонапорных башнях, о расположении железнодорожных и промышленных объектов с их краткими характери-

стиками. Эта информация вызвала большой интерес у германского руководства, и 15 июня Б. Шульце-Хольтус получил новое задание - собрать материал о районе Кировобада¹⁸⁷.

Особенностью работы Б. Шульце-Хольтуса было то, что он ориентировался на помощь не только платных агентов, но и добровольных помощников - армянских и азербайджанских националистов. Им были завербованы азербайджанские эмигранты из партии «Мусават» и армянские эмигранты, принадлежавшие к партии «Дашнакцутюн»¹⁸⁸. Если мусаватистам за «услуги» Б.Шульце-Хольтус обещал создание «независимого азербайджанского государства», то дашнакам - «Великую Армению»¹⁸⁹. Говоря о дашнаках, отметим, что некоторые из них сотрудничали не только с абвером, но и с представителями СД, в частности с Р. Гамоттой¹⁹⁰.

В этот период немецкая разведка также установила связи с организацией «Шамиль», состоявшей из грузинских политэмигрантов¹⁹¹. Среди самих иранцев Б. Шульце-Хольтусу и его сподручному Штилике удалось завербовать сына начальника полиции Тебриза и офицера штаба одной из дивизий, дислоцировавшихся в этом городе¹⁹².

Во второй декаде июня 1941 г., выполняя указания Берлина, Б. Шульце-Хольтус направил шесть агентов в район Кировобада для сбора развединформации о советских гражданских и военных аэродромах. Однако при переходе границы лазутчики столкнулись с пограничным нарядом. Завязалась перестрелка, в ходе которой все шесть агентов получили тяжелые ранения и были вынуждены вернуться на базу¹⁹³.

Стоит остановиться на общих принципах сотрудничества германской разведки с армянами, азербайджанцами и грузинами, так как работа с национальностями была одним из приоритетов абвера. Правило, которому следовала германская военная разведка, заключалось в том, чтобы никогда не давать националистам далеко идущих политических обещаний. Это было серьезным просчетом, поскольку представители национальных меньшинств Востока, чувствуя бесперспективность сотрудничества с нацистами, ставили отношения с ними только на коммерческую основу, не желая погибать за величие Третьего рейха. У них были свои цели и задачи, далекие от идеалов германского фашизма.

Деятельность Б. Шульце-Хольтуса поначалу имела успех потому, что он отошел от тесных рамок негласных ведомственных инструкций, запрещавших ему давать конкретные обещания. Правда, все его обещания были всего лишь словами, так как никаких резолюций о независимости Армении, Азербайджана или Грузии от Гитлера и других лидеров Третьего рейха не исходило. Надеясь вызвать мощное сепаратистское движение в республиках Закавказья, гитлеровские спецслужбы всего лишь создали так называемые Азербайджанский и Армянский национальный комитеты.

К этому времени в Иране начали действовать эмигрантские антисоветские организации - филиалы так называемого «Туркестанского национального центра» (далее ТНК). Главной целью этой организации являлось создание бла-

гоприятных условий для вербовки агентов с целью последующей заброски их на территорию республик Средней Азии. Возглавлял ТНК бывший эсер и уполномоченный Временного правительства по Туркестанскому краю Мустафа Чокаев¹⁹⁴.

Подталкиваемые германскими спецслужбами, активизировали работу против Туркменской ССР такие эмигрантские организации как «Шарк Юлдуз» («Звезда Востока») в Мешхеде, «Туркменский национальный союз» в ауле Хасарча, «Туркестанское национальное объединение» в Стамбуле и другие более мелкие союзы и группы¹⁹⁵.

Нацистам также удалось установить связь с проживавшими в Иране бывшими участниками Белого движения, которыми руководил генерал царской армии Выгорницкий. Последний, по некоторым сведениям, подчинялся генералу Бискунскому, осуществлявшему руководство русскими эмигрантами из Берлина.

В начале июня 1941 г. германские спецслужбы в Иране получили мощное подкрепление в лице отступивших из Ирака после провала выступления Рашида Али аль-Гайлани отрядов фашистского спецназа «Бранденбург - 800». Это воинское подразделение подчинялось непосредственно шефу второго отдела абвера Э. Лахузену и предназначалось для ведения боевых действий в тылу войск противника. Отныне главной задачей спецподразделения стал захват аэродромов, мостов, плотин и других стратегических объектов на территории Ирана, а также переход советско-иранской границы с последующей организацией диверсий в советском Закавказье.

Как известно, еще 18 декабря 1940 г. ОКВ утвердило план «Барбаросса», а 17 февраля Гитлер отдал приказ разработать в качестве «дополнения» к нему операцию по захвату Афганистана – с дальнейшим наступлением на «жемчужину» Британской империи - Индию¹⁹⁶. Естественно, что ее успешное завершение не могло состояться без захвата Ирана. Через неделю эта директива фюрера стала предметом беседы между Ф. Гальдером и главнокомандующим сухопутных сил В. Браухичем, а также Ф. Гальдером и начальником оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск Хойзингером. В результате этих и дальнейших обсуждений Ф. Гальдер 7 апреля 1941 г. представил план по распределению и использованию сухопутных войск сразу после «победоносного окончания русского похода», т.е. после завершения операции «Барбаросса». Этот план предусматривал создание специальной группировки «Афганистан» в составе 17 дивизий (3 танковых, 4 моторизованных, 6 горнострелковых, 4 пехотных), а также автотранспортного полка¹⁹⁷.

22 мая 1941 г. специальный штаб оперативного руководства ОКВ составил совершенно секретную инструкцию «Соображения специального штаба на случай немецко-русского конфликта». В третьем пункте этого документа указывалось: «В Турции, Иране, Афганистане, Китае, Манчжоу-Го и Японии следует принять меры к тому, чтобы эти страны прекратили всякие поставки в Россию», а пятый пункт рекомендовал «в Иране и Афганистане напоминать о событиях англо-иракского конфликта, в котором Россия была союзни-

цей Великобритании»¹⁹⁸. В другом важном документе - директиве ОКВ № 32 от 10 июня «Подготовка на период после «Барбароссы», намечалось использовать национально-освободительное движение на Востоке, привести к власти профашистские режимы в нужных странах, создать в них «пятые колонны», завербовать лидеров политических партий и движений на службу абверу, СД и МИД¹⁹⁹.

Для осуществления этих планов германское командование приняло решение о создании корпуса «Ф» во главе с генералом авиации Г. Фельми, а также «Особого штаба Ф». В задачи штаба входило руководство диверсионной деятельностью германской агентуры и специальных формирований. Местом дислокации «Особого штаба Ф» был избран лагерь на мысе Сунион в Южной Греции²⁰⁰.

В инструкции для этого штаба, разработанной ОКВ в качестве главных задач ставились: установление контактов с силами на Среднем Востоке, враждебно настроенными по отношению к англичанам и организация поставок оружия для средневосточных стран. В этой же инструкции отмечалось, что специальный штаб «Ф» поддерживает непосредственную связь с военными атташе Германии в Анкаре и Тегеране²⁰¹.

Командир корпуса генерал Г. Фельми считался в Германии большим знатоком Востока. Он продолжительное время служил военным инструктором в Турции и странах Тропической Африки. Начальником штаба корпуса «Ф» был назначен майор Рикс Майер. Он также служил в Турции, а затем в Палестине, Ираке, Алжире. К «Особому штабу Ф» был прикомандирован представитель контрразведки, офицер по особо важным делам полковник О. Нидермайер²⁰².

Таким образом, в первый период Второй мировой войны Иран занимал видное место в планах нацистской Германии. Немцы активно вели пропаганду в этой стране, создавали здесь шпионские центры, устанавливали контакты с представителями племен, эмигрантами из республик советской Средней Азии и Закавказья. Под впечатлением первоначальных побед вермахта в Иране усилились позиции сторонников нацистской Германии, видевших в ней реальную силу, способную противостоять как Великобритании, так и СССР.

22 июня 1941 г.: ситуация меняется

22 июня 1941 г. нападением гитлеровской Германии на Советский Союз началось осуществление плана «Барбаросса», составной частью которого был выход вермахта на советско-иранскую границу, после чего нацисты планировали развернуть наступление на Средний Восток, а затем на «жемчужину» Британской империи – Индию²⁰³.

Мобилизовав на борьбу с Советским Союзом своих европейских союзников и сателлитов, гитлеровцы рассчитывали на активное участие Ирана в войне против СССР. Отныне этому государству отводилась роль ударной силы фашистского блока на южном направлении. После 22 июня Иран уже не интересовал Германию как поставщик сырья, и иранский нейтралитет больше не удовлетворял нацистов. Высокомерно отказывая Реза-шаху в способности проводить самостоятельную политику и не сомневаясь в том, что иранские лидеры перенесут сотрудничество с Третьим рейхом из экономико-политической в военную сферу, 25 июня 1941 г. Берлин нотой потребовал от иранского правительства вступления в войну на стороне Германии²⁰⁴. Активное участие Германии в индустриализации Ирана, прогерманские настроения иранского офицерства, впечатляющие успехи вермахта на первом этапе Второй мировой войны, казалось, служили серьезными предпосылками для подключения Ирана к блоку фашистских государств. Но Реза-шах посчитал благоразумным не участвовать в гитлеровской авантюре, и уже 26 июня 1941 г. иранский посол в СССР Мухаммед Саед в вербальной ноте заявил: «Посольство Ирана по поручению своего правительства имеет честь довести до сведения Народного комиссариата иностранных дел, что при наличии положения, созданного войной между Германией и СССР, правительство Ирана будет соблюдать полный нейтралитет»²⁰⁵. А еще через несколько дней состоялось заседание высшего военного совета, на котором только 16 присутствующих высказались за вступление в войну на стороне немцев, а 24 – выступили против²⁰⁶.

На требования Гитлера вступить в войну в Иране ответили тем, что местные газеты стали активно публиковать материалы, поступавшие из фашистских государств. Характер этих многочисленных публикаций был таков, что у читателей создавалось впечатление исключительных успехов немецкой армии, что, надо признать, было недалеко от истины. В первую неделю войны ни одна иранская газета не напечатала ни одной статьи из СССР. Отвечая на протесты советской стороны, директор «Парс» объяснял это факт тем, что телеграфные сообщения из СССР поступают в очень малом количестве и тонут в потоке информации из других стран²⁰⁷. Только начиная с 29 июня тегеранские газеты стали помещать материалы ТАСС. Однако телеграфные сообщения из стран «оси» по-прежнему преобладали в иранской прессе. Отдел иностранной хроники иранской прессы в среднем на 60% заполнялся антисоветскими материалами, а журнал «Эттелаате Хафтаги», который систематически публиковал мировую хронику за неделю, главным образом сводки военных действий с совет-

ско-германского фронта, составлял ее преимущественно по немецким источникам²⁰⁸.

Хотя Иран и не вступил в войну, но мало кто в этой стране верил в победу антигитлеровской коалиции, а стремительное продвижение германских войск по советской территории еще больше убеждало иранцев в непобедимости Германии. Иранцы не могли не считаться с нарастающим военным перевесом стран «оси», к тому же они ненавидели англичан - своих традиционных противников, и хотели с помощью Германии избавиться от британского господства. К сталинскому же режиму правящие круги в Иране испытывали недоверие, и известие о германской агрессии восприняли с радостью. В одном из донесений советского резидента «Федота» отмечалось: «имущий класс персов обрадован, что избавлен от неприятности большевистского нашествия и хищнического грабежа, и надеется, что “с божьей помощью” германцы положат конец большевистскому существованию... персы, работающие на германцев, и вообще персы - люди с улицы и мещанские массы ликуют, предвидя новые молниеносные победы германцев над большевиками. Больше всех ликуют тюрки, в особенности эмигранты с Кавказа»²⁰⁹.

Не сомневаясь в успехе блицкрига, гитлеровцы строили планы прорыва в Иран. Дестабилизация обстановки вдоль южной границы СССР, а также рост прогерманских настроений среди иранских лидеров, рассматривались ими как важные условия, необходимые для вторжения вермахта на Средний Восток.

В конце июля 1941 г. личный штаб Гитлера разработал план наступления через Кавказ на Иран. Вторжение намечалось провести после полной победы над СССР, в несколько этапов: 1) захват района развертывания на Северном Кавказе; 2) развертывание сил для наступления через Кавказ; 3) наступление через Кавказ; 4) наступление через Закавказье до Аракса; 5) захват Тебриза и Керманшаха²¹⁰.

Потребность в крупных соединениях для проведения этой операции были оценены германским командованием в пять пехотных, четырех танковых, двух моторизованных, трех горнострелковых дивизиях²¹¹. Тот факт, что в Берлине планировали использовать столь крупную военную группировку, показывал какую важную роль играл Иран в планах Третьего рейха.

Успехи вермахта активно муссировались гитлеровской пропагандой. «После завоевания Северного Кавказа вермахт без особого труда захватит Баку, вообще все Закавказье и примется за освобождение Ирана. Афганистан же будет освобожден в первый день после вступления германских войск в Иран», - утверждали немецкие пропагандисты²¹². Летом 1941 г. министр пропаганды Германии Геббельс вещал: «Через несколько недель мы выйдем к иранской границе»²¹³. «Русская армия прекратила свое существование», - безапелляционно заявляло 20 июля 1941 г. берлинское радио²¹⁴.

В самом Иране в это время стали создаваться так называемые «группы любителей спорта», члены которых проходили регулярное военное обучение. В июле и августе 1941 г. в страну начали прибывать сотни переодетых в гражд-

данскую форму германских офицеров²¹⁵. «Счастливым районом охоты для агентов стран "оси", действовавших под прикрытием промышленных и коммерческих предприятий, стала Персия после того, как Гитлер бросил вермахт против ее страшного северного соседа», - таким образом охарактеризовал сложившуюся обстановку английский генеральный консул в Мешхеде К. Скрайн²¹⁶.

Германские агенты должны были обеспечить продвижение немецкой армии в случае ее вступления в Иран, в чем никто из них не сомневался. Агент абвера в Тегеране Жак Гревер, выдававший себя за сотрудника экспортно-импортной компании в Гамбурге, получил приказ из Берлина создать пост радиоперехвата на побережье Персидского залива в районе Бендер-Шахпура²¹⁷.

Еще до вторжения германских армий на территорию СССР, 22 мая 1941 г. состоялось открытие железнодорожной линии Тегеран–Шахруд²¹⁸. Эта железная дорога имела важное стратегическое значение - по ней германские войска могли быть переброшены от советско-иранской границы в глубь страны.

Как и в довоенный период, гитлеровцы в своих агрессивных планах особое место отводили национальным меньшинствам. В конце июля – начале августа 1941 г. в г. Хое было созвано совещание верхушки курдских племен милан и джелали, кочевавших на северном участке ирано-турецкой границы недалеко от СССР. Присутствовавший на совещании германский офицер усиленно уговаривал собравшихся шейхов и глав племен немедленно организовать вооруженные банды для засылки на территорию СССР. Но, несмотря на все увещевания немецкой агентуры, шейхов не удалось заставить действовать против Советского Союза. Курды отказались участвовать в этих сомнительных мероприятиях²¹⁹.

Немцы «будут вредить и Англии и СССР»

Нападение Германии на Советский Союз создало предпосылки для советско-английского сотрудничества в борьбе с германским влиянием в Иране. Стратегическая обстановка резко изменилась. Лондону теперь надо было считаться с опасностью, что германские войска к зиме продвинуется к Кавказу и, развернув наступление в Северной Африке, ликвидируют очаг сопротивления англичан на Среднем Востоке. Захватив Иран, а затем и Афганистан, Германия приобрела бы выгоднейший плацдарм для наступления на Британскую Индию.

Исходя из тезиса о неизбежном военном поражении Советского Союза, английское правительство спешило укрепить свои позиции в Иране. Планы оккупации этого государства в Лондоне разрабатывали задолго до нападения Германии на СССР. Но тогда оккупация Ирана, как и соседнего Афганистана, рассматривалась британскими стратегами в контексте оборонительных мероприятий против советской угрозы²²⁰.

Теперь же ситуация изменилась. Советскую угрозу сменила германская и бывший вероятный противник стал союзником. Однако в одиночку ввести войска в Иран англичане не могли даже с военной точки зрения. Гарантировать успех операции могло только наступление с двух фронтов, т.е. при участии Красной Армии. К тому же в условиях начавшейся Великой Отечественной войны активность немцев на Среднем Востоке все больше беспокоила Москву. В Лондоне это хорошо понимали²²¹.

Активизировать свою политику в Иране советское руководство заставило то обстоятельство, что Иран мог стать единственным путем подвоза западного снабжения для СССР. В то время еще не существовало железной дороги, связывающей Мурманск – незамерзающий порт на Баренцевом море с центральной частью Советского Союза. В Иране же имелась Трансиранская железная дорога, по которой предполагалось доставлять вооружения из стран Запада. Именно эти соображения толкнули И.В. Сталина поставить ультиматум иранскому правительству. «Через Иран можно было организовать безопасный черный ход, через который жизненно важные поставки могли помчаться в Россию», - писал впоследствии пресс-атташе иранского посольства в Лондоне А. Хамзави²²².

Позиции СССР и Великобритании относительно требований, предъявляемых Ирану, были различны. Если Великобритания настаивала только на выводе из страны германских специалистов, то Советский Союз требовал от Ирана еще и права транспортировки войск и военных материалов через иранскую территорию. Англичане же хотели только укрепить свои коммуникации на Среднем Востоке. «Положение России в конце июля было крайне ненадежным. Совершенно не было ясно, как долго мы могли продолжать поставки ей военных материалов... создание сухопутного пути через Иран вынудило бы нас заняться долговременным строительством, для чего было необходимо большое количество такого оборудования, которого нам не хватало для Средневосточного театра», - писали английские исследователи Дж. Батлер и Дж. Гуайер²²³.

Таким образом, имея различные мотивы, союзники по антигитлеровской коалиции все же выступили единым фронтом. В этой ситуации Иран не мог быть не втянут в войну, и присутствие в нем немцев послужило подходящим предлогом.

Уже 26 июня 1941 г. Иран получил первую ноту протеста от правительства Советского Союза, где иранскому шаху сообщалось об активной деятельности немецкой разведки в Иране²²⁴.

8 июля 1941 г. вопрос об Иране был затронут в беседе И. Сталина с британским послом в СССР С. Криппсом. Советский лидер обратил внимание посла на большое скопление немцев в Иране и Афганистане, заметив, что они «будут вредить и Англии и СССР»²²⁵.

Некоторые историки склонны считать, что, принимая решение о вводе войск в Иран, И. Сталин исходил из расчета не отдать эту страну полностью в руки англичан. Более того, профессор Саратовского госуниверситета Ю.Г. Голуб выдвинул версию, что «советские войска могли оказаться в Иране и в продолжение предвоенной политики расширения советских границ, "восстановления" утраченных имперских рубежей»²²⁶. Вряд ли можно с этим согласиться. В августе 1941 г., когда германские войска рвались к столице СССР, советским лидерам было не до территориальных приобретений и мыслей о послевоенном устройстве мира вообще и среднеазиатского региона в частности. Речь могла идти только о выживании советского государства.

10 июля 1941 г. английский главнокомандующий в Индии генерал А. Уэйвелл предупредил свое правительство о немецкой опасности в Иране и о необходимости «протянуть вместе с русскими руки через Иран»²²⁷. Правительство Великобритании оперативно отреагировало на информацию А. Уэйвелла и на следующий день приняло решение провести военную акцию против Ирана²²⁸. Быстрота, с какой было принято это важное решение еще раз подтверждает то, что план ввода войск в Иран имелся у Лондона раньше. Премьер-министр У. Черчилль писал по этому поводу: «11 июля 1941 г. кабинет поручил начальникам штабов рассмотреть вопрос о желательности действий в Персии совместно с русскими в случае, если персидское правительство откажется выслать германскую колонию, подвизавшуюся в этой стране. 18 июля они рекомендовали занять твердую позицию по отношению к иранскому правительству. Этой же точки зрения придерживался генерал А. Уэйвелл. Начальники штабов считали, что операцию следует ограничить югом, и что для захвата нефтепромыслов нам понадобится, по меньшей мере, одна дивизия, поддерживаемая авиационной частью»²²⁹.

12 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение «О совместных действиях в войне против Германии», а 19 июля У. Черчилль передал правительству Советского Союза предложение осуществить ввод войск в Иран²³⁰. Москва ответила согласием. В этот же день послы СССР и Великобритании вручили иранскому правительству ноты, в которых был поставлен вопрос о прекращении враждебной деятельности немцев и высылке их из страны²³¹.

22 июля генерал Кунэн, командовавший английскими войсками в Ираке, получил приказ быть готовым к занятию Абаданского нефтеочистительного завода и нефтепромыслов, а также промыслов, расположенных в 250 милях к северу, близ Ханакина. 24 июля 1941 г. иранский вопрос подробно обсуждался на англо-американском совещании в Лондоне в связи с приездом туда советника президента США Г. Гопкинса. Английский генштаб подготовил к этому совещанию специальный документ, в котором подчеркивалось экономическое, военное и стратегическое значение Среднего Востока. Начальник имперского штаба Дилл обратил внимание американцев на тот катастрофический моральный резонанс, который в мусульманском мире могло вызвать отступление англичан со Среднего Востока²³².

30 июля 1941 г. английский министр иностранных дел А. Иден, отвечая на вопросы, заданные ему в парламенте, заявил, что в интересах иранского правительства обратить внимание на серьезную опасность пребывания большого количества немцев в Иране. При этом он выразил уверенность, что иранское правительство обратит внимание на эту опасность и примет необходимые меры²³³. 6 августа А. Иден, выступая в палате общин, касаясь международного положения, отметил, что прибытие в Иран большого числа германских специалистов представляет большую угрозу для независимости страны, а английское правительство из искренних и дружественных побуждений обратило внимание иранского правительства на эту опасность²³⁴.

Пытаясь оказать давление на иранское правительство, англичане организовали из Дели на персидском языке серию радиопередач, в которых сообщили о том, что из Стамбула в Иран направляется большое количество немцев. Подтекст подобных сообщений был таков: немецкое влияние в Иране не только не уменьшается, но наоборот, увеличивается, а так как иранские власти не принимают решительных мер, то англичанам ничего не остается, как самим поправить ситуацию. Сделано это было с целью убедить общественное мнение в том, что другого пути, кроме применения силы, у британцев нет.

13 августа министр иностранных дел Великобритании А. Иден и советский посол в Лондоне И. Майский согласовали тексты новых нот иранскому правительству. У. Черчилль писал по этому поводу: «Этот дипломатический шаг должен был явиться нашим последним словом. Майский заявил министру иностранных дел, что после представления меморандумов советское правительство будет готово предпринять военные действия, но оно сделает это лишь вместе с нами»²³⁵.

Получив от своей агентуры информацию о том, что союзники готовятся применить силу, Реза-шах 9 июля отдал приказ привести войска в боевую готовность²³⁶. Охрана границы усилилась полевыми войсками, в приграничных районах личный состав жандармерии увеличился в два раза, а гарнизоны Горгана, Кучана, Буджнурда, Мешхеда получили новое оружие немецкого производства. Укомплектовались до штата военного времени личным составом и материальной частью дивизии, дислоцировавшиеся вблизи границы СССР на уча-

ствах, охраняемых Азербайджанским и Туркменским пограничными округами²³⁷.

По данным разведки Азербайджанского пограничного округа, местными властями были вызваны в Ардебиль вожди шахсеванских племен для переговоров об организации вооруженных отрядов для борьбы с Советским Союзом, по окончании которых вожди шахсеван поклялись быть верными правительству. В связи с этим для них были отменены ранее существовавшие ограничения в отношении пользования пастбищами в погранполосе. Шахсеваны, в прошлом занимавшиеся бандитизмом на советской территории, стали братья на учет, при этом они давали подписку о явке по первому требованию властей²³⁸.

На ноты от 19 июля 1941 г. иранское правительство отреагировало двумя меморандумами от 29 июля и 21 августа, в которых попыталось заверить союзников, что тщательно следит за поведением всех иностранных подданных, и что «невозможно себе представить возникновение опасности со стороны ограниченного количества немцев, о которых известно, чем они занимаются. Так, в ноте от 21 августа иранское правительство отмечало: «Как всегда указывалось при переговорах, шахиншахское правительство на основе политики нейтралитета, которой оно придерживается, и о которой оно заявило с самого начала войны, не может, вопреки существующим правилам и в разрез с договорами принять по отношению к подданным какого-нибудь государства огульно такие меры, которые заставили бы его отойти от линии нейтралитета»²³⁹.

В те дни в иранских газетах было обилие статей о ходе переписи населения, о лекциях, организованных «Обществом ориентации общественного мнения», о выборах в парламент, об очередных стейках, но информации о требованиях союзников не уделялось значительного внимания. Газеты, по-прежнему, писали о силе германского оружия, о том, что немцы готовят на советско-германском фронте очередное наступление. По-видимому, иранские правители не верили в то, что союзники решатся на применение силы, либо не хотели раньше времени будоражить общественное мнение. Даже если где и заходила речь о требованиях Великобритании и СССР, то иранская пресса открыто вставала на защиту немцев. В газетах отмечалось, что в Иране имеется ограниченное количество иностранных специалистов, и что каждый из них занимается определенной работой. При этом указывалось, что все иностранцы находятся под строгим наблюдением, и поэтому «исключается какая-нибудь возможность организации групп, имеющих своей целью вести подрывную работу на территории соседних с Ираном государств»²⁴⁰.

Более того, 31 июля 1941 г. агентство «Парс» распространило следующее заявление: «Агитация и пропаганда, которая начата с некоторых пор некоторыми агентствами по отношению к части иностранцев, проживающих в Иране и усиливающаяся в настоящее время в связи с германо-советской войной, может привести к беспокойству и смятению в общественном мнении...»²⁴¹. Таким образом, иранская печать наглядно показала, что правительство Ирана не только не хочет тревожить немцев, но и при желании может мобилизовать на их защиту общественное мнение.

Напряженность в отношениях с союзниками добавил сам шах. 15 августа он отдал приказ начать всеобщую мобилизацию²⁴². В этот же день «Эттелаат» напечатала передовую под заглавием «Образец патриотизма», начинавшуюся со слов: «Единственное, что украшает человеческую жизнь – это самопожертвование»²⁴³. Безусловно, это был намек союзникам, что Иран намерен сопротивляться, и в случае агрессии не только иранская армия, но и весь иранский народ окажут иностранным войскам самое ожесточенное сопротивление.

20 августа, на два месяца раньше обычного, состоялся выпуск юнкеров военных школ и училищ, в числе которых находился один из сыновей шаха Али Реза. Обращаясь к выпускникам, Реза–шах, используя все известные ему приемы риторики, призвал их быть готовыми к защите отечества. «Некоторые из вас, вероятно, думают о том, что они лишены в этом году обычного месячного отпуска после учебы, но я полагаю, что когда они потом поймут причины этого, в них заговорит чувство самопожертвования. Я ограничиваюсь только тем, что обращаю ваше внимание на общие задачи и специфическую обстановку теперешнего момента и говорю, что армия и офицерство должны очень внимательно следить за ходом событий и в нужный момент быть готовыми к всякого рода жертвам», - заявил шах²⁴⁴.

В эти же самые дни по всему Тегерану были расклеены объявления о наборе в авиационные школы, а военно–санитарное управление поместило в газетах объявление о приеме на службу фельдшеров и медицинских сестер²⁴⁵. Естественно, что этот набор мог понадобиться лишь в том случае, если бы Иран вступил в войну.

В этой ситуации германское руководство делало все возможное, чтобы склонить иранское правительство к сопротивлению союзникам. Угроза вторжения войск Советского Союза и Англии в Иран вызвала серьезное беспокойство в германской дипломатической миссии. 19 августа германский посланник Э. Эттель заверял премьер-министра Али Мансура: «Сегодняшние успехи на Украине есть лучшее доказательство предстоящей окончательной победы Германии над Советами. Ежедневно идет тяжелая работа по уничтожению больших воинских формирований. Советскому Союзу осталось не долго существовать, и вместе с его поражением закончится существование вечного противника Ирана. Такова участь и Англии, которая держится только при помощи американских костылей. Стойкость иранского правительства имеет решающее значение для этих стран. Я признаю, что из-за советско-британского давления на Иран положение его становится деликатным, и что большую роль здесь должен сыграть фактор времени. Я убежден, что германское правительство незамедлительно окажет помощь Ирану»²⁴⁶.

По мнению советского историка Б.П. Балаяна, гитлеровцы предполагали, что в случае активного сопротивления иранских войск режим Реза–шаха продержится до конца сентября 1941 г. К этому времени Гитлер рассчитывал прорваться в Иран через Кавказ, и 21 августа он отдал приказ командующему сухопутными силами генералу Браухичу быстрым продвижением на юг группы армий «Центр» повлиять на позицию Ирана в отношении Англии и СССР²⁴⁷.

Действительно, Берлин пытался оказать Реза-шаху хотя бы моральную поддержку. В записке от 22 августа 1941 г. по вопросу о продолжении операций на советско-германском фронте Гитлер указывал: «Из соображений политического характера крайне необходимо как можно быстрее выйти в районы, откуда Россия получает нефть, не только для того, чтобы лишить ее нефти, а, прежде всего для того, чтобы дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан. В свете вышеупомянутой задачи, которую нам предстоит выполнить на севере этого театра войны, а также в свете задачи, стоящей перед нами на юге, проблема Москвы по своему значению существенно отступает на задний план»²⁴⁸.

В этот же день И. Риббентроп поручил Э. Эттелю персонально встретиться с Реза-шахом и передать послание фюрера, в котором, в частности, утверждалось: «Германские войска уже достигли пространств Украины. Правительство рейха заключает, что уже этой осенью будут захвачены другие южные области Советского Союза. Любые возможные попытки англичан открыть второй фронт против нас на Кавказе заранее обречены на провал благодаря превосходству наших войск»²⁴⁹.

Однако в германской дипломатической миссии на ситуацию смотрели иначе. Э. Эттель более взвешенно оценивал ход событий, понимая, что Ирану надеяться на помощь Германии нереально. Во время одной из бесед он прямо заявил об этом иранскому премьер-министру: «Германские войска все еще далеко. Если бы Иран столкнулся лишь с одним из своих двух традиционных противников, то положение было бы намного легче. К сожалению, Советский Союз все еще существует. Иранское правительство с мрачным предчувствием смотрит на приближающийся тяжелый климатический сезон в СССР, который создаст большие препятствия на пути германских войск»²⁵⁰.

С каждым днем среди немцев в Иране росли панические настроения. Э. Эттель пытался всеми способами восстановить порядок в немецкой колонии. Б. Шульце-Хольтус писал по этому поводу: «В эти дни Эттель объявил, что всякий немец, покинувший страну, будет рассматриваться как предатель. Это была политика престижа, рассчитанная на то, чтобы показать Персии силу германского спокойствия»²⁵¹.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в то время в Иране, отечественные историки выдвинули версию о подготовке немцами государственного переворота. При этом ссылались на тайный визит в Иран в августе 1941 г. шефа абвера Ф. Канариса²⁵². По мнению С.Л. Агаева, переворот был намечен на 22 августа 1941 г., но в последний момент перенесен на 28 августа того же года²⁵³. Приводились сведения, что нацисты ввезли в страну все необходимое для смены власти, вплоть до иранских государственных флагов со свастикой²⁵⁴. Эту версию поддерживает и М.С. Иванов, утверждавший, что нацисты «в первую очередь собирались вырезать состав советского посольства в Тегеране и всех проживающих в Иране советских граждан»²⁵⁵. Другой советский историк Б.П. Балаян, развивая версию о перевороте, сделал предположение, что немцы с по-

мощью угрозы переворота пытались заставить иранское правительство начать военные действия против Красной Армии и британских войск еще до подхода германских армий к иранским границам. Что же касается даты 28 августа, то, по его мнению, на этот день был назначен не переворот, а выступление иранских войск против армий союзников²⁵⁶. Однако в 1990-х гг. версия о возможности переворота подверглась основательной критике со стороны З.А. Арабаджяна²⁵⁷.

И все же представляется, что версия о нацистском заговоре имеет право на существование. Во-первых, подготовка смены даже дружественным режимам была излюбленным методом гитлеровской внешней политики. Во-вторых, попытки свержения Реза-шаха предпринимались немцами ранее²⁵⁸. Иными словами, Берлином, с одной стороны, принимались меры к поддержке Реза-шаха, а с другой - шла подготовка к замене его на более удобного для Третьего рейха политика.

Факт подготовки переворота косвенно подтверждается иранскими правителями, которые через прессу пытались развеять слухи об его существовании. 17 августа газета «Иран» под заголовком «О сенсационных сообщениях» поместила следующую передовицу: «В числе провокационных сообщений, появившихся в последнее время в ряде иностранных газет и телеграфных агентств в Иране, некоторые гласили, что какое-то общество, состоящее из гражданских и военных лиц, готовило при помощи иностранных агентов заговор против существующего строя, что это общество якобы собиралось осуществить свой план в конце текущего месяца, но было раскрыто, причем многие были арестованы и втихомолку казнены... Хотя иранские газеты и агентство «Парс» уже указывали на то, насколько подобного рода слухи являются тенденциозными и лишены всякого рода основания, тем не менее, для разоблачения злонамеренности тех, кто распространял такую чепуху, укажем, что никакого такого заговора никогда не было. Но если такой заговор и имел место, то как, спрашивается, можно было бы скрыть его так, чтобы здесь никто не знал о нем, а иностранные газеты и корреспонденты – знали»²⁵⁹.

Это сообщение было проявлением двойной игры, которую вела в те дни иранская дипломатия. К этому времени Реза-шах уже достаточно хорошо разобрался в гитлеровской внешней политике. Осознавая, какая опасность исходит от Гитлера, он, что вполне естественно, не мог терпеть у себя под боком заговорщиков. Однако Реза-шах, как и многие в Иране, не верил в победу антигитлеровской коалиции и уже заранее продумывал варианты послевоенных объяснений с Германией. Поэтому объявление информации о перевороте «слухами, лишеными всякого рода оснований», было адресовано Берлину и имело цель убедить Германию в дружественных чувствах Ирана.

Вечером 23 августа Реза-шах передал английскому посланнику, что принимает главное требование союзников о высылке германских подданных из Ирана. Но это уже не могло изменить ситуации. Накануне, 22 августа, руководство главного политического управления Красной Армии распорядилось подготовить «Обращение советского командования к иранскому народу», а

ГКО издал приказ, по которому части войск Среднеазиатского и Закавказского военных округов стали готовиться к переходу советско-иранской границы и вступлению в пределы Ирана²⁶⁰.

Красноармейцам решение о вводе войск в соседнюю страну было объяснено тем, что «Иран, нарушая договор с СССР, с помощью немцев готовит нападение на СССР»²⁶¹. В первом пункте приказа командующего 47-й армии было сказано: «В целях обеспечения Закавказья от диверсий со стороны немцев, работающих под покровительством иранского правительства ... для того, чтобы предупредить вылазку иранских войск против наших границ, советское правительство ... постановило ввести войска на территорию Ирана»²⁶².

Развязка наступила 25 августа 1941 г., когда в 4 часа 30 мин. советский посол в Тегеране А.С. Черных и английский посланник Р. Буллард вручили премьер-министру Ирана новые ноты своих правительств, извещавшие его о вводе союзных войск в Иран²⁶³.

Нельзя не отметить того факта, что правовая база ввода войск у СССР и Великобритании существенно различалась. Если Советский Союз ввел свои войска в Иран, ссылаясь на статью 6 советско-иранского договора от 26 февраля 1921 г., позволявшую проводить такие акции²⁶⁴, то у британского руководства убедительных аргументов не нашлось. В отличие от СССР, у Великобритании не было никакого договора или соглашения с Ираном, дававшего ей право вводить войска. В своих воспоминаниях У.Черчилль с неприкрытым цинизмом объяснил позицию британской стороны в этих событиях: «*Inter arma silent leges* - «Когда говорит оружие, законы молчат - лат. поговорка»²⁶⁵. Таким образом, действия английской стороны в отношении Ирана с позиций международного права можно охарактеризовать как оккупацию.

Уже после завершения акции в стенах советского МИД родилась мысль написать документальную книгу «Правда о событиях в Иране». Однако эта идея, не успев появиться на свет, сразу канула в лету. На докладной записке заведующего Средневосточным отделом МИД С. Кавтарадзе, в которой шла речь о создании редакционной комиссии для издания книги, рукой В. Деканозова было написано: «Нужно ли? Сомневаюсь»²⁶⁶. Характерно, что в самом Иране уже в годы войны вышло несколько изданий, посвященных внутривосточному положению Ирана в июле-августе 1941 г.²⁶⁷. Тем самым, августовские (шахриварские события)²⁶⁸ стали еще одним белым пятном в истории советско-иранских отношений и Второй мировой войны. Как справедливо пишет российский историк А.А. Штырбул, «сложность и неоднозначность этой акции (иранской операции. – А.О.), ее непохожесть на многое из того, что происходило на других театрах военных действий... служит до сих пор определенной преградой для глубокого осмысления данных событий»²⁶⁹.

Иранская операция союзников - неизвестный блицкриг

25 августа 1941 г. в Северный Иран со стороны Закавказья вступили войска 44-й и 47-й армий Закавказского фронта, а 27 августа со стороны Средней Азии войска 53-й Отдельной армии Среднеазиатского военного округа. С юга на Иран наступление начали британцы: 9-я танковая и 21-я пехотная бригады, к которым присоединились 5-я и 6-я дивизии. На Южном фронте союзникам противостояли две иранские дивизии, на Северном - три дивизии.

Несмотря на все приготовления и занятия, которые вели с иранскими военными германские инструктора, армия Ирана серьезного отпора войскам союзников дать не смогла. В одной из монографий, вышедшей в последние годы утверждается, что «советские войска входили в Иран с боями, вступая в столкновение с регулярными войсками»²⁷⁰. Это утверждение кажется не бесспорным. Так, артиллерийский обстрел советских судов, подошедших ранним утром 25 августа к иранскому берегу, был подавлен всего тремя залпами с военных кораблей²⁷¹. Правда, во время десантирования красноармейцев на берег 12 бомбардировщиков пытались нанести удар по кораблям. Но, сбросив первые шесть бомб, не причинивших серьезного ущерба судам, самолеты скрылись в направлении Баку²⁷². Когда же советские десантники прибыли в поселок Куджур, то находившийся там полк рассыпался: офицеры приказали солдатам разойтись по домам²⁷³. Только за первые два часа операции частями Красной Армии были ликвидированы 121 пограничный пост, 16 ротных гарнизонов, 8 резиденций погранкомиссаров, 16 резиденций их помощников, 13 жандармских и полицейских управлений, 5 постов по охране железнодорожных и шоссейных мостов на реке Аракс²⁷⁴.

Согласно донесениям командиров советских воинских частей, иранские войска повсюду избегали соприкосновения с Красной Армией. 25 августа они без боя оставили г. Ардебиль, и только аррьергардные части 15-й иранской пехотной дивизии оказали сопротивление на перевалах Саин-Гядук и Балыхлы. Как отмечалось в докладе о боевой деятельности 24-го танкового полка, «вход танков в Ардебиль был настолько неожиданным, что некоторые официальные лица, в частности, жандармское управление работали нормально»²⁷⁵, т.е. иранская армия и местные власти были захвачены врасплох.

29 августа, преодолев небольшое сопротивление противника, Красная Армия заняла г. Урмию. В этот же день после короткой перестрелки сдался гарнизон Пехлеви, а затем капитулировали иранские воинские части, дислоцировавшиеся в Реште²⁷⁶.

Подвозя материалы и личный состав из Резайе, иранцы в течение четырех дней укрепляли Кушинский перевал. Казалось, что наступающие советские войска ждут здесь серьезные испытания. Однако при первом же столкновении с красноармейцами оборонявшие перевал иранские солдаты и офицеры покинули позиции. «10-я горганская дивизия просто-напросто разбежалась, сбросив оружие и снаряжение. Более организованно вела себя 9-я мешхедская. Один из ее батальонов на маршруте Серахс-Мешхед, судя по всему, намеревал-

ся оказать сопротивление. Но уже 29 августа заместитель командира этой дивизии прибыл в Новый Кучан для переговоров с командиром нашей 83-й горнострелковой дивизии А.А. Лучинским [...] От имени командира дивизии и губернатора провинции он заверил нас в полной готовности сложить оружие. Полковник тут же сам сдал свою шпагу и попросил нас изложить основные наши требования», - вспоминал бывший начальник штаба 53-й Отдельной среднеазиатской армии М.И. Казаков²⁷⁷.

Слова советского военачальника достаточно точно передавали сложившуюся обстановку. Представленная им картина наблюдалась повсеместно. «Обнаруженные десять одномоторных иранских самолетов на аэродроме Тебриза не пытались завязать бой не только с советской боевой авиацией, но и с самолетами, летавшими в одиночку, что позволило командующему фронтом уже в первый день операции сделать вывод о слабости вооружения иранской армии», - было отмечено в отчете о боевых действиях ВВС Закавказского фронта²⁷⁸. «За весь период операции ВВС противника в воздухе противодействия не оказали и по аэродромам Закавказского фронта не действовали. В 6.20. 25 августа 1941 г. пять самолетов противника с большой высоты (точно не установленной) произвели бомбометание по мосту через реку Аракс у Джульфы. В 19.15. 25 августа 1941 г. три самолета противника с высоты 2500 м произвели бомбометание по тому же мосту. В обоих случаях мост не пострадал», - говорилось в этом же документе²⁷⁹.

Сын Реза-шаха, наследный принц Мухаммед Реза в своих воспоминаниях следующим образом оценивал те события: «Иранская армия была застигнута врасплох, и наши солдаты подверглись бомбардировке в то время, когда они были в своих казармах. Наш небольшой военно-морской флот без предупреждения был потоплен, при этом были большие жертвы. Не удивительно, что мой отец, как и многие иранцы, считал, что союзники предали нас. Моему отцу казалось абсолютно невероятным, что союзники смогут нарушить нашу независимость и суверенитет. Если не считать нескольких небольших стычек, сопротивление иранской армии было безрезультатным. После того как закончился первый этап нападения, наши войска осознали, что сопротивление такому сильному противнику бесполезно»²⁸⁰.

На самом же деле у иранцев были возможности для организации сопротивления. Иранские военачальники не использовали особенности ландшафта своей страны, создававшие выгодные условия для оборонявшихся. Например, советско–иранский театр военных действий вследствие пересеченности местности горными хребтами и большого его превышения – до 3000 м над уровнем моря, - являлся достаточно трудным для полетов боевой и разведывательной авиации. Резко снижал эффект бомбардировок меняющийся рельеф местности. Редкое расположение наземных пунктов, отсутствие заметных ориентиров затрудняло установление точного местоположения противника и осложняло ориентировку в воздухе. Высокие горы вынуждали производить полеты на относительно большой высоте, чем затруднялась визуальная разведка войск в ущельях и горных серпантинах²⁸¹.

Те же самые горы создавали препятствия для сухопутных войск, которые могли двигаться только по узким иранским дорогам, что создавало возможности для успешных засад. Серьезными преградами для наступавших были многочисленные реки и ручьи, разлившиеся в результате прошедшего на севере страны незадолго до 25 августа ливня. К тому же, непривычно высокая температура воздуха вынуждала красноармейцев не только на частые остановки, но и приводила к резкому росту числа заболеваний гриппом и малярией, что не могло не сказаться на боеготовности советских войск.

Нельзя не сказать и о том, что в августе 1941 г. Красная Армия еще не представляла собой той мощной силы, какой она стала в последующие годы. Командиры плохо знали театр военных действий и объекты противника, у них не хватало карт, накануне операции недостаточно тщательно была проведена рекогносцировка местности, вследствие чего разведанные зачастую не соответствовали действительности. В плохом состоянии находилась телеграфная аппаратура, с большим трудом удавалось передавать приказы штаба фронта и получать необходимые сведения от частей, ушедших далеко вперед. Из-за неудовлетворительной работы тыла случались перебои в обеспечении войск продовольствием и питьевой водой. Не было отлажено взаимодействие между отдельными частями, отсутствовала постоянная связь между войсками и авиацией.

И, тем не менее, Красная Армия даже в таком состоянии прошла триумфальным маршем по иранской территории. Свою лепту в успех проведенной операции внесла разведка. Накануне вторжения советская агентура умело поработала среди армейских кругов, убедив многих иранских офицеров в бессмысленности сопротивления. В Иран были направлены молодые сотрудники разведки, бывшие выпускники Ленинградского университета – С. Тихвинский (в будущем академик, крупнейший советский историк!) и М. Ушомирский. Последний сыграл важную роль в быстром и бескровном захвате контролировавшейся абвером радиостанции иранской армии в Мешхеде²⁸².

В результате соотношение потерь только при ликвидации иранских пограничных постов приближалось 1:10, что говорило о безоговорочном преимуществе Красной Армии. В ходе иранской операции советские пограничники потеряли пять человек убитыми и пять ранеными, потери же иранских погранпостов составили 48 убитыми и 22 ранеными. Кроме того, 256 солдат и офицеров из иранских погранпостов были взяты в плен²⁸³. Что касается 53-й Отдельной среднеазиатской армии, то в результате иранской операции ее части захватили в плен 4150 иранских военнослужащих (из них 18 старших офицеров, 156 младших офицеров, 67 унтер-офицеров и 3909 солдат)²⁸⁴.

Общие же итоги советских потерь с 25 по 30 августа 1941 г. составили около 50 человек убитыми, свыше 100 человек было ранено и контужено, около 4000 солдат было эвакуировано по болезни²⁸⁵. С иранской стороны точных сведений о безвозвратных потерях обнаружить не удалось. Правда, в одном из последних исследований приводятся данные, что в советский плен попало свыше 7 000 солдат и офицеров, в том числе один генерал²⁸⁶.

Аналогичным образом события развивались на юге. Наступавшие здесь англичане уничтожили небольшой иранский флот, базировавшийся в портах Персидского залива. В ходе массированных бомбардировок погиб командующий военно-морскими силами Ирана адмирал Беандор²⁸⁷.

Иранцы не смогли оказать достойного сопротивления войскам Британской империи, состоявшим наполовину из индийцев. Абаданский нефтеочистительный завод был занят английской пехотной бригадой, погрузившейся на суда в Басре и на рассвете 25 августа высадившейся в месте своего назначения. Большая часть иранских войск была застигнута врасплох, но сумела бежать на грузовиках. Под натиском наступавших британцев иранцы успели только уничтожить линии телефонно-телеграфной связи в районе Абадана и Бендер-Шахпура²⁸⁸. 26 августа британское агентство «Рейтер» передало коммюнике, в котором говорилось: «Индийские части очистили от иранских войск район Абадана. При этом захвачены две пушки, три бронемашины, взято 350 пленных. Английские войска также заняли Мариде (60 км севернее Абадана). В Бендер-Шахпуре спокойно. В секторе Ханакина английские и индийские войска, преодолев слабое сопротивление противника, заняли Гилян»²⁸⁹.

В то же время другие британские части заняли с суши порт Хорремшехр, а одна часть была послана к Ахвазу. Проблемы у англичан могли возникнуть у прохода Пай-Так, который при желании можно было превратить в серьезное препятствие. Однако этого сделано не было, и 28 августа иранские войска, оборонявшие перевал, выбросили белый флаг. Более или менее серьезное сопротивление англичанам было оказано на горном хребте Зибири, когда иранская артиллерия приостановила продвижение английской пехоты²⁹⁰.

Всего в ходе этой краткосрочной кампании потери англичан составили 22 человека убитыми и 42 ранеными²⁹¹.

Надо сказать, что союзники были невысокого мнения об иранской армии. Они ожидали сопротивления только со стороны обосновавшихся в ее рядах германских военных инструкторов. Были опасения, что германские офицеры, находившиеся в Иране, применят химическое оружие. В первые дни вторжения информационное агентство «Рейтер» сообщало: «иранская армия плохо оснащена и вряд ли сможет сопротивляться. Для нас эта армия опасности не представляет. Наличие нескольких сотен нацистских агентов и агентов пятой колонны в Иране представляет потенциальный источник смуты и действительную помеху для военных усилий союзников»²⁹².

Вполне реально было представить, что германские агенты, действуя методами диверсий и провокаций, будут препятствовать продвижению союзных войск. И действительно, они смогли взорвать два немецких парохода, находящихся в узком канале, являвшимся единственным входом в р. Шатт-эль-Араб и тем самым ограничили доступ в Бендер-Шахпур английских кораблей²⁹³. Однако в целом эффективность действий германской агентуры была довольно низкой. На северном участке Трансиранской железной дороги в районе Фирузкуха они предприняли несколько попыток взорвать трехкилометровый туннель и железнодорожные мосты. В Керманшахе германские офицеры составили для

иранской армии план обороны города от англичан²⁹⁴, так и оставшийся невостребованным.

При участии немцев было организовано всего лишь несколько незначительных диверсий на линиях связи: на протяжении телеграфной линии Хой – Резайе были сбиты телеграфные столбы, в ночь с 2-го на 3-е сентября с участка Хой - Тебриз похищен весь медный провод, 4 сентября на этом же участке был обнаружен телеграфный аппарат, включенный в советскую линию, а в самом Тебризе неизвестные лица связали провода, в результате чего связь со штабом Закавказского фронта несколько раз нарушалась²⁹⁵. Кроме того, в 20 км от Боджнурда был сожжен мост через реку Гогармаган²⁹⁶.

Показательно, что нацисты так и не смогли установить точную дату начала иранской операции. По некоторым сведениям, немцы ожидали, что союзники войдут в Иран не ранее 28 августа,²⁹⁷ и потому акция, предпринятая 25 августа, застала их врасплох. Тот же Б. Шульце-Хольтус, хотя и владел информацией о концентрации советских войск в Нахичевани и южных портах Азербайджана, но не придал ей значения.

В самой Германии также не ожидали такого поворота событий. Между тем сведения о том, что союзники готовят оккупацию Ирана, поступали в Берлин задолго до начала операции. Причем эта информация проистекала не только от агентов абвера и СД, но даже из официальных каналов. Еще 30 июня 1941 г. корреспондент газеты «Франкфуртер Цайтунг» сообщал из Стамбула, что в Иране «действительной целью британской дипломатии является восстановление сухопутной связи с советской армией», а 3 июля агентство ДНБ передавало, что «хорошо информированные круги считают неизбежным занятие англичанами иранского нефтяного центра Абадан»²⁹⁸.

Можно предположить, что Берлин, опираясь на эти сообщения, допускал возможность оккупации Ирана английскими войсками, но никак не ожидал ввода в страну советских войск. Поэтому участие Красной Армии в августовских событиях стало полной неожиданностью для Гитлера. Шеф 6-го управления РСХА В. Шелленберг писал по этому поводу: «Немецкое руководство не могло понять, как русские смогли при столь напряженной обстановке на своем Западном фронте в августе 1941 г. высвободить силы, чтобы совместно с англичанами оккупировать Иран»²⁹⁹. Более того, получив известие о вступлении войск союзников в Иран, в Берлине поначалу верили, что иранская армия окажет достойное сопротивление противнику. Вожди Третьего рейха надеялись на то, что СССР и Англия увязнут в Иране, а это непременно отразится на положении на других фронтах. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Реакция иранцев на акцию, предпринятую Англией и СССР 25 августа, была неоднозначной. Некоторые из них так опасались грабежей и погромов, что прятали в своих подвалах все ценные вещи, вплоть до столов и стульев. Зная о подобных настроениях, союзники с целью пресечения возможных провокаций во всех занятых городах установили комендантский час: запрещалось хождение по улицам группами и появление на них после 21 часа, закрывались рестораны, столовые, чайханы, разного рода увеселительные заведения, насе-

лению отдавался приказ сдать имевшееся у него огнестрельное и даже холодное оружие³⁰⁰. С первых же дней пребывания в Иране они начали мощную пропагандистскую кампанию. Только за время вступления частей Красной Армии в места дислокации было распространено от 15 до 20 млн. листовок на персидском, азербайджанском, армянском, русском и французском языках с текстами, ноты правительства СССР шаху Ирана и обращения советского командования к иранскому народу, в которых разъяснялись цели вступления союзных войск в Иран. Листовки разбрасывались с автомашин, раздавались с рук, часть листовок распространялась прямо с неба - летчиками 26-й, 133-й, 134-й, 135-й, 245-й авиадивизий³⁰¹.

В некоторых городах красноармейцев встречали как освободителей. К примеру, в Тебризе советским войскам вообще был оказан радушный прием: выстроившиеся вдоль улиц жители города радостно приветствовали части Красной Армии³⁰². И даже красовавшаяся на некоторых домах фашистская символика не портила впечатления. В Мешхеде, многие проживавшие в нем армяне, изъявили желание добровольно вступить в Красную Армию и отправиться на советско-германский фронт³⁰³. «Бедняцкие слои населения г. Мешхеда открыто в групповых беседах выражают свои симпатии Советскому Союзу и Красной Армии», - сообщалось в одном из донесений советской разведки³⁰⁴.

Что касается зажиточных слоев, то у них не было единого мнения в оценке августовских событий. В разведсводке № 0058 штаба 53-й Отдельной среднеазиатской армии отмечалось: «крупное купечество в Мешхеде, настроенное против Советского Союза, разделилось надвое и одна часть ведет агитацию за поддержку Германии, а вторая за поддержку Англии» (так в документе. – А.О.)³⁰⁵. «По поведению и настроениям иранское население можно разделить на две группы. Одна из них – рабочие и беднейшие слои симпатизируют Красной Армии, другая – торговцы, чиновники и полиция частью симпатизируют Англии, частью Германии», - указывалось в другом донесении³⁰⁶.

Характерно, что в том же документе отмечалось благожелательное отношение к советским войскам национальных меньшинств и, в первую очередь, их средних слоев. Более того, говорилось о некоторых негативных последствиях подобной реакции: «беднейшая часть туркменского населения считает, что с приходом Красной Армии будет установлена Советская власть, но не понимает политики Советской власти. Самочинно разбирает хлеб из государственных складов, скот и расправляется с населением нефарсидской (неперсидской. – А.О.) национальности. Все это может способствовать развитию грабежей, и даже организации мелких бандитских групп, особенно среди туркменского населения»³⁰⁷.

Реза-шах Пехлеви: закат звезды диктатора

Возникает закономерный вопрос – а что все это время делали в Тегеране? Неужели иранское правительство, потеряв все нити руководства армией, бросило ее и собственный народ на произвол судьбы?

В первые часы военной операции союзников Реза-шах, этот некогда всемогущий правитель Ирана, был попросту деморализован и поэтому был не готов принимать соответствующие контрмеры. Он не ожидал столь решительных действий со стороны СССР и Англии. Только этим можно объяснить, что в первые сутки он отдал войскам 14 противоречивых, исключавших друг друга приказов, которые создали неразбериху в частях и растерянность в иранском генеральном штабе.

25 августа в 15 ч. 30 мин. по распоряжению шаха состоялось чрезвычайное заседание парламента, на котором премьер-министр Али Мансур сообщил депутатам о том, что вооруженные силы СССР и Великобритании перешли границы Ирана: «Воздушные силы СССР начали бомбардировать в Азербайджане открытые и беззащитные города, многочисленные войска направились из Джульфы в сторону Тебриза. В Хузестане английские войска напали на порт Шахпур и Хорремшехр и нанесли повреждения нашим кораблям, воспользовавшись тем, что эти корабли ниоткуда не ждали нападения. Английская авиация бомбардировала Ахваз, а крупные английские моторизованные части начали продвигаться со стороны Касре-Ширина к Керманшаху. Само собой разумеется, что езде, где нападающие силы столкнулись с иранскими войсками, прошли сражения (выделено мною. – А.О.). Правительство в целях выяснения причины и цели этой агрессии срочно приступило к переговорам»³⁰⁸. Сегодня уже невозможно понять – кривил душой Али Мансур или находился во власти самообмана. Как мы могли убедиться, иранская армия достойного сопротивления наступающим войскам не оказала.

Примечательно, что перед тем, как произнести эту речь, Али Мансур, аргументируя тем, что иранское правительство вступило в переговоры с союзниками, предложил депутатам воздержаться от каких-либо комментариев в адрес Англии и СССР. В итоге лояльный к Реза-шаху меджлис разошелся, так и не высказав своего мнения.

27 августа местные газеты опубликовали первую и единственную сводку генштаба иранской армии, в которой населению сообщалось о ходе сопротивления войскам союзников. В этот же день некоторые газеты поместили на своих страницах правила противовоздушной обороны³⁰⁹. Это было, пожалуй, все, что предприняли иранские власти.

Тем временем войска союзников продолжали победоносное шествие по территории Ирана, что и привело к падению правительства Али Мансура. 28 августа новое правительство во главе с видным иранским ученым-специалистом в области этнологии и филологии, профессором Тегеранского университета, Али Форуги³¹⁰ отдало войскам приказ прекратить сопротивление³¹¹. Это решение было вынесено на обсуждение парламента в качестве го-

лосования по вотуму доверия новому правительству и получило среди депутатов единогласную поддержку.

В этот же день иранцы направили послание новому послу СССР в Тегеране А.А. Смирнову, в котором говорилось: «[...] иранское правительство с целью доказать свою добрую волю и сохранить добрососедские отношения не прибегло к войне. Несмотря на это, советские вооруженные силы стали развивать военные действия и бомбардировать города, причем иранские гарнизоны были, естественно, вынуждены в порядке самообороны оказывать сопротивление. Сейчас доводится до Вашего сведения, что иранское правительство, желая доказать свои миролюбивые намерения, дало указания правительственным войскам прекратить сопротивление и воздержаться от каких бы то ни было ответных действий»³¹². Аналогичное послание было направлено посланнику Великобритании Р. Булларду.

29 августа министр иностранных дел А. Сохейли направил в советское посольство еще одну ноту, в которой указал: «[...] К сожалению, согласно поступающим сведениям, советская авиация до сих пор не прекратила бомбардировки городов по всему северу страны, включая даже такие города как Казвин, Зенджан и Мешхед, а сухопутные войска продолжают двигаться вперед. Между тем, английская армия на юге, как только получила извещение о прекращении сопротивления со стороны иранской армии, приостановила свое движение, и жизнь в тех районах вновь вошла в свою обычную колею»³¹³.

Главным организатором военного сопротивления советским и английским войскам отечественные историки считали Реза-шаха. По их мнению, получив сообщение о вступлении союзных войск в Иран, он приступил к организации активной обороны: к Тегерану была стянута вся иранская авиация, на подступах к городу расставлены пулеметы, а на крышах зданий - орудия зенитной артиллерии³¹⁴. Приводились сведения, что по приказу шаха были подвергнуты репрессиям генералы, прекратившие сопротивление: военного министра А. Нахичевана за отдание приказа о прекращении огня уволили в отставку, а командующего ВВС, также отдавшего подобный приказ, убили.

И все же эти меры представляются демонстративными, имеющими для Реза-шаха одну цель - сохранить в глазах простых иранцев репутацию защитника иранского суверенитета. Поэтому не вызывает удивления то, что среди иранских офицеров циркулировал слух о том, как Реза-шах, отправившись 1 сентября на самолете в район боевых действий, лично застрелил в Ширазе одного полковника, посмеявшегося заявить шаху о необходимости сопротивления³¹⁵.

Постепенно придя в себя, Реза-шах взял курс на организацию так называемого «пассивного сопротивления», следуя которому монарх отказался взрывать мосты и автострады, остановил начавшуюся мобилизацию частного автотранспорта. Навстречу наступавшим союзникам он не перебросил верные ему резервные войска и не решился обратиться к вождям племен с призывом джихада. Реза-шах так и не выполнил угрозу развязать уличные бои в Тегеране. Солдатам и офицерам столичного гарнизона был отдан приказ разойтись по домам. Что касается факта большого скопления авиатехники в районе Тегера-

на, то это объясняется тем, что Реза-шах решил сохранить военную авиацию для будущего Ирана, так как если бы самолеты остались на аэродромах своего обычного базирования, то их наверняка уничтожили бы советские бомбардировщики. В случае же начала воздушных боев с авиацией союзников ВВС Ирана также ждала неминуемая гибель³¹⁶.

Политика «пассивного сопротивления» заключалась в том, чтобы имитировать боевые действия с Красной Армией и британскими войсками. Нежелание кровопролития и осознание того, что в случае начала широкомасштабных боевых действий будут потеряны результаты реформ, проводимых им все предыдущие годы, вынудило иранского правителя склонить голову перед Англией и СССР.

Однако полностью отказаться от враждебных актов в отношении союзников шах не мог. В августе 1941 г., когда страны «оси» имели заметный военный перевес над антигитлеровской коалицией, Реза-шах считал, что ему рано или поздно придется объясняться с Гитлером, так как окончательная победа нацистской Германии в той ситуации казалась ему наиболее вероятной. И в этом случае он мог сослаться на то, что в условиях полного превосходства противника иранская армия пыталась оказать какое-то сопротивление союзникам, причем делала это в условиях борьбы на два фронта.

Версию о том, что иранский шах сознательно проводил политику «пассивного сопротивления» подтверждает в своих воспоминаниях генерал Хасан Арфа, бывший в то время начальником штаба вооруженных сил Тегеранского округа: «С самого начала было ясно, что шах не намеревался организовать реальную оборону и хотел только показать немцам, что Иран был принужден силой, для того, чтобы в случае победы Германии Иран не нес бы ответственности и с ним не обращались как с вражеской страной»³¹⁷. В подтверждение этой версии генерал приводил конкретные факты: «Я предложил взорвать мосты и ночью выдвинуть части значительного тегеранского гарнизона в сторону горного района от Арака и организовать там оборону, но шах отклонил этот план»³¹⁸.

Следуя концепции «третьей силы», Реза-шах в урегулировании ситуации активно использовал дипломатические средства. В первую очередь он рассчитывал воздействовать на Советской Союз и Великобританию через США. Иранский посланник в США М. Шайесте прилагал энергичные усилия в надежде склонить американцев поддержать Иран. 22 августа он обратился к госсекретарю К. Хэллу с просьбой повлиять на британцев³¹⁹.

Однако Вашингтон предпочел занять позицию невмешательства. Ответ Ф. Д. Рузвельта на просьбу Реза-шаха о посредничестве между Ираном и союзными державами был весьма неопределенным и выражался лишь в нескольких благочестивых фразах. Президент США выразил дружественное отношение к Ирану, но уклонился от обсуждения вопроса об участии американцев в разрешении конфликта. В своем послании Реза-шаху Ф. Д. Рузвельт говорил о захватнических планах Гитлера в отношении Европы, Азии, Африки и даже Аме-

рики, т. е. его ответ более походил на политическую лекцию, в которой заключалась масса общих слов и не давалось никаких конкретных обещаний³²⁰.

Ища поддержку со стороны соседней Турции, иранское правительство опубликовало в прессе серию статей, в которых не только восхвалялись заслуги Кемалья Ататюрка и Исмета Иненю, но и проводилась мысль об общности интересов Турции и Ирана³²¹. Тем самым Реза-шах надеялся не только получить дипломатическую поддержку со стороны турок, но и пытался показать союзникам, что Иран не одинок, что военная акция союзников вызвала волну возмущения в Турции и может толкнуть ее в объятия стран «оси». Однако все попытки иранского лидера изменить ситуацию через турецкое правительство также оказались безуспешными. Турецкий министр иностранных дел без обиняков заявил иранскому послу в Анкаре, что видит в этом деле мало шансов на успех, ибо, по его мнению, «вступление союзных войск в Иран имеет чисто стратегический аспект»³²².

Все эти факты позволяют не согласиться с однозначной оценкой Реза-шаха как «пособника германских фашистов». Это опровергается даже нацистской пропагандой, которая в самый критический для Реза-шаха момент стала упрекать его в трусости, непоследовательности, продажности и неумении организовать оборону Ирана. Вещавший на персидском языке диктор берлинского радио язвительно сообщил иранцам, что их лидер бежал в Исфahan и тем самым бросил управление страной. Как уже говорилось, спецслужбы Третьего рейха готовили переворот в Иране, планировали физическую ликвидацию Реза-шаха, что также не позволяет говорить о нем как о гитлеровской марионетке. Интересно, что накануне вступления Красной Армии в Иран ответственный руководитель ТАСС Я. Хавинсон предлагал В. Молотову придать огласке информацию о подготавливаемом немцами антишахском перевороте, но последний не поддержал инициативу³²³. Без сомнения, это было сделано из тех соображений, что союзникам было выгоднее представить Реза-шаха как союзника Гитлера, а не как жертву германских интриг.

Не приходится сомневаться в том, что Реза-шах действительно желал блага для своей родины и пытался только воспользоваться помощью Германии, которую та «благосклонно» предлагала его стране. Ему казалось, что он действует в интересах промышленного развития Ирана. Не лишним будет вспомнить то, что не только один иранский шах не смог вовремя рассмотреть в лице Гитлера угрозу человечеству. Стремление во всем опираться на собственные силы, подозрительность, гордость за себя как за лидера древнейшего восточного государства были, пожалуй, главными чертами его характера. В отличие от многих европейских политиков и общественных деятелей, он никогда не заискивал перед вождем германского фашизма. Ни разу Реза-шах публично не высказал восхищения силой немецкого оружия, как это делали правители той же Турции³²⁴. Иранский шах стал жертвой обстоятельств, являвшихся результатом войны, так как Иран из-за своего стратегического положения не мог не стать яблоком раздора между воевавшими блоками. Союз Англии и СССР объективно требовал участия Ирана во Второй мировой войне в ка-

честве перевалочной базы для военных поставок. Поэтому Реза-шаху, как и любому другому политику на его месте, вряд ли бы удалось оставить Иран в стороне от тех великих событий.

Тем временем союзники твердо шли к намеченной цели. 29 августа передовые части советских и английских войск вошли в соприкосновение в районе Сенендеджа. А на следующий день, 30 августа, представители СССР и Англии вручили иранскому премьер-министру ноты своих правительств³²⁵. В советской ноте ввод войск объяснялся «подрывной работой немцев, захвативших командные посты по всему Ирану»³²⁶. В ноте также говорилось о том, что СССР и Великобритания согласны прекратить военные действия, но при этом иранское правительство должно выполнить следующие условия:

«а) отвести свои войска на юг от линии, проходящей через: Ушну, Хайдарабад, Миандоаб, Зенджан, Казвин, Хорремабад, Баболь, Зираб, Семнан, Шахруд, Алиабад. Районы, расположенные севернее этой линии, должны быть временно заняты советскими войсками.

Дать приказ своим войскам отойти на север и на восток от линии, проходящей через Ханакин, Керманшах, Курамабад, Машид-и-Сулейман, Хафт-Кель, Гахсерам, Рам-Хормоз, Бендер-Дилам. Районы, расположенные южнее и западнее этой линии, должны быть временно заняты британскими войсками;

б) выслать из Ирана в течение одной недели всю германскую колонию, за исключением состава дипломатической миссии и нескольких специалистов – техников, работа которых не связана со средствами сообщения или с предприятиями военного значения. Список остающихся немцев, в том числе членов и сотрудников миссии, должен быть согласован с советским правительством и британской миссией в Тегеране;

в) взять на себя обязательство не допускать в дальнейшем немцев на территорию Ирана;

г) взять на себя обязательство не создавать никаких препятствий для провоза через иранскую территорию товаров, включая военные материалы, предназначенные для Советского Союза и Великобритании, а также облегчать доставку таких товаров или материалов по шоссейным и железным дорогам, или по воздуху;

д) оказывать содействие органам СССР для развития нефтяного дела в Кевир-Хурионе [...];

е) взять на себя обязательство придерживаться нейтралитета и не предпринимать ничего такого, что могло бы каким-либо путем нанести вред советским и британским интересам в конфликте, вызванном германской агрессией»³²⁷.

В свою очередь советское и английское правительства соглашались помочь Ирану в удовлетворении его экономических нужд и, «как только позволит военное положение», вывести войска с иранской территории³²⁸.

30 августа иранское правительство ввело в Тегеране военное положение³²⁹. В этот же день была подвергнута бомбардировке столица Ирана. По мнению советских историков, эту «провокационную» акцию по приказу Реза-

шаха предприняли иранские самолеты³³⁰. С этим мнением нельзя не согласиться. Тем более что согласно архивным материалам 30 августа ВВС Закавказского фронта боевых действий не производили. Только 31 августа советские самолеты поднялись в небо, да и то с целью разброса листовок³³¹.

Эту версию подтверждает опубликованная 31 августа в иранских газетах заметка, в которой сообщалось, что «вчера утром два иранских самолета поднялись в воздух и летали над столицей, не получив разрешения от командования, ввиду чего зенитная артиллерия открыла огонь, чтобы вынудить их приземлиться»³³².

По-видимому, это был отчаянный поступок иранских офицеров-германофилов, выразивших таким образом протест против присутствия в стране войск союзников. Косвенным доказательством того служат данные советской разведки, согласно которым 30 и 31 августа с иранских самолетов над Тегераном были сброшены листовки, в которых говорилось, что «наши земли захватили войска Советского Союза и Англии»³³³.

Факт бомбардировки столицы Ирана иранскими летчиками подтверждает корреспондент газеты «Бакинский рабочий», сообщавший в те дни из Тегерана: «.. начальник иранской авиации отдал распоряжение завести самолеты в ангары, а летные части сосредоточить в казармах. Однако несколько летчиков заявили, что они не подчинятся приказу и будут действовать против английских и советских частей, и что они будут бомбардировать Тегеран... Есть основания утверждать, что указанные иранские летчики действовали по прямому подстрекательству германских фашистов»³³⁴.

Мнимой бомбардировкой столицы воспользовалась германская пропаганда. 1 сентября 1941 г. диктор берлинской радиостанции передал на персидском языке сообщение о бомбардировке северо-западной части Тегерана, в результате которой погибли сотни людей, в том числе женщины и дети³³⁵. На следующий день, 2 сентября 1941 г. иранские газеты опубликовали на видном месте опровержение этой радиопередачи, в котором, в частности, говорилось: «... диктор берлинской радиостанции говорил о победе над врагами и давал какие-то обещания. Мы в связи с этим считаем необходимым заявить, что иранский народ не питает никакой ненависти и вражды к какому бы то ни было народу. Мы все время имели с Германией нормальные политические и экономические отношения, но мы с ней никогда не заключали специальных договоров, и мы не будем терпеть подобного рода измышления»³³⁶. Для многих это был неожиданный ход иранской дипломатии. В Иране впервые прозвучала острая критика гитлеровской политики.

В исторической литературе развернулась дискуссия по поводу бомбардировок иранских городов авиацией союзников. «В первый день вторжения бомбардировке были подвергнуты города Ардебиль, Ахар, Ахваз, Банаб, Бендер-Пехлеви, Маку, Мехабад, Мешхед, Резайе, Миандоаб, Миане, Решт и Хасан-Киаде. Как видно из списка, большая часть этих городов находится на севере Ирана, и, соответственно, бомбардировалась советской авиацией. Это, однако, несколько не свидетельствует о миролюбивом характере англичан, которые

просто боялись повредить принадлежащие им нефтепромыслы, расположенные на юго-западе Ирана, куда они осуществили вторжение. Союзники просто копировали схему нападения Германии на Советский Союз», - предложил свою версию событий З.А. Арабаджян³³⁷.

С такой постановкой вопроса не согласен Б.Х. Парвизпур, который вообще отрицал факт бомбардировки иранских городов советскими самолетами. «... Советское правительство, осуществляя ввод своих войск в Иран, поступало в соответствии с достоинством великой и могучей страны и стремилось, чтобы ввод советских войск происходил на началах гуманности. По признанию иранских источников, советские бомбардировщики не подвергали бомбометанию ни населенные пункты, ни солдатские казармы, чего нельзя сказать об англичанах»³³⁸. Эти слова Б.Х. Парвизпура находят косвенное подтверждение в ноте советского посла в Тегеране А. Смирнова, в которой тот сообщил министру иностранных дела Ирана А. Сохейли, что советское правительство отклоняет протест иранского правительства по поводу бомбардировки иранских городов и населенных пунктов, как совершенно необоснованный. «Советская авиация городов и населенных пунктов не бомбила», - было заявлено иранскому министру³³⁹.

Реальную картину произошедшего представляют нам документы из фондов ЦАМО РФ. Согласно им, оперативной директивой № 001 штаба Закавказского фронта от 23 августа 1941 г. перед советскими ВВС были поставлены следующие задачи: «1) последовательными ударами с рассветом 25 августа 1941 г. уничтожить авиацию противника на аэродромах: Маку, Хой, Тебриз, Ардебиль, Агар, Хиов, Решт, Тегеран и в других дополнительно установленных разведкой пунктах; 2) в случае оказания вооруженного сопротивления со стороны иранских войск уничтожить группировки противника в районах Маку, Хой, Урмия, Маранд, Тебриз, Ардебиль, Керганруд, Урмия, Решт, не допуская выдвигания их в северном направлении; во взаимодействии с наземными войсками – уничтожить живую силу и материальную часть противника на поле боя»³⁴⁰.

27 августа, когда выяснилось, что иранские части оказывают слабое сопротивление и отходят на юг, оперативной директивой № 002 штаба Закавказского фронта были поставлены уже другие задачи: «1) вести разведку до линии Мехабад, Сенендедж, Хамадан, Кишлан, Рудесар, 2) быть готовыми к действиям по аэродромам и живой силе иранской армии по особому распоряжению»³⁴¹.

Из архивных документов следует, что советская авиация действительно произвела более 1500 боевых вылетов. В отчете о боевых действиях ВВС Закавказского фронта было приведено несколько примеров наиболее эффективных действий бомбардировщиков: «Решт – разрушен военный городок: казарма, в которой убито до 300 солдат, штаб, конюшня. Тебриз – уничтожена авиамастерская и выведено из строя семь самолетов противника»³⁴².

Таким образом, материалы из фондов ЦАМО позволяют согласиться с З.А. Арабаджяном, но с важными оговорками. А именно: ВВС Красной Армии

наносили удары в основном по военным объектам, несмотря на то, что по первоначальному плану предполагались более массированные бомбардировки. Советское командование внесло разумные коррективы в ход операции и тем самым значительно снизило количество жертв не только среди иранских солдат и офицеров, но и среди мирного населения. К тому же все бомбардировки прекратились 29 августа, когда окончательно стало ясно, что иранская кампания выиграна Красной Армией.

В те дни в Тегеране поднялась настоящая паника. Из-за перебоев с горючим было нарушено автобусное сообщение. Многие жители, покинув столицу, стали искать убежища в окрестных деревнях. Причиной такого поведения служила германская пропаганда, внушавшая иранцам, что вступившие на иранскую землю войска союзников развернули невиданные репрессии. В период с 31 августа по 7 сентября в Тегеране не работали промышленные предприятия. Рабочие, заявив директорам фабрик, что «скоро придут советские и английские войска, и наши деньги пропадут»³⁴³, отказались выходить на работу.

В положении, когда войска Англии и СССР демонстрировали безусловное преимущество над иранской армией, Реза-шах, следуя политике «пассивного сопротивления», сделал еще один шаг навстречу союзникам. По его приказу 1 сентября правительство Ирана согласилось удовлетворить их требования об отводе своих войск и высылке из страны всех немцев, за исключением сотрудников посольства и некоторых технических специалистов, работа которых не имела отношения к средствам связи или военному делу. При этом оговаривалось, что иранское правительство примет меры к тому, чтобы отъезжающие германские подданные могли проехать без затруднений через районы, занятые войсками союзников. Иранское правительство взяло на себя обязательство не допускать впредь пребывания на иранской территории германских подданных. Кроме того, оно изъявило желание оказывать содействие провозу товаров и военного снаряжения в СССР и Великобританию по шоссейным, железным дорогам и водным путем.

Гитлеровская Германия всеми средствами пыталась избежать интернирования союзниками своих подданных. 30 августа во время беседы с министром иностранных дел Ирана германский посланник Э. Эттель поднял вопрос об ответственности иранского правительства за жизнь немецких колонистов³⁴⁴.

Сам Гитлер уделил внимание этой проблеме. 4 сентября 1941 г. фюрер выступил с угрозой организовать против англичан ответные репрессии. «Нажим Англии и России на Иран, грубое нарушение ими суверенитета Ирана дает нам полное право провести репрессии против англичан на острове Джерси», - заявил он³⁴⁵.

Конечно, этот демарш не оказал никакого воздействия на союзников. Более того, предъявив 6 сентября новые ноты иранскому правительству, они поставили перед ним еще более жесткие условия. Кроме удаления из страны германских подданных, не имевших дипломатические ранги, они потребовали закрытия германской дипломатической миссии и дипломатических представительств союзников и сателлитов Третьего рейха – Италии, Венгрии и Румынии.

Советская нота гласила: «[...] Для того, чтобы облегчить иранскому правительству решение вопросов, советские и британские войска воздержались от занятия Тегерана. Миссии держав «оси» истолковали этот великодушный акт как признак слабости и воспользовались этим случаем для того, чтобы поставить иранское правительство в затруднительное положение, дискредитировать СССР и Англию и развернуть свою пропаганду, как в Иране, так и через радиостанцию из Германии и Италии.

В связи с этим советское правительство вынуждено настаивать перед иранским правительством на необходимости высылки германской миссии, а также миссий, стоящих перед германским контролем, а именно – итальянской, венгерской, румынской. До окончательной высылки вышеуказанных миссий из пределов Ирана, иранское правительство должно запретить им всякую курьерскую и шифрованную связь, пользоваться радиопередатчиками и установить строгий контроль над лицами, посещающими эти миссии, и их подозрительной деятельностью (так в документе. – А.О.) [...]

Что касается германской колонии в Иране, то таковая должна быть передана в руки советских и британских властей с учетом особых случаев, которые могут быть определены советским и британским посольством в Тегеране...

Советское правительство согласно с тем, что запрещение въезда немцев в Иран относится только к периоду, в течение которого существуют враждебные действия с Германией.

При осуществлении транзита через Иран советских грузов и военных материалов будет учтена необходимость, чтобы внутренний товарооборот Ирана не был нарушен[...]

Советское правительство, после минования необходимости пребывания частей Красной Армии на территории Ирана, готово будет рассмотреть вопрос о возвращении вооружения иранской армии, которое до тех пор будет находиться на хранении у советских войск.

Что касается компенсации убытков, причиненных военными действиями и бомбардировками, то эта просьба не может быть удовлетворена, так как военные действия происходили лишь постольку, поскольку иранская армия оказала сопротивление нашим войскам»³⁴⁶.

8 сентября 1941 г. между союзниками и Ираном было заключено соглашение, определившее дислокацию советских и английских войск на иранской территории. Согласно договоренности части Красной Армии дислоцировались к северу от линии Ушну - Миандоаб – Зенджан - Казвин - Кередж - Хорремабад - Шахруд и в районе города Мешхеда, а английские - к югу и западу от линии Ханакин - Керманшах - Рам - Бендер-Дилам. На остальной территории расположились иранские войска. «... иранское правительство сожалеет, что правительства СССР и Англии не пожелали принять даже такого небольшого требования иранского правительства, как исключение из линии, определенной в своей первой ноте, городов Семнана, Шахруда, Казвина, Хорремабада и Дизфуля, хотя, по мнению иранского правительства, мотивов для отказа в

этом требовании не было»,³⁴⁷ - с сожалением отмечался в иранской ноте факт очередной уступки союзникам.

8 сентября союзники также представили шахскому правительству список немцев, которых требовалось интернировать, а затем переправить в СССР³⁴⁸.

9 сентября, выступая в парламенте, У. Черчилль подтвердил требования союзников и заявил: «Мы настаиваем на передаче в наши руки всех немцев и итальянцев, проживающих в Иране и закрытии враждебных миссий»³⁴⁹. В этот же день для немедленного интернирования подданных стран «оси» была создана специальная комиссия из дипломатических представителей СССР, Великобритании и Ирана³⁵⁰.

В этой ситуации иранская дипломатия сделала опрометчивый шаг, дав повод союзникам усилить давление на Иран. Дело в том, что 10 сентября 1941 г. в «Эттелаат» появилась передовая статья под заголовком «Скорбь населения», в которой было заявлено: «К сожалению, на сегодняшний день наше правительство было вынуждено закрыть германское, итальянское, румынское, венгерское посольства в Иране. Однако наши посольства в столицах соответствующих стран останутся работать по-прежнему, и политические взаимоотношения между нами и этими странами также сохранятся»³⁵¹.

Осознав ошибочность публикации статьи, «Эттелаат» уже на следующий день (11 сентября) поместила заметку, в которой говорилось о необходимости «установить более тесное сотрудничество с британским и советским правительствами»³⁵². Вечером этого же дня тегеранское радио передало опровержение на статью «Скорбь населения», указав, что она была опубликована без ведома правительства. Более того, с целью умиротворить союзников было принято решение закрыть на пять дней «Эттелаат»³⁵³. Никаких разъяснений при этом не давалось, но всем было понятно, что газета наказана за публикацию статьи прогерманского содержания.

Однако эти решения уже не могли повлиять на Англию и СССР. 12 сентября союзники заявили иранскому правительству, что дальнейшая задержка отправки германских подданных может привести к «самым серьезным последствиям»³⁵⁴.

Между тем Гитлер перешел от угроз к действиям. 12 сентября он отдал приказ: за каждого интернированного в Иране немца интернировать 10 англичан на острове Джерси и Нормандских островах, а их собственность распределить среди остального населения³⁵⁵. Этот приказ фюрер велел передать по радио и опубликовать в газетах.

В ответ на заявления Гитлера и действия иранских властей У. Черчилль обратился к И. Сталину, извещая правительство СССР о своем решении ввести войска в иранскую столицу и о том, что он направил соответствующие инструкции командующему английскими войсками в Иране. Английский премьер-министр просил правительство СССР дать такие же инструкции командующему советскими войсками в Иране³⁵⁶. Ответ, естественно, был положительным. Войска союзников начали продвижение к Тегерану, что было изменением их

первоначального плана, по которому предполагалось расставить воинские части только вдоль дорог³⁵⁷.

К этому времени Реза-шах, осознав крах своей политики «пассивного сопротивления», окончательно определился: чтобы сохранить монархию, есть только один выход – отречься. 15 сентября он снял с себя полномочия главнокомандующего, а 16 сентября в обстановке приближения войск союзников к столице Реза-шах подписал акт отречения, передав престол своему старшему сыну Мухаммеду Реза³⁵⁸. В этот же день на чрезвычайном заседании парламента премьер-министр сообщил собравшимся о решении Реза-шаха и зачитал текст отречения: «Ввиду того, что за эти несколько лет я истратил все свои силы на управление страной и сейчас чувствую себя истощенным, я считаю сейчас своевременным, чтобы человек, более молодой, чем я, занялся делами, требующими непрерывного внимания и настороженности, во имя обеспечения благосостояния и счастья народа»³⁵⁹.

Первоначально предполагалось, что бывший шах будет переправлен через Индию в Аргентину, где ему предписывалось прожить остаток своих дней³⁶⁰. 17 сентября он выехал в Исфахан, затем отправился через Керман в Бендер-Аббас, откуда сел на пароход, отплывший в Индию. Вместе с ним Иран покинули сыновья Али Реза, Махмуд Реза, Голям Реза, Хамид Реза и две дочери – Шамс и Фатима³⁶¹. В Индии Реза-шах прибыл в Бомбей, где должен был остановиться на несколько дней, а затем выехать через Сингапур в Аргентину. Однако здесь судьба преподнесла бывшему правителю Ирана еще один сюрприз. По примеру Наполеона его сослали на один из островов, близ африканского континента. Под британской защитой он был отправлен на остров Маврикий, а затем в Южную Африку, где и умер 26 июля 1944 г. в Йоханнесбурге³⁶². Забальзамировали и похоронили Реза-шаха в Египте³⁶³.

Истории было суждено, что в день, когда Реза-шах покинул столицу, в Тегеран вступили советские войска, а на следующий день (18 сентября) - английские.

В эти же самые дни из Ирана были высланы дипломатические миссии и советники Германии, Италии, Румынии, Венгрии и Болгарии. Накануне своего отъезда из страны германские дипломаты, рассчитываясь за аренду квартир, заплатили хозяевам за две недели вперед. При этом они намекали иранцам на свое скорое возвращение, говоря при этом: «кто останется верен нам, поощрим, а кто предаст, накажем»³⁶⁴. Эти слова иранцы передавали из уст в уста, и, надо сказать, что на многих такая пропаганда действовала. В иранском обществе еще была сильна вера в непобедимость германского фашизма. Известный востоковед Д. Комиссаров, выполнявший в те дни обязанности пресс-атташе советского посольства в Иране³⁶⁵, следующим образом характеризовал сложившуюся обстановку: «Неслучайно газеты не сообщали о том, что иранское правительство порвало дипломатические отношения с фашистскими государствами. До сих пор в устной форме руководящие работники Ирана сожалеют, что им пришлось попросить из Ирана немцев. Все это является свидетельством того, что иранское правительство даже после того, когда наши и английские вой-

ска вошли в Тегеран, продолжает по мере возможности лавировать между СССР, Англией и Германией»³⁶⁶.

Следует сказать, что во время операции по удалению из Ирана немецких дипломатов произошло несколько неприятных инцидентов. Если верить иранской стороне, то в пути красноармейцы отделили от колонны сопровождавших ее иранских чиновников³⁶⁷, а по прибытии в Тебриз не разрешили им следовать дальше до ирано-турецкой границы и заставили вернуться в Тегеран. По сведениям шведской дипломатической миссии, германские дипломаты вместе с женщинами и детьми были остановлены на ирано-турецкой границе, где советские служащие отобрали у них все принадлежащее им имущество³⁶⁸.

По данным же посольства СССР в Тегеране, советские военные власти не только не чинили какие-либо препятствия иранским чиновникам, но и всячески стремились облегчить им путь следования, предоставляя по их желанию места отдыха в гостиницах даже в тех случаях, когда обстоятельства вынуждали красноармейцев использовать в качестве ночлега свои автомашины. Как утверждалось в советской ноте, «весь дипломатический и недипломатический состав миссии был пропущен в Турцию со всеми дипломатическими машинами и багажом даже без какого-либо досмотра»³⁶⁹.

Со дня удаления дипломатических миссий Германии и ее сателлитов за защиту германских и болгарских интересов взяла на себя шведская миссия. Японская миссия, в свою очередь, взяла на себя защиту интересов Италии и Румынии. Продолжением этого курса стали события 23 сентября 1941 г., когда из Германии, Италии и Румынии были отозваны дипломатические миссии Ирана. Еще через несколько месяцев, в июне 1942 г. иранское правительство прекратило телеграфную связь со странами «оси», включая их колонии и протектораты.

Необходимо иметь ввиду еще один момент. После проведенной акции не все немцы покинули Иран. Тем из них, кто по различным причинам избежал высылки и не получил разрешения на жительство от союзников, предписывалось не позднее 24 сентября 1941 г. явиться в полицейские участки³⁷⁰. Однако, несмотря на столь жесткое заявление, иранские власти не горели желанием осуществить угрозу. Явка германских подданных в полицейские участки была мизерной, иранская полиция не спешила их задерживать, чем многие агенты абвера и СД умело воспользовались, благополучно исчезнув из поля зрения компетентных органов.

Практически все руководители немецкой резидентуры остались на свободе. Впоследствии они возглавили прогерманское подполье в Иране. В числе их оказался Б. Шульце-Хольтус, который был временно интернирован в шведском посольстве, но вскоре бежал. После удачного побега он переделался в иранскую национальную одежду, отрастил бороду, покрасил ее хной и под видом муллы «путешествовал» по Ирану, пока не попал в зону кашкайских племен³⁷¹. При поспешном бегстве из Тебриза он даже не успел ликвидировать 50 кг взрывчатки, предназначавшихся для взрыва нефтяных скважин в Баку³⁷². Ф. Майер скрылся на армянском кладбище, замаскировался под иранского батрака

и некоторое время работал могильщиком³⁷³. Затем он несколько недель бродяжничал по Ирану, пока не нашел приют у некоего иранца по имени Хасан³⁷⁴. Избежал интернирования и Р. Гамотта. Ему удалось скрыться от полиции в горах Эльбурса, а затем удачно бежать в Турцию, откуда он благополучно перебрался в Германию. Прибыв в Берлин, Р. Гамотта был награжден фюрером за свою деятельность в Иране железным крестом первой степени³⁷⁵.

Особняком стоит вопрос о количестве немецких агентов в Иране. Официально опубликованные английские и советские данные представляются явно преувеличенными. По материалам газеты «Правда», численность немецких агентов «определялась не десятками, не сотнями, а тысячами»³⁷⁶. Английская пресса того времени также намеренно завышала численность германских агентов в стране до 20-25 тысяч человек. Уже после войны англичане признали, что в действительности численность немецкого землячества в Иране в 1941 г. составляла несколько тысяч человек³⁷⁷. Английский исследователь Л. Элвелл-Саттон указал на то, что союзники записали в число германских агентов не только тех, кто ими являлся, но и членов семей германских подданных, экипажи немецких кораблей в Бендер–Шахпуре, немки, бывших замужем за иранскими и английскими служащими и лиц, непричастных к диверсионной деятельности³⁷⁸. Завышенные данные приводил советский историк М. В. Попов, когда указывал, что «в 1941 г. в Иране находилось около 4 тыс. тайных агентов германской разведки, гестапо и пропагандистского аппарата Геббельса»³⁷⁹. Что касается ученых из ГДР, то в официальной историографии была приведена более скромная цифра в 2000 человек³⁸⁰. Эту же цифру, правда на 1940 г., приводит в своих мемуарах руководитель ближневосточной референтуры УП политического отдела МИД нацистской Германии В. Гентиг³⁸¹.

В августе 1941 г. в одном агентурном донесении приводились данные, полученные советским разведчиком от источника из иранской тайной полиции: «Всего в Иране проживает 2350 человек немцев, в том числе мужчин 870 человек, женщин и детей 1480 человек. В Тебризе проживает 27 немецких семей, т. е. 112 человек. Около 115 человек работают в фирме «Хох-Тиев» на Тебризской железной дороге.... Имеются 80 немки замужем за иранцами. Всего говорящих по-немецки (австрийцев, швейцарцев, хорватов и чехов) насчитывается в Иране 3790 человек, из их числа 460 человек чехов (так в документе. – А.О.) настроены против немцев»³⁸². Эти секретные данные, по-видимому, и являются самыми точными.

В той непростой ситуации, в какой оказался Иран, будущее этой страны во многом зависело от взошедшего на престол Мухаммеда Реза. И.Сталин и У.Черчилль рассчитывали и, как им казалось, не без оснований, что новый иранский правитель станет еще одним участником антигитлеровской коалиции.

Первые шаги молодого шаха были направлены на расширение социальной базы правящего режима и на создание себе массовой поддержки. Отменялась унижительная для иранцев процедура просмотра писем на почте, ликвидировались полицейские посты у почтовых ящиков, по всей стране разрешался свободный проезд. Мухаммед Реза издал указ, согласно которому правитель-

ству предоставлялось право на основании 55-й статьи уголовного кодекса составить список заключенных, в том числе и политических, для полного амнистирования или частичного сокращения срока пребывания в местах лишения свободы. Была проведена чистка в главном полицейском управлении. Начальник главного полицейского управления Мохтари, шеф тайной полиции Арабшахи и начальник тегеранской тюрьмы М. Расех были взяты под стражу, а затем преданы суду³⁸³.

Относительную свободу получила иранская пресса. При бывшем шахе в газетах нельзя было найти оригинальные статьи иранских авторов, за исключением передовиц в «Иране» и «Эттелаат», печатавшихся по заданию правительства. Совершенно безнадежно было в то время искать в журналах или газетах хоть какую-нибудь заметку с критикой мероприятий правительства и других учреждений Ирана. При новом же шахе газеты сменили свое лицо, причем характер публиковавшихся статей стал таким, что в первые месяцы было невозможно определить их политическую направленность.

Предпринятые Мухаммедом Реза популистские меры имели и другую цель – сохранить монархию в Иране и династию Пехлеви. Опасаясь того, что союзники организуют переворот и установят в стране республиканский строй, Мухаммед Реза давал им понять, что не только принял меры к ликвидации прогерманской «пятой колонны» в Иране, но и пытается направить страну в русло демократизации. «Вопрос о форме правления является основой для национального единства и полезного соревнования. Я считаю, что не все формы правления одинаковы и что лучшей формой правления, при которой упомянутые цели достижимы, является демократическая форма правления... Дух свободы, который является ценнейшим благом мира, витает над такой формой правления. Свобода слова и действий, которая является единственным условием соревнования на пути прогресса возможна только в такой среде», - с такими словами Мухаммед Реза обратился к иранцам по радио 25 октября 1941 г.³⁸⁴.

Это выступление, как и все его предыдущие и последующие шаги было своего рода игрой, в ходе которой Мухаммед Реза под предлогом борьбы со сторонниками Германии пытался сохранить за собой иранский трон. В ходе развернутой им кампании по удалению со своих постов прогермански настроенных руководителей он избавился от ряда неугодных элементов, которые представляли потенциальную опасность для его власти. Принимая во внимание молодость Мухаммеда Реза, которому в момент восшествия на престол исполнился 21 год, остается только удивляться тому, как новому лидеру Ирана удавалось лавировать между союзниками и различными иранскими политическими группировками.

Между тем в Иране поднялся настоящий шум вокруг ценностей его отца - бывшего шаха. Мотивируя распространившимися слухами о том, что не все ценности шаха находятся в сохранности, депутат Сафави внес в парламент соответствующую интерпелляцию. Под предлогом того, что в иранском обществе стал активно обсуждаться вопрос о возвращении старым владельцам имущества, конфискованного при старом шахе, 22 сентября 1941 г. «Эттелаат» потре-

бовала создания в кратчайший срок специальной комиссии. Вскоре такая комиссия была создана, а затем началось тщательное расследование в связи со слухами о том, что бывший шах имел значительные капиталы в зарубежных банках. Осознавая, что эти слухи ведут к падению авторитета монархии, Мухаммед Реза сделал все, чтобы пресечь их дальнейшее распространение. По его указанию 30 сентября премьер-министр Али Форуги сделал заявление о том, что все имущество бывшего шаха находится в Иране, и что его ценности в Национальном банке (текущие счета и депозит) составляют 680 млн. риалов.

В обзоре иранской прессы, составленным Д. Комиссаровым, отмечалось: «Это смехотворное заявление, (заявление иранского правительства об отсутствии денег на счетах бывшего шаха в зарубежных банках – А.О.) конечно, никого не может убедить. Воспользовавшись переданными бывшим шахом ценностями, новый шах незамедлительно приступил к подкупу общественного мнения путем раздачи подарков. Причем этими подарками он собирается подкупить широкие слои иранского народа»³⁸⁵.

Как показали дальнейшие события, Мухаммед Реза, действительно, в целях расширения социальной базы нового режима начал широко разрекламированную кампанию по раздаче подарков народу. Было объявлено, что шахские дары будут иметь целевое назначение, причем особо декларировалась поддержка здравоохранения: на деньги шаха предполагалось построить госпиталь в Тегеране, больницы в городах с населением свыше 10 тыс. человек, здания медицинских училищ в Тебризе, Ширазе и Мешхеде, организовать центры по борьбе с малярией и трахомой, премировать ученых, имеющих достижения в области медицины. Также планировалось построить гостиницу в Тегеране, модернизировать водопровод и благоустроить улицы столицы.

Афганистан: между Англией, СССР и нацистской Германией

Успешное завершение иранской операции вдохновило союзников принять решительные меры против германского присутствия в Афганистане. Надо сказать, что сообщение о введении войск союзников в Иран население Афганистана восприняло с тревогой. В Кабуле не ожидали, что советское и английское правительства решатся на такие действия. Руководство страны полагало, что «в отношении Ирана англичане и русские ограничатся лишь экономическими санкциями»³⁸⁶.

«Среди населения упорно распространяются слухи, что, забрав Иран, Советский Союз нападет на Афганистан и неизбежна война с очень сильной Красной Армией. Байская часть и муллы проводят агитацию среди населения против СССР, разжигают религиозные чувства мусульман, делая упор на то, что в России богу не молятся, все безбожники и т.д. Всячески превозносятся успехи немецких фашистов на Восточном фронте», - отмечалось в одном из донесений советской разведки³⁸⁷.

Действительно, после 25 августа афганцы со дня на день ждали вступления в страну советских и английских войск. Афганское правительство стало даже перебрасывать войска к индийской и советской границам. По данным разведки Туркменского округа для обороны перевалов на советско-афганской границе из состава 8-й Гератской дивизии было выделено 600 солдат. Только в один г. Мазари-Шариф прибыло 1500 новобранцев, призванных в других районах страны³⁸⁸. Одновременно в район индо-афганской границы были переброшены части кабульского гарнизона.

Усиленными темпами афганское правительство развернуло призыв в армию. Причем на всех призывных пунктах находились немцы, под непосредственным руководством которых проходил призыв³⁸⁹. Кроме того, начался переучет солдат, ранее служивших в армии. В приграничных районах местные власти организовали мобилизацию лошадей и верблюдов, приняли меры к заготовке фуража и продуктов. Были сделаны запасы бензина. Вследствие тревожных слухов население Афганистана начало создавать запасы продуктов, после чего в продовольственных магазинах возникли очереди и резко выросли цены на предметы первой необходимости.

С 25 августа ежедневно проходили заседания афганского правительства, на которых рассматривался вопрос о том, должен ли воевать Афганистан в случае повторения иранского варианта. Афганские военные круги высказывали предположение, что после 30 августа страну постигнет судьба Ирана, а английские войска будут перебрасываться через территорию Афганистана на помощь Красной Армии. Большинство членов правительства выражало сочувствие Реза-шаху. По поручению премьер-министра М. Хашим-хана министр иностранных дел Али Мухаммад-хан встретился 28 августа с иранским послом в Кабуле Самии и попросил высказать сочувствие шаху, обещая от имени афганского правительства оказать посильную помощь Ирану в случае, если иран-

ское правительство решит оказать серьезное сопротивление вторгнущимся войскам³⁹⁰.

30 августа по указанию М. Хашим-хана в полуофициозе «Анис» была опубликована враждебная по отношению к СССР и Англии статья афганского журналиста Рештия «Печальные события в Иране», в которой было заявлено: «Печальное событие вторжения войск Советского Союза и Британии на территорию нашего соседа и друга - Ирана вызвали здесь огромное сожаление. Поводом для этого печального события правительства СССР и Британии выдвинули пребывание нескольких немцев на территории Ирана»³⁹¹.

Афганское правительство опасалось повторения иранского варианта. Соображения собственной безопасности стали, в конечном счете, выше чувства солидарности с мусульманским Ираном. Никакой реальной помощи, кроме моральной поддержки афганские лидеры Реза-шаху не оказали. Совершенно прав оказался советник английской миссии Хейлей, заявивший на приеме в советском посольстве 16 сентября, что «события в Иране побудят афганцев принять более решительные меры по отношению к немцам. Немцы уже не смогут выезжать из Кабула без разрешения властей, а если и разрешается кому-либо выезд, то при этом приставляется сопровождающее лицо»³⁹². Анализируя причины пассивности афганцев в августовских событиях, нельзя не сказать и том, что афганцы были недовольны старыми притязаниями иранцев на Гератскую провинцию. В 1938-1939 гг. в Кабуле опасались вооруженного нападения Ирана на Афганистан³⁹³. Это не могло не сказаться на позиции афганских правящих кругов.

В докладе советского посольства с удовлетворением отмечалось: «По политическим соображениям афганцы не оказали никакой помощи Ирану и считали вместе с тем, что поскольку иранское правительство само не организовало сопротивления нападению англичан и русских, то оно заслужило наказания. Нельзя не признать также и влияния религиозной розни. Иранцы - шииты, афганцы - сунниты. Поднять афганский народ на помощь иранцам-шиитам задача не столь простая»³⁹⁴.

После вступления войск союзников в Иран немцы несколько изменили направленность своей пропаганды в Афганистане. Отныне германские пропагандисты муссировали следующие тезисы:

- Иран будет разделен между СССР и Англией.
- Русские и англичане введут войска в Афганистан, и попытаются изгнать из него немцев и итальянцев.
- Немецкая армия начнет поход за освобождение Ирана и Афганистана.
- Исламские страны могут получить помощь только от Гитлера, так как большевики являются безбожниками, уничтожившими все мечети.
- Немцы, когда завоюют СССР, создадут на его территории независимые мусульманские государства - Хиву и Бухару.
- Англичане и русские развернули жесточайшие репрессии против иранцев³⁹⁵.

Таким образом, немцы преследовали цель запугать афганцев угрозой советско-английского нападения на Афганистан и пытались предотвратить изгнание подданных стран «оси» из этой страны. Одновременно они пытались склонить афганское правительство к сопротивлению союзникам и, в конечном счете, втянуть Афганистан в войну. Готовясь к защите своих интересов в Афганистане, немецкая агентура активно распространяла слухи о том, что в самое ближайшее время начнется его оккупация. Говорилось, что «нужно готовиться во всеоружии встретить интервентов и тем самым помочь братскому иранскому народу»³⁹⁶. «В Афганистане в данное время немцы проводят большую работу по подготовке – обучению афганской армии и мобилизации афганского правительства на войну против СССР. Есть слухи, что афганское правительство под нажимом дало согласие выступить против СССР. Германия обязалась оказывать помощь вооружением и инструкторским составом для подготовки афганской армии. В частности, Германия обещала предоставить Афганистану 172 самолета», - говорилось в одной из информационных сводок советской разведки³⁹⁷.

Решение о совместной акции союзников в Афганистане принималось на самом высоком уровне. 29 сентября 1941 г. в Лондоне состоялась встреча английского министра иностранных дел А. Идена с советским послом И. Майским, на которой было принято решение о совместном демарше перед афганским правительством по вопросу о выдворении из страны германских и итальянских подданных, не имевших дипломатического статуса³⁹⁸.

В первых числах октября английская и советская миссии в Кабуле получили конкретные указания потребовать высылки немцев и итальянцев из Афганистана. 6 октября в ходе встречи с К. Михайловым Ф. новый английский посланник Ф. Уайли высказал точку зрения Лондона по этому вопросу. По его мнению, если афганское правительство будет положительно реагировать на требование о высылке немцев и итальянцев, то не стоит поднимать в прессе кампанию и возбуждать общественное мнение против афганского правительства. «Если в Иране народ ненавидел Реза-шаха, то по отношению к афганскому правительству дело обстоит иначе... лучше не доводить дело до вооруженного конфликта с афганцами, поскольку на индо-афганской границе и в Индии афганское правительство может создать большие неприятности для англичан», - утверждал английский посланник³⁹⁹.

9 октября Ф. Уайли встретился с премьер-министром М. Хашим-ханом и заявил ему «о наличии в Афганистане немцев и итальянцев, ведущих опасную для Северо-Западной Индии деятельность»⁴⁰⁰. 11 октября К. Михайлов встретился с афганским премьер-министром и вручил ему ноту советского правительства. Ознакомившись с нотой, М. Хашим-хан заявил, что ему ничего не известно о подробностях происшедших в Иране событий. «Возможно, Иран не выполнял своих обязательств, но Афганистан все свои обязательства выполняет», - отметил М. Хашим-хан⁴⁰¹.

В этой ситуации англичане применили самый действенный в условиях Среднего Востока способ – они просто дали крупную взятку М. Хашим-хану,

назначив ему ежегодную субсидию в 25 млн. индийских рупий⁴⁰². Были подкуплены и другие политические деятели афганской правящей верхушки⁴⁰³. В этой обстановке М. Хашим-хан стал склоняться к решению удалить из страны германских и итальянских подданных, не являвшихся сотрудниками дипломатических представительств.

Окончательное решение удалить из страны итальянскую и германскую колонии афганцы приняли 16 октября, когда министр иностранных дел Али Мухаммад-хан сообщил К. Михайлову, что афганское правительство решило принять совет и удалить из Афганистана немцев и итальянцев, но при условии доставки удаляемых на родину⁴⁰⁴.

Немцы пытались использовать все средства, чтобы оказать давление на афганское правительство. Во второй половине октября германский посланник в Кабуле Г. Пильгер несколько раз посещал Али Мухаммад-хана. Целью этих визитов было не допустить выезда германской и итальянской колоний до начала заседания Лоя Джирги⁴⁰⁵, которая должна была принять окончательное решение по вопросу пребывания немцев в Афганистане. Но, несмотря на все усилия, добиться успеха не удалось. В афганских правящих кругах велико было влияние М. Хашим-хана, который после получения субсидии от англичан полностью встал на сторону союзников. В результате германским представителям пришлось довольствоваться малым и рассчитывать только на благосклонное отношение со стороны афганских властей. Во время последней встречи с Али Мухаммад-ханом 12 октября Г. Пильгер поблагодарил правительство Афганистана за то, что оно смогло добиться отправки немецких специалистов через Индию и освободит этим их от интернирования⁴⁰⁶.

Еще через несколько дней он отдал приказ забронировать часть квартир, занимаемых немецкими специалистами. Также как в Иране, квартплату немцы внесли вперед и оставили в комнатах некоторые вещи, то есть германская разведка рассчитывала в будущем использовать эти квартиры для организации диверсионной работы и восстановления шпионской сети в Афганистане.

29 октября 1941 г. из Афганистана в направлении Индии выехала первая группа, высланных из страны немцев и итальянцев, а 30 октября вторая. Согласно спискам, переданным англичанами К. Михайлову, Афганистан покинули 176 германских подданных. Однако в стране остался еще 21 германский гражданин: четыре дипломата, три сотрудника миссии и члены их семей, а также 12 евреев. Но эти данные не означают, что кроме указанных лиц в Афганистане больше не осталось немцев. После иранских событий в страну хлынула большая группа немцев, численность которой союзникам не удалось установить. Часть из них осела в Афганистане и стала заниматься шпионско-диверсионной деятельностью.

Военное министерство и министерство общественных работ Афганистана организовали исключительно теплые проводы уезжавшим из страны немецким и итальянским специалистам. Советник советского посольства В. Козлов сделал в своем дневнике по этому случаю следующую запись: «Во время проводов афганские офицеры произносили речи, в которых заявляли, что высоко

оценивают работу немецких специалистов и никогда не забудут советскому и английскому правительствам выдворения немцев и итальянцев из Афганистана. При этом некоторые офицеры заявляли уезжавшим, что ответят за их вынужденный отъезд штыками. Выступавшие с ответными речами немцы благодарили за теплые проводы и обещали вскоре вернуться в Афганистан»⁴⁰⁷.

Траурная атмосфера царила в школах и других учебных заведениях. Многие молодые афганцы просто плакали от горя, прощаясь со своими немецкими учителями. «Зажиточные слои населения отрицательно относятся к решению правительства о выселении немцев из Афганистана. Ожидают больших требований со стороны СССР и Англии. Профашистские элементы призывают убивать советских и английских подданных, находящихся в Афганистане», - говорилось в разведсводке № 0056 штаба 53 ОСАА⁴⁰⁸.

Выражая солидарность с покидающими страну немецкими и итальянскими подданными, газета «Ислах» опубликовала ряд статей, в которых Афганистан назывался «центром арийской нации, колыбелью первых законов арийского народа»⁴⁰⁹. Безусловно, такая реакция на отъезд немцев и итальянцев из страны объяснялась тем, что большинство афганцев не верили в победу союзников в войне.

В такой обстановке началась подготовка к Лоя Джирге, созыва которой так боялись англичане. Для того чтобы успокоить наиболее непримиримых делегатов они передали М. Хашим-хану 10 млн. афгани⁴¹⁰. И это принесло свои плоды. На состоявшейся в Кабуле 5-6 ноября 1941 г. Лоя Джирге присутствовавшие на ней делегаты, получив щедрые подарки, полностью поддержали положения, выдвинутые в правительственных заявлениях, т.е. поддержали решение правительства удалить из страны подданных стран «оси».

Таким образом, несмотря на то, что фашистская агрессия против СССР вызвала ажиотаж в Иране, совместные действия Англии и СССР по пресечению германской активности в странах Среднего Востока вынудили гитлеровцев занять оборонительные позиции. Введение союзных войск в Иран укрепило позиции союзников в этом регионе, обеспечило поставки в СССР военной-технической помощи из стран Западной демократии, послужило предупреждением Турции, объявившей после начала Великой Отечественной войны нейтралитет, но поставлявшей Германии продовольствие и ценное стратегическое сырье. Германские планы нападения на Советский Союз с территории Ирана были сорваны. Ни о каком сотрудничестве иранского правительства с нацистской Германией не могло быть и речи, Третий рейх мог теперь рассчитывать только на деятельность тайных профашистских групп и на подрывную работу немецких диверсантов, успевших скрыться в подполье. Последовавшая вслед за этим высылка германской и итальянской колоний из Афганистана еще более ослабила позиции стран «оси» на Среднем Востоке.

«Меллиуне Иран» и «Голубая партия» выходят на арену

Не успели еще германские войска оправиться от поражения под Москвой, как в Берлине стали вынашивать планы нового широкомасштабного наступления на Восточном фронте. В качестве главного его направления было выбрано южное. 3 января 1942 г. Гитлер, беседуя с японским послом Х. Осимой, рисовал блестящие перспективы, которые откроются перед Германией после захвата Кавказа, Ирана и Ирака,⁴¹¹ а 5 апреля 1942 г. он подписал директиву № 41, согласно которой на южном участке советско-германского фронта планировалось осуществить операцию «Блау». Главной целью германского командования в летнюю кампанию стал захват вермахтом Сталинграда и Кавказа, после чего немецкие войска должны были вступить на территорию Ирана, Ирака, Афганистана и Британской Индии.

Введение войск Великобритании и СССР в Иран, падение режима Реза-шаха Пехлеви, заключение 29 января 1942 г. англо-советско-иранского договора о союзе⁴¹² привели к тому, что в Берлине на Иран стали смотреть как на враждебное государство. Уже в период обсуждения договора по Берлинскому радио по три часа в день велись передачи, в которых звучали призывы к восстанию против советских и английских войск, к сопротивлению мероприятиям, связанным с заключением договора, а также требования к членам иранского правительства подать в отставку, изгнать премьер-министра А. Форуги, так как он, якобы, еврей. Содержались угрозы о наступлении часа возмездия, когда в недалеком будущем в Иран придут немецкие войска⁴¹³.

С другой стороны, в Берлине понимали, что в условиях присутствия в стране иностранных войск иранское правительство не могло проводить иной политики, кроме как встать на путь сотрудничества с Советским Союзом и Великобританией. Поэтому И. Риббентроп, реально оценивавший положение дел в этой восточной стране, писал 7 сентября 1942 г. в докладной записке на имя Гитлера: «Сегодняшнее иранское правительство, как и предшествующее, является марионеткой в руках наших противников. Руки его связаны договором с Англией и Советской Россией»⁴¹⁴. Тем самым в конце 1941 г. – начале 1942 г. Берлин в лице МИД резко снизил свой интерес к Ирану. Реза-шах не оправдал ожиданий нацистов. В той же записке И. Риббентропа говорилось, «что в Иране господствует ненавистная династия Пехлеви. Уже сейчас от правления шаха (Реза-шаха. – А.О.) осталась только тень»⁴¹⁵.

Что касается поставок вооружений в СССР по ленд-лизу через территорию Ирана, то правители Третьего рейха недооценили тогда их значимость. Между тем дальнейший ход событий показал, насколько было велико значение этих поставок. Установление контактов между США, Англией и СССР через Иран сыграло важную роль в непрерывной доставке в Советский Союз материалов и вооружения. Особенно это относится к переломному моменту в Великой Отечественной войне. В 1942 г. южным путем было доставлено 28,8 % всех грузов, полученных СССР по ленд-лизу, а в 1943 г. – 33,5 %. Всего за годы вой-

ны почти четверть всех грузов (23,8 %) поступила в Советский Союз этим маршрутом⁴¹⁶.

Как ранее говорилось, Вторая мировая война нанесла серьезный ущерб иранской экономике: нарушение мировых хозяйственных связей резко сократило объем внешней торговли Ирана, заметно сузило географию иранского экспорта. Естественно, что подписание договора с союзниками объективно не могло решить всех проблем иранской экономики. Отныне страна становилась непосредственным участником антигитлеровской коалиции и была вынуждена разделить с Великобританией и СССР тяжесть борьбы с германским фашизмом. В связи с этим пришлось приостановить осуществление индустриальной программы и дальнейшее реформирование иранского общества, так как для экономики страны, испытывавшей острый недостаток квалифицированных специалистов, выдворение германских инженеров не могло пройти бесследно.

Общее ухудшение экономической обстановки отразилось прежде всего на положении простых иранцев. Не прошло и года после августовских событий, как деньги обесценились, и стоимость жизни возросла в несколько раз. Цена мешка муки превысила годовой доход среднего иранца⁴¹⁷. Продукты начали скупать и припрятывать спекулянты. Многие иранские купцы скрывали запасы продуктов, заявляя покупателям, что товары необходимо требовать у СССР. Перестав платить своим работникам, они тем самым способствовали расширению безработицы. К тому же советские военные власти, регулируя вывоз продовольствия из плодородных северных провинций, резко сократили объем его поставок в Тегеран и на юг страны⁴¹⁸. «На большую высоту поднялась дороговизна, на чиновничий аппарат нельзя опереться. Происходят волнения среди кашкайцев и бахтиар. Страна созрела для революции», - не без удовлетворения отмечал И. Риббентроп⁴¹⁹.

Конечно, здесь нельзя не сказать о том, что союзники, сами испытывавшие трудности с продовольствием, как могли, помогали Ирану. Только в период с августа 1941 г. по август 1942 г. они ввезли в Иран более 100 тыс. *t* хлеба, что составляло почти треть от потребляемого страной за год⁴²⁰. Однако иранские власти предпочитали замалчивать эти факты, постоянно спекулируя на том, что согласно тройственному договору о союзе Англия и СССР обязаны оказывать Ирану экономическую помощь.

В конце 1941 г. и в 1942 г. на почве недостатка продовольствия в ряде районов Ирана вспыхнули волнения. 5 октября 1941 г. в «Эттелаат» было помещено письмо Комитета по продовольствию, в котором говорилось, что «в результате необоснованных слухов население, подстрекаемое к заготовке и припрятыванию продовольствия, вышло из состояния покоя и выбило в лавках все окна»⁴²¹.

9 июля 1942 г. в Реште состоялся «рисовый бунт». Толпа в 300 человек разгромила правительственные склады риса и рисоочистительный завод. Одновременно были разграблены лавки с другими товарами, включая магазины по продаже мебели и мануфактуры. Только после прибытия на четырех грузовиках красноармейцев, взявших под охрану телеграф, банк и другие учреждения,

местная полиция приступила к наведению порядка⁴²². В конце месяца разъяренная толпа в другом иранском городе Буруджирде разгромила финансовое управление, муниципалитет и очистила склады с запасами зерна⁴²³. В летние месяцы того же года беспорядки произошли в Казвине и Сабзеваре, а в Исфахане стихийно возникла демонстрация с участием 500 женщин и детей⁴²⁴.

Нередки были случаи, когда иранцы терроризировали своих соотечественников, ведущих торговлю с Советским Союзом: за поставку овощей СССР был убит купец Али Абаутап, при погрузке масла для Советского Союза избит купец Мазафар, на строительстве шоссе близ Пехлеви разъяренная толпа избивала группу женщин, якобы за «работу на большевиков»⁴²⁵.

Прогермански настроенные иранцы выражали свое недовольство, прежде всего, присутствием в стране иностранных войск. Ночью 12 октября 1941 г. на улицах Мешхеда были разбросаны написанные от руки листовки, в которых сообщалось, что «русские грабят Иран и увозят из Ирана весь хлеб»⁴²⁶. На местном рынке торговцы иранской национальности заявляли покупателям, что с прибытием Красной Армии прекратились поступления новых товаров, и значительно ухудшилась торговля. По данным советской разведки, особой активностью в ведении антисоветской пропаганды отличился торговец шерстью Али Акпер, в доме которого каждую ночь собирались прогермански настроенные иранские предприниматели⁴²⁷.

В Шахи тайные собрания сторонников Германии организовывал управляющий ткацкой фабрики Хам Дулла Абаш Оглы. Сформированная им группа принялась активно распространять среди населения слухи, что Красная Армия пришла в Иран для того, чтобы пополнить свои потери в войне с Германией. Прогерманскую агитацию развернул Рахулаев – председатель одного местного шеркета, поставлявшего в довоенное время сухофрукты в Германию. Со второй половины 1930-х гг. он поддерживал связи с немцами, а после вступления войск союзников в Иран стал убеждать соотечественников, чтобы те быстрее продавали свое имущество, пока его не конфисковала Красная Армия.

В Баболе прогерманскую пропаганду вели владелец мыловаренного завода Читсаз и аптекарь Бахиди, а в Мазендеране – купцы Рамадани, Мустафи, Шарухи и Умадани. В Амоле чиновники и торговцы, собираясь по 100–150 человек, слушали радиопередачи из Германии и, как сообщалось в одном из донесений, «вели агитацию, чтобы население прятало запасы продовольствия, иначе все заберет Красная Армия, так как у русских почти ничего не осталось, все забрала Германия»⁴²⁸.

Активизировались мусаватисты и дашнаки. «Особенно своей деятельностью и активностью в пользу фашизма выделяются мусаватисты ..., которые распространяют слухи, что якобы германские самолеты на юге Ирана сбросили листовки с призывом «уходите из городов, скоро немцы будут бомбить», - отмечалось в информационной сводке штаба 53-й Отдельной среднеазиатской армии⁴²⁹.

Как и прежде, прогерманские настроения были сильны среди армейских кругов. Вспоминая унижения, пережитые во время августовских событий,

иранские офицеры обвиняли бывшего шаха в том, что он не разрешил им оказать сопротивления продвижению Красной Армии, безапелляционно заявляя, что они «разбили бы русских, и ни один солдат не остался бы на иранской земле»⁴³⁰. Некоторые офицеры договаривались до того, что рассказывали нелепую историю о том, что якобы под Тебризом, когда командир дивизии Джай Мамад Хал приказал оказать сопротивление, было убито 7000 красноармейцев, остальные были отброшены за пределы Ирана, и иранская армия вторглась на советскую территорию до 7 км, и только после приказа шаха иранская армия вернулась в Иран⁴³¹.

Напряженность сохранялась на советско-иранской границе. К началу 1942 г. здесь действовали около 70 банд численностью от 4 до 40 человек. Имели место случаи перехода этих формирований на территорию СССР с целью ограбления местного населения. Вновь созданные в отдельных населенных пунктах иранские полицейские посты не вели активной борьбы с бандитизмом. Более того, в приграничном городе Серахсе один из вождей белуджей Асадулла-хан с группой в 230 человек разоружил полицию, а оружие раздал своим джигитам⁴³².

Ярким отражением наступившего кризиса стали постоянные смены правительств. За годы войны в Иране их сменилось 15! И как точно подметил российский иранист Е.А. Орлов, «каждый кабинет в момент своего прихода к власти давал многочисленные обещания, но уходил, так и ничего не сделав»⁴³³. Разочарование вызвал уже первый премьер-министр «освобожденного» Ирана Али Форуги, который на столь важном посту оставался скорее профессором права, чем государственным деятелем. Для союзников он предстал лидером, не желавшим ликвидировать прогерманское подполье, для оппозиционеров – коллаборационистом, сотрудничавшим с «оккупантами», для широких народных масс – политиком, неспособным решить насущные социально-экономические проблемы. И в этой неразберихе постепенно росла роль молодого шаха, которого поначалу многие влиятельные иранцы не воспринимали всерьез.

В сложившейся ситуации с целью наведения порядка и предотвращения возможных провокаций иранское правительство было вынуждено пойти на ряд непопулярных мер: были введены военные трибуналы, смертная казнь, запрещено ношение оружия, проведение собраний, военным властям было дано право обыска на частных квартирах, разрешено арестовывать всех подозрительных лиц и т.п.⁴³⁴.

Не все иранцы могли осознать необходимость принятия подобных мер. Уже само присутствие в стране иностранных войск ущемляло их национальное достоинство. Приведенные ранее многочисленные факты говорят о том, что особенное недовольство сложившимся положением высказывали националистически настроенные представители иранской интеллигенции, военные и торгово-промышленные круги, для которых присутствие Красной Армии и британских войск служило причиной происходящих с их родиной потрясений.

«Союзники поневоле», какими в начале 1942 г. ощущали себя иранцы, не верили в победу антигитлеровской коалиции и поэтому порой с неохотой

выполняли союзнические обязательства. Из факта пребывания на территории своей страны иностранных войск иранские политики пытались извлечь максимальную выгоду: на протяжении всего 1942 г. они требовали от союзников поставок продовольствия. К тому же тайные сторонники Германии, сохранившие свои посты в иранском руководстве, в том числе и в дипломатическом корпусе и средствах массовой информации, используя все доступные им рычаги власти, пытались обострять отношения Ирана с Англией и СССР, обвиняя союзников в том, что советские и английские офицеры ведут себя неподобающим образом – пьянствуют, совершают аморальные поступки, вмешиваются во внутренние дела страны, скупают крупный рогатый скот и вывозят его из Ирана⁴³⁵. Таким образом, тяжелое экономическое положение основной массы населения, присутствие в стране советских и британских войск, крепкие позиции, которые немцы завоевали в Иране еще в довоенный период, стали предпосылками сотрудничества иранских националистов с германской разведкой.

Как ранее говорилось, германский МИД не видел в этот период перспектив для эффективной работы в Иране. Иную позицию заняли абвер и СД. В сложившейся ситуации они не могли надеяться на поддержку официального Тегерана и поэтому рассчитывали только на деятельность диверсионных групп, которые должны были возглавить германские разведчики, избежавшие интернирования. Предполагалось, что они установят связь с оппозиционно настроенными вождями племен и с видными иранскими деятелями - германофилами, не пожелавшими смириться с оккупацией своей страны и по-прежнему видевшими в Германии «третью силу», способную избавить Иран от влияния его могущественных соседей. И на первых порах перед резидентурой были поставлены задачи: восстановить шпионско-диверсионную сеть, планомерно вести антисоюзническую пропаганду - поднять волну народного недовольства присутствием в стране войск СССР и Великобритании.

Главной фигурой среди организаторов антисоюзнической работы в Иране стал Ф. Майер, возобновивший в декабре 1941 г. свою деятельность в условиях подполья. Он установил связь с командующим исфаханской дивизии генералом Захеда, который не только дал ему деньги и снабдил продовольствием, но и помог наладить контакты с вождями кашкайских, бахтиарских и курдских племен⁴³⁶. С помощью Захеда Майер сделал первые шаги по объединению всех иранских антисоюзнических групп в единую организацию. Именно Захеда стал впоследствии главным связующим звеном между Ф. Майером и оппозиционно настроенными иранскими военачальниками. «Нет более храброго, надежного и преданного посыльного, чем Захеда и, я должен добавить, более эгоистичного», - писал о своем ближайшем помощнике Ф. Майер⁴³⁷. Пожалуй, эта была самая точная характеристика генерала, готового ради удовлетворения собственных амбиций беспрекословно служить гитлеровской разведке. После свержения правящей династии Захеда видел себя будущим правителем Ирана.

Роль связной у Ф. Майера выполняла Лили Санджари, которой поручались самые деликатные поручения. Доверием Ф. Майера пользовался один из

армянских националистов М. Каспарян, проявивший себя умелым пропагандистом и способным организатором прогерманского подполья. Он свободно передвигался по стране и по заданию своего шефа собирал сведения о расположении войск союзников и другую интересовавшую его информацию⁴³⁸. Среди помощников Ф. Майера также значились известный в Тегеране стоматолог Кодси, бывший преподаватель персидского языка в германской дипломатической миссии Кейхани и директор публичной библиотеки «Ибн-Сина» Рамазани⁴³⁹.

Почувствовав поддержку со стороны своих новых «друзей», Ф. Майер с удвоенной энергией приступил к осуществлению задуманного им плана по восстановлению в Иране шпионско-диверсионной сети. В последние дни декабря 1941 г. он совершил рискованную поездку в Казвин и Хамадан. На грузовиках, а порою пешком, он перебирался из одного населенного пункта в другой. В ходе этого «путешествия» его едва не схватила иранская полиция, так как перестаравшегося в маскировке немецкого агента из-за ветхого состояния одежды дважды принимали за вора⁴⁴⁰. В результате таких усилий появилась организация «Меллиуне Иран» («Националисты Ирана»), которую Ф. Майер планировал использовать в качестве руководящего ядра мощного националистического движения, способного во взаимодействии с германскими офицерами взять власть в стране в свои руки и превратить Иран в союзника Третьего рейха.

Работая над созданием организации, Ф. Майер прекрасно понимал необходимость обращения к религиозным чувствам иранцев, без чего нельзя было добиться успеха в мусульманской стране. В своем дневнике он подробно описал значение исламского фактора: «Мне кажется необходимым придать всем контрдвижениям определенный религиозный тон... и привлечь из этих кругов на свою сторону выдающиеся умы. Затем создать исламский иранский комитет, который должен искать связи с подобными движениями в Ираке, Палестине и затем вновь в Афганистане, Египте, Сирии, Индии и Южной России. Тщательная организация такого движения, которая сохраняет за собой определенные религиозные права командовать, значительно облегчила бы ведение священной войны»⁴⁴¹. Подобный размах говорил о том, что в перспективе Ф. Майер собирался действовать не только в Иране, щупальца своей организации он пытался протянуть далеко за пределы Среднего Востока. И на первом этапе ему удалось вовлечь в ряды организации известного религиозного политического деятеля шейха Сеида Абдула Касема Кашани, которому предложил войти в состав ее руководящего комитета.

Гимном движения стала песня «Борьба за свободу Ирана», а эмблемой - «Вольфсангель» («Волчий капкан»), знак, напоминающий свастику. Форменная одежда вооруженных отрядов движения выглядела так: сапоги, черные бриджи, голубая рубашка⁴⁴².

В начале 1942 г. на политической арене Ирана также появилась «Голубая партия» («Хизби Кабут») - другая подпольная антисоюзническая организация, целью которой являлось объединение профашистских элементов и подготовка вооруженного выступления против частей Красной Армии и английских войск

к моменту приближения немецкой армии к иранской границе. Главным руководителем и организатором «Голубой партии» стал депутат меджлиса Хабибулла Новбахт, хорошо известный своими прогерманскими взглядами задолго до начала Второй мировой войны.

Первыми действиями Х. Новбахта после введения в Иран войск союзников стала организация бурных выступлений в стенах меджлиса против сторонников союза с Великобританией и СССР. В результате его деятельности возникла непримиримая оппозиция не только союзному договору, но и всему процессу вовлечения Ирана в антигитлеровскую коалицию⁴⁴³. Уникальность сложившейся в то время в Иране ситуации заключалась в том, что депутаты меджлиса, требовавшие установления в стране демократической системы, в большинстве своем были настроены против Англии и СССР⁴⁴⁴. Поэтому члены «Голубой партии» и сочувствовавшие ей иранцы делали все, чтобы сорвать подписание союзного договора. На улицах Ирана периодически появлялись написанные на персидском языке фашистские листовки в виде воззвания к иранскому народу с призывами сорвать его подписание. Перед зданием меджлиса регулярно собиралась группа иранцев, встречавших прибывавших на заседания депутатов выкриками «долой договор», «смерть англичанам». Эти же иранцы выкрикивали откровенно антисоветские и фашистские лозунги⁴⁴⁵.

В ходе обсуждения договора по Ирану распространялись слухи, что союзники потребовали от иранского правительства участия иранских войск в войне против Германии и что иранское правительство сопротивляется этому требованию. Неизвестные лица неоднократно звонили министру иностранных дел Сохейли с угрозой, что если договор будет подписан, то он будет убит⁴⁴⁶. Антисоюзнические настроения подогревались и тем, что берлинское радио сообщило о том, что в скором времени Англией и СССР будет осуществлен раздел Ирана.

Д. Комиссаров вспоминал, что во время обсуждения в меджлисе англо-советско-иранского договора один из присутствовавших, (по-видимому, член «Голубой партии», - А.О.) напал на Али Форуги, нанеся ему несколько ударов камнем по голове⁴⁴⁷. Даже само название «Голубая партия» эта организация получила потому, что Х. Новбахт и некоторые другие депутаты, резко выступив против союзного договора, опускали в урну бюллетени голубого цвета, означавшие голосование против его ратификации⁴⁴⁸.

Али Форуги пытался кое-то делать в отношении получения одобрения англо-советско-иранского договора, как со стороны членов правительства, так и депутатов парламента. Обращаться за поддержкой к более широким кругам Али Форуги не решался, так как хорошо знал, что его правительство не пользовалось поддержкой среди населения.

«Необходимо откровенно сказать, что само подписание договора с союзниками и, особенно с Англией не имеет поддержки в массе населения. Население опасается, что этим договором может повториться прецедент, имевший место в 1919 г., когда был подписан договор, согласно которому англичане требовали участия английских военных инструкторов и насаждения английских

экспертов в иранских государственных учреждениях», - пытался объяснить советскому послу А. Смирнову задержку с подписанием договора видный иранский политик Кавам ос-Салтане⁴⁴⁹.

Чтобы не нагнетать страсти союзники были против публикации материалов о ходе переговорного процесса. Существовал своеобразный заговор молчания в иранской прессе: все, что касалось договора, тщательно скрывалось, ничего не сообщалось о его содержании. Военный комендант Тегерана Эмир Ахмеди даже пригрозил закрытием газете «Таджедод», опубликовавшей подробное сообщение о предстоящем заключении договора.

И все же 21 декабря 1941 г. текст договора был опубликован в иранской печати. Этот факт не вызвал энтузиазма у советского посла. «После того, когда договор был зачитан в меджлисе, не было никакой необходимости держать его в секрете. Мы держали его в тайне до тех пор, пока он не был готов, а после того как его парафировали и зачитали в меджлисе, скрывать его не было смысла», - пытался оправдаться перед послом иранский премьер-министр⁴⁵⁰. Выслушав затем просьбу А. Смирнова ускорить подписание договора, Али Форуги сославшись на принятую процедуру, сообщил, что договор находится на рассмотрении в комиссии, далее он будет представлен на двух заседаниях меджлиса и только после этого может быть подписан. В общей сложности это займет две недели⁴⁵¹.

Однако иранские депутаты не собирались ускорять процесс заключения договора. Со своей стороны они внесли в него ряд поправок и дополнений. Али Форуги, заверив в лояльности союзников, и одновременно пообещав депутатам, что их поправки обязательно будут приняты Англией и СССР, оказался между двух огней. Со всей остротой встал вопрос об его отставке, так как союзники не собирались отступать от первоначального текста договора.

13 января 1942 г. состоялось чрезвычайное заседание иранского кабинета, на котором обсуждалось решение союзников об отказе принять поправки к союзному договору, сделанные меджлисом. Решение союзников произвело тяжелое впечатление на кабинет и, особенно на премьер-министра Али Форуги. По некоторым сведениям он порывался уйти в отставку. Собирался уйти в отставку и министр иностранных дел Сохейли. Однако в результате дискуссии было решено через иранского посланника в Лондоне еще раз обратиться к А. Идену, так как, по мнению иранской стороны только англичане упорствуют в принятии иранских поправок⁴⁵².

Естественно, что все эти старания были напрасны, и текст договора остался без изменений. Поправки, которые предлагали иранцы по существу не вносили ничего нового. Предлагая их, иранские лидеры надеялись сохранить свое лицо, пытаясь хотя бы в деталях продемонстрировать свою независимость. Договор представлял непосредственные выгоды для Ирана. Ему гарантировалась независимость и территориальная целостность, предлагалось заключить ряд дополнительных соглашений по экономическим и прочим вопросам. Договор практически ни в чем не ущемлял национальные интересы Ирана и не требовал от него никаких обременительных обязательств.

И все же сопротивлению договору было велико. Об этом красноречиво говорит факт публикации в иранской прессы телеграммы, подписанной 250 купцами из Исфахана, направленной против договора.

Затянувшаяся на четыре месяца дискуссия наглядно продемонстрировала, что наряду с убежденными германофилами, сплотившимися вокруг Х. Новбахта, в иранской парламенте было много депутатов, опасавшихся репрессий со стороны немцев в случае победы Германии в войне.

Нельзя не отметить и того факта, что опыт политических договоров, заключавшихся иранцами ранее, вынуждал быть их максимально осторожными на переговорах с великими державами. Именно в этом был убежден Али Форуги, когда пытался объяснить советскому послу причины задержки с заключением договора. К тому же с падением режима Реза-шаха Пехлеви Иран встал на путь ограниченной демократизации, что вынуждало правителей страны учитывать общественное мнение. «Из 60 договоров, заключенных Ираном в новейшее время, почти все обратились во вред Ирану. И общественное мнение на основании горького опыта прежних лет считает, что такое положение будет продолжаться и сейчас. А депутаты, желающие щеголять своим патриотизмом, подделываются под такое общественное мнение. У нас даже многие считают, что патриотизм и оппозиционность договору – синонимы... При старом шахе подобные дела решались быстрее: шах приказывал, парламент штамповал. А сейчас приходится больше считаться с общественностью. Я дал возможность депутатам высказываться о договоре... Прения в парламенте, если учитывать все указанное выше, продолжались совсем недолго... Все дело в общественности, с которой сейчас необходимо считаться», - убеждал Али Форуги А. Смирнова⁴⁵³.

Как известно, несмотря на все происки Х. Новбахта и его К^о, договор был подписан. Но и поражение при голосовании не остановило оппозиционеров. Пользуясь депутатскими полномочиями Х. Новбахт вплоть до осени 1943 г. продолжал использовать парламентскую трибуну для активных выступлений против союзников.

Кроме «Меллиуне Иран» и «Голубой партии» в Иране существовало еще несколько крупных националистических организаций: «Миханпарастан» («Патриоты»), «Иран Бидар» («Национальная партия»), «Сиян Пушан» («Чернорубашечники»)⁴⁵⁴. По мнению Ю.Л. Кузнецова всего в то время в Иране действовало свыше 20 прогерманских националистических организаций⁴⁵⁵.

Все эти организации по своей социальной базе, структуре и политической направленности не отличались друг от друга. Состояли они в основном из офицеров и националистически настроенных интеллигентов. Общим в них было неприятие нового правительства и проводимого им курса. Конечно, нельзя назвать всех членов этих организаций гитлеровскими агентами. Совершенно прав был Ю.Л. Кузнецов, когда указывал, что это были убежденные иранские националисты, фанатичные сторонники «третьей силы», которую в их представлении олицетворяла Германия⁴⁵⁶. Ее руками и своими собственными они хотели избавить Иран от иностранной зависимости, полагая, что победа

стран «оси» принесет им долгожданную свободу, в первую очередь, от английского влияния. Среди них было немало и просто амбициозных людей, мечтавших оставить след в истории.

Выполняя указания своего шефа, люди Ф. Майера развернули активную профашистскую пропаганду. Играя на трудностях войны, они стремились еще более нагнетать атмосферу в Иране, создавая там обстановку хаоса и недоверия. Группа М. Каспаряна разбрасывала на улицах листовки с лозунгами «Да здравствует Германия!», «Долой англичан!», «Долой русских!»⁴⁵⁷. Был пущен слух, что из мечети Имам Реза в Мешхеде красноармейцы вывезли все ценности. Один из служителей мечети ограничил доступ в нее, заявляя при этом, что это распоряжение советского командования. Германскими агентами распространялись сведения, что советские войска напали на Афганистан, и афганская армия сражается. Звучали призывы перерезать линии связи, нападать на военные автомашины, следовавшие из Ирана в СССР и обратно. При этом говорилось, что кровь советских солдат как вода, и за пролитие ее греха нет⁴⁵⁸.

Германская пропаганда умело использовала в своих интересах продолжавшуюся в 1942 г. практику конфискации иранских товаров советскими военными властями. Нацистская агентура внушала иранцам, что Красная Армия грабит Иран, вывозит из страны продовольствие, природные запасы и различное оборудование. «Среди населения Ирана распространяются слухи о том, что одной из причин дефицита и скверного качества хлеба в Тегеране и недостатка хлеба в ряде других городов Ирана, а также одной из причин дороговизны мяса, масла и прочего является то, что наша пшеница и другие предметы продовольствия скупаются и вывозятся из страны», - писала одна из иранских газет⁴⁵⁹.

Под воздействием нацистской пропаганды некоторые чиновники государственных учреждений Ирана начали саботировать мероприятия Красной Армии. Управляющий транспортной компании «Машан Гурджи Шарабани» Ханамир увольнял с работы тех водителей, которые исправно работали на принадлежавших СССР автомашинах. Требуя от своих подчиненных, чтобы они оставляли советские машины на дорогах или доставляли их к месту назначения в разбитом виде, он тем самым пытался сорвать поставки вооружений из США и Англии в СССР⁴⁶⁰.

Организовывалась слежка за передвижением комсостава и частей советских войск в Иране. Бывало и такое, когда иранец уводил жену у другого иранца и заявлял при этом, что власть сейчас советская, поэтому жены общие. Инспирировались жалобы мулл, торговцев и прочих в английское посольство по поводу якобы незаконных действий советских войск. В то же время усиленно распространялись слухи о том, что с приходом советских войск в Иране будет невозможно жить племенным вождям, крупным помещикам, одновременно высказывалась мысль о необходимости обратиться за помощью к Турции и Германии. Профашистская пропаганда велась среди красноармейцев тюркских национальностей. Предполагалось привлечь их к сотрудничеству с германской разведкой и выяснять через них характер грузов, перевозимых из Ирана в

СССР и обратно, получать сведения о размещении узлов связи, политическом и экономическом состоянии районов, откуда были призваны военнослужащие⁴⁶¹.

Взяв на вооружение тактику мелких терактов, иранские националисты совершали враждебные действия против союзных войск. В ночь на 25 января 1942 г. в Горгане неизвестными лицами был обстрелян красноармейский наряд, несший охрану гаража воинской части. 23 февраля иранцы стали бросать камни в окна гостиницы в Горгане, в которой проходило торжественное собрание командиров Красной Армии. 27 февраля подверглась обстрелу советская военная автомашина, следовавшая из того же Горгана в Сари. Пули, извлеченные впоследствии из машины, оказались принадлежащими пистолету немецкой системы «Вальтер»⁴⁶².

Советские дипломаты неоднократно делали представления в МИД Ирана с требованием пресечь деятельность тайных сторонников Третьего рейха. В одной из нот, например, указывалось: «Пропаганду против союзников в г. Мешхеде ведут: 1) преподаватель школы Шах-Реза Тафазулла, 2) преподаватель ремесленной школы Батани, 3) журналист Азар-Ахша, 4) служащий муниципалитета Акбер-Ага, 5) работник клуба Фирдоуси – Гусейн-Ага Фельтман, 6) торговец Зибай, 7) врач Ифтихари [...] посольство вынуждено настаивать перед МИД о принятии самых суровых и решительных мер по отношению к этим лицам»⁴⁶³. В другом послании иранским властям указывалось, что в Тебризе начальник местной полиции полковник Сейф поощрял своими действиями (преследовал иранцев за лояльное отношение к советским военным властям – А.О.) «враждебную, как советской, так и иранской стороне, немецко-фашистскую пропаганду»⁴⁶⁴.

Следует также иметь в виду, что проведенная новым шахом чистка государственного аппарата мало что дала. По-прежнему в иранских правящих кругах преобладали те, кто еще до войны выделялся своими прогерманскими взглядами. В условиях присутствия в стране иностранных войск они, конечно, предпочли тщательно скрывать свои взгляды, но в душе продолжали верить в «непобедимую» Германию. Так, начальник гиланской полиции Мухтари делал все, чтобы в местной прессе не появлялись материалы просоветского содержания. Однажды он вызвал к себе редактора местной газеты «Сефид Руд» и отчитал его за попытку опубликовать статью о доставке в Иран пшеницы из СССР⁴⁶⁵.

Тот же Х. Новбахт, как и прославившийся прогерманскими взглядами редактор «Эттелаат» Масуди, сохранили за собой депутатские мандаты, несмотря на то, что новый премьер-министр Али Форуги вскоре после вступления Красной Армии в Тегеран твердо обещал советскому послу А. Смирнову не допустить избрания в меджлис лиц, неугодных союзникам⁴⁶⁶.

Многочисленные объективные трудности, с которыми столкнулся Иран в годы Второй мировой войны, успешное наступление вермахта на советско-германском фронте летом 1942 г. создавали благоприятную почву для деятельности в стране германской разведки. Но для того, чтобы повысить эффективность работы своей агентуры, главарю фашистского подполья Ф. Майеру бы-

ло необходимо решить задачу установления двусторонней связи с Берлином. С помощью генерала Ахмеда Намдара ему удалось наладить курьерскую связь через Анкару. Казалось бы, помощь в решении всех проблем немцы должны были получить со стороны своих ближайших союзников – японцев. Действительно, до своей высылки из страны (30 января 1942 г.) японский посланник Хикаторо Ичикава не только помогал передавать информацию в Берлин, но и производил для немецких шпионов обмен долларов на иранскую валюту. Вызывает интерес уже тот факт, что сам посланник избегал личных контактов с Ф. Майером. Все вопросы решались через посредника – сотрудника миссии К. Кавасаки⁴⁶⁷. По мнению японской стороны, такая конспирация была вполне оправдана, так как здание дипломатического представительства находилось под пристальным наблюдением полиции. Однако представляется, что подобные заявления были всего лишь отговоркой, проявлением нежелания сотрудничать с немцами.

Каковы были в реальности отношения между представителями фашистских держав, прекрасно иллюстрируют архивные документы. Несмотря на то, что находившееся в японской дипломатической миссии радиоприемники были собственностью германского правительства, японцы передали Ф. Майеру сначала только два аппарата, остальные три они планировали использовать для собственных нужд. Только напористость Ф. Майера вынудила японцев передать всю имеющуюся у них аппаратуру, в результате чего в его распоряжении появились собственные радиостанции. Но из-за отсутствия подходящего оператора и нехватки запчастей использовать эту аппаратуру он не мог⁴⁶⁸. Поэтому связь с Берлином иногда прерывалась на месяцы.

Все эти факты говорили о том, что отношения между Ф. Майером и дипломатами «страны восходящего солнца» были далеки от дружественных. На страницах своего дневника Ф. Майер неоднократно выражал неудовольствие отношением к нему со стороны японцев. «Несмотря на многие обещания, а я не сомневаюсь, что они были искренними, и для этого у меня есть доказательства - мой подробный доклад еще не отправлен», - писал он пока еще в спокойном тоне 17 февраля 1942 г.⁴⁶⁹. Этот тон решительно поменялся через полтора месяца, когда Ф. Майер более определенно высказывает свое возмущение действиями японской стороны: «1)... эти люди (японские дипломаты. - А.О.)... склонны рассматривать любую деятельность, подобную моей, бесполезной и излишней; 2) потому что, после трех месяцев успешных наступлений японцев, они решили, что могут завоевать мир. Политические выскочки? Я хотел заметить, что им не понравилась идея присутствия немецких войск в Персидском заливе»⁴⁷⁰. «3.4. ... я вышел вечером на встречу с Кеичи Кавасаки, но этот негодяй не пришел... Кеичи Кавасаки обманул меня не только 3.4., но также и 6.4. Я не собираюсь забывать такой гнусности», - писал он с негодованием 10 апреля 1942 г.⁴⁷¹. Получив во время одной из тайных встреч от японских дипломатов оружие и карты Ирана, Ф. Майер так и не дождался от К. Кавасаки ранее обещанных денег.

Подобное отношение к нему со стороны союзников вынуждало Ф. Майера быть с ними предельно осторожным. Несмотря на многочисленные просьбы генерала Х. Нейванди связать его с представителями японской дипломатической миссии, Ф. Майер, предложив свои посреднические услуги, в конечном счете убедил своего иранского «друга» не выходить напрямую на связь с японцами⁴⁷². Таким образом, германские разведчики видели в посланцах «страны восходящего солнца» не союзников, а скорее конкурентов. Установив связь с одним из руководителей «Меллиуне Иран» генералом С. Нагибзаде, они обещали последнему не только помощь оружием, но и предлагали стать будущим правителем страны⁴⁷³. В результате подобных интриг эффективного сотрудничества между разведками стран «оси» в Иране так и не получилось.

Строя свои планы создания мощной антисоюзнической организации, Ф. Майер понимал, что судьба войны решается не в Иране. Да и общественное мнение в странах Среднего Востока зависело в основном от того, как развивались события, в первую очередь, на советско–германском фронте⁴⁷⁴. И, как известно, летом 1942 г. гитлеровские войска перешли здесь в наступление. Нанеся ряд серьезных поражений Красной Армии, вермахт вновь овладел Ростовом. По планам германского руководства после захвата Кавказа немецкие войска должны были развернуть наступление в направлении Ирана и Афганистана, а затем Индии.

На первом этапе Второй мировой войны немцы с успехом использовали тактику стремительных прорывов танковых армий в тыл противника. Но Иран, и особенно Афганистан, являлись странами, где передвижение танков было возможно в основном по простым грунтовым и немногочисленным шоссированным дорогам, проходившим через труднопроходимые перевалы горных хребтов, безводные пустыни и суровые нагорья, а участок индо-афганской границы представлял наибольшие трудности, так как граница на большом протяжении проходила в безжизненной пустыне. В условиях Ирана и Афганистана танки превращались в малоподвижную, совсем не маневренную часть, напрасно расходовавшую свои моторесурсы, запасные части и горючее. Чтобы в странах Среднего Востока добиться успеха, нужны были специально подготовленные войска. Поэтому германское командование в помощь 1-й и 4-й танковым армиям направило корпус «Ф», созданный еще в июне 1941 г.

К августу 1942 г. в корпусе «Ф» было до 6 тыс. солдат и офицеров, 64 танка и 120 орудий и минометов. После переброски на Кавказ в его состав были включены три моторизованных батальона, один танковый батальон, один артиллерийский батальон, авиаотряд и ряд других частей. Кроме того, он получил на усиление кавалерийский полк и один батальон 201-го танкового полка⁴⁷⁵. Личный состав корпуса «Ф», кроме военной и политической подготовки, занимался изучением географии и истории стран Ближнего и Среднего Востока. Солдаты и офицеры были обучены турецкому, персидскому, арабскому и другим восточным языкам. Верховное командование вермахта поставило перед командиром корпуса генералом Г. Фельми задачу двигаться вслед за группой армий «А» в направлении Среднего Востока двумя путями - через Баку и по

Военно-Грузинской дороге в зависимости от того, где быстрее обозначится успех⁴⁷⁶.

После прибытия корпуса «Ф» в зону боевых действий на одном из хребтов Северного Кавказа немцами была сооружена мощная радиорелейная станция. Она должна была обеспечить устойчивую прямую связь со штабом корпуса во время наступления гитлеровцев на Средний Восток. С помощью радиостанции предполагалось также установить прямую связь германских агентов в Иране с радиоцентрами абвера в Гамбурге и Берлине⁴⁷⁷.

Корпус «Ф» был не единственной специальной группировкой, созданной немцами для ведения боевых действий в странах Среднего Востока. Весной 1942 г. было начато, а летом 1942 г. закончено формирование 162-й тюркской пехотной дивизии особого назначения, одну половину которой составляли немцы, а другую - представители тюркоязычных народов, по разным причинам оказавшиеся на службе у Третьего рейха. Помимо своего желания, командиром ее был назначен О. Нидермайер, ставший к этому времени генералом⁴⁷⁸. К дивизии также был прикреплен целый ряд других специалистов по Среднему Востоку.

Создавая это воинское формирование, в Берлине рассчитывали, что после прорыва вермахта на Кавказ оно сначала войдет в Иран, а затем примется за «освобождение» Афганистана. Однако этой дивизии было не суждено участвовать в «освободительном» походе: боевой дух ее бойцов и их командира был столь низок, что командование перевело дивизию подальше от фронта – в Силезию⁴⁷⁹.

Кроме 162-й тюркской дивизии, в специальных лагерях абвера и СС на территории Польши были созданы специальные «мусульманские легионы», предназначавшиеся для активного использования, как в советской Средней Азии, так и в странах Среднего Востока во время установления так называемого «нового порядка». В этих лагерях обучались легионеры, готовые выполнить возложенную на них миссию. Иранцы входили в состав Туркестанского легиона, курды - в состав Северокавказского. Одним из организаторов привлечения восточных народов на сторону Германии был руководитель организационного отдела ОКХ майор Клаус фон Штауффенберг, тот самый офицер, который в июле 1944 г. осуществил неудачную попытку покушения на Гитлера⁴⁸⁰!

Помимо этих формирований, по инициативе Гимmlера были организованы специальные школы мулл, представлявшие собой двух-трех недельные курсы для «переквалификации» мусульманских священников в духе нацистской идеологии⁴⁸¹. Германские спецслужбы полагали, что нетрудно будет настроить верующих мусульман против безбожников-большевиков, забросив в советский тыл и на территорию среднеазиатских государств несколько десятков подготовленных мулл. Расчет этот был верным, так как советские политработники, обрабатывавшие общественное мнение в Иране, недостаточное внимание уделяли работе с представителями духовенства⁴⁸². В ноябре 1941 г. в иранских газетах было помещено «Обращение духовенства Советского Азербайджана ко всем братьям мусульманам»⁴⁸³. Несмотря на то, что это обращение было встре-

чено местным населением с большим интересом, советские пропагандисты больше не обращались к этой теме, чем не замедлили воспользоваться нацисты: в каждую роту Туркестанского легиона они назначили мулл, в задачу которых входило ведение религиозной пропаганды, чтение Корана и других религиозных книг. Перед отправкой на фронт легионеры принимали присягу, в которой говорилось, что Аллах благославил их и призвал во всем подчиняться немцам⁴⁸⁴.

К этому времени сменилось руководство ТНК. После смерти в марте 1942 г. М. Чокаева на пост председателя возвели Вали Каюмова, который сразу же начал именовать себя Вали Каюм-ханом. Вице-председателем ТНК стал Баймирза Хаитов - красноармеец, попавший в плен и согласившийся сотрудничать с нацистами. По заданию своих немецких хозяев они активно подбирали кандидатов в шпионскую школу в Дрездене, именовавшуюся «Рабочее объединение Туркестан», которую возглавлял кадровый шпион, специалист по странам Востока, гауптштурмфюрер СС доктор Ольцша⁴⁸⁵.

В мае 1942 г. проживавшие в Иране члены ТНК провели в местечке Гумиш-Теп несколько совещаний, на которых речь шла о том, что скоро немецкая армия парализует сопротивление советских войск, и тогда против СССР выступит Турция, с помощью которой эмигрантские отряды могут победоносно вступить в Туркмению. На этих собраниях говорилось о необходимости готовиться к активным действиям, посылать людей для выяснения настроений населения в Туркмении, проведения диверсий на ее территории. На очередном широком совещании в Гумиш-Тепе в июле 1942 г., на котором присутствовало более 40 человек, подчеркивалось, что немецкие войска, рвущиеся к Кавказу, приближаются к иранским границам, а следовательно, настало время совершать налеты на территорию СССР как с ограниченными целями для захвата колхозных отар, так и с главной целью - разрушения железной дороги Ашхабад – Красноводск.

На совещаниях отдельные участники высказывали сомнения в успехе выступления, так как, по их мнению, силы ТНК немногочисленны. В ответ сторонниками активных действий приводился довод о том, что у Германии и без эмигрантов хватит сил победить СССР, но для того, чтобы получить из рук немцев власть в Средней Азии, надо активно выступить на их стороне, помочь им изгнать советские и английские войска из Ирана. Бояться советской власти, мол, нечего, так как ее скоро не будет, а граница охраняется слабо⁴⁸⁶.

ТНК первоочередную свою задачу видел в организации ударов по тыловым советским коммуникациям в Туркменской ССР. Это было связано с тем, что значительная часть военных грузов для снабжения Красной Армии на Кавказе поступала через территорию Туркмении. Поэтому особое значение приобрела именно железная дорога Ашхабад – Красноводск. Был выработан план удара с помощью воздушного десанта, поддержанного бандами из Ирана, по району Небит-Дага с целью вывода из строя этой железной дороги на срок хотя бы трое-четверо суток. Для десанта предполагалось использовать подразделения Туркестанского легиона численностью до 3000 человек. После разруше-

ния путей одна часть легионеров должна была уйти в Иран, а другая - перейти к басмаческим действиям⁴⁸⁷.

Успехи вермахта на фронтах Второй мировой войны и возросшая активность германской агентуры в Иране вызвали серьезную обеспокоенность союзников и, в первую очередь, англичан. Правда, ход борьбы на советско-германском фронте заботил их лишь в том смысле, смогут ли немцы прорваться через Кавказ на Средний Восток. В Лондоне ожидали прорыва вермахта в Северный Иран к 15 октября 1942 г. Специальный комитет по контролю топливных ресурсов пришел к печальному выводу, что потеря Абадана вызвала бы резкое сокращение всех возможностей Англии продолжать войну⁴⁸⁸. Еще в феврале 1942 г. газета «Таймс» писала: «Никто не сомневается в том, что немцы собирают свои силы и силы своих сателлитов для наступления на Кавказ, которое начнется как только погода станет благоприятной для ведения боевых действий. Тот факт, что в случае успеха немцы двинутся через Персию и Ирак в район Персидского залива, рассматривается практически осуществимым. Если этот дерзкий план осуществится, немцы займут угрожающие позиции в отношении Индии совместно с японцами»⁴⁸⁹.

Нацистские инстанции, планировавшие «новый порядок» для стран Среднего Востока, уделяли первостепенное внимание ключевым областям экономики Ирана. 5 февраля 1942 г. Фриц Гробба, уполномоченный при специальном штабе генерала Г. Фельми в записке на имя И. Риббентропа предлагал следующее: «Необходимо подготовить захват нефтяных источников и оборудования в различных районах Аравии и Ирана. Группа специалистов во главе с геологом доктором К. Шмидтом уже подобрана мною по договоренности с "Континенталь оль" и обеспечена необходимым оборудованием, в частности буровым»⁴⁹⁰.

К весне 1942 г. в Берлине были подготовлены группы экспертов по банковско-кредитному и таможенно-тарифному делу. Этим «особоуполномоченным» рейхсбанка предстояло быть готовыми для переброски на Средний Восток, где они должны были ввести новое денежное обращение, основанное на германской марке и золотом германском кредите, установить тарифы, наиболее благоприятные для немецких торговцев и в дальнейшем определять направление и характер экономического развития Ирана⁴⁹¹.

Агенты абвера и СД среди кашкайцев и курдов

В связи с успешным продвижением вермахта на советско-германском фронте, усилилась профашистская деятельность в самом Иране. Ее активизации способствовало то обстоятельство, что через своих людей в Тегеране Ф. Майеру удалось установить связь с абверовцем Б. Шульце-Хольтусом⁴⁹². После августовских событий это был первый контакт в Иране представителей двух фашистских служб: абвера и СД. Конкуренция, иногда переходившая в неприязнь между этими организациями, получила свое продолжение в Иране, причем в период, когда о ней, казалось бы, не могло быть и речи. Об их отношениях красноречиво говорит характеристика, данная Ф. Майером своему подельнику после первой их встречи, состоявшейся 30 апреля 1942 г.⁴⁹³: «Да, эти люди! Их достоинство не больше достоинства школьного учителя, переводчика или труса, но они думают, что могут, будучи умными и имея связи, получить ту награду, которую заслуживают другие. Со мной это не выйдет, господин Саба (Саба – псевдоним Б. Шульце-Хольтуса - А.О.). Без меня Вы не можете прожить и дня, не можете получить никаких известий, установить быстро связь»⁴⁹⁴. Через некоторое время Ф. Майер вновь упомянул на страницах своего дневника имя Б. Шульце-Хольтуса и опять в уничижительном свете: «Этот человек все делает в противовес мне, зная, что не имеет никаких абсолютно связей, всегда с туманными надеждами на специальную миссию [...] Утром я дам хорошую отповедь его учительским мозгам»⁴⁹⁵.

Архивные документы дают четкое представление не только о профессиональных качествах Ф. Майера как разведчика и раскрывают его как личность, но и характеризуют специфику взаимоотношений между немцами, орудовавшими в Иране. Ф. Майер надеялся в случае победы Германии единолично взять себе лавры организатора мощного антиправительственного и антисоюзнического движения. Считая себя ведущим в связке СД - абвер, он в ультимативной форме предложил «коллеге» следующую схему взаимоотношений: 1) все немцы, проживающие в Иране, находятся под его контролем, и только он может контролировать связи с иранцами, даже если они появятся со стороны Саба; 2) Саба должен консультироваться с ним по всем военным вопросам до тех пор, пока из Берлина не придет определенное решение; 3) у абвера и СД будут общие курьеры; 4) он обязуется сообщать Сабе все военные новости, но сообщения в Анкару будет отправлять сам; 5) Сабе отводится одна из руководящих ролей в «Меллиуне Иран»⁴⁹⁶.

Подобная постановка вопроса ущемляла интересы Б. Шульце-Хольтуса. Но до некоторой поры он был вынужден мириться с таким положением дел, так как зависел от Ф. Майера материально. Ведь тот помог ему с жильем, периодически снабжал деньгами⁴⁹⁷.

Первый серьезный успех пришел к Б. Шульце-Хольтусу в июне 1942 г., когда он стал военным советником Насыр-хана - вождя большого кашкайского племени, самого богатого и авторитетного хана на юге Ирана. Только после этого Ф. Майер пошел на уступки - на одной из встреч была достигнута дого-

воренность о разделе сфер влияния в Иране: север страны Ф. Майер взял на себя, а юг за исключением районов нефтедобычи и мест проживания бахтиарских племен отводился Б. Шульце-Хольтусу.

Покровитель Б. Шульце-Хольтуса Насыр-хан был человеком отчаянным, амбициозным, прекрасно знавшим тонкости восточной политики. Только его личная армия насчитывала 20 000 хорошо подготовленных всадников⁴⁹⁸. Кроме того, 224 туннеля и свыше 4000 мостов на Трансиранской железной дороге были расположены главным образом в районах, населенных племенами, подвластными Насыр-хану и враждебно настроенными к центральному правительству⁴⁹⁹.

К этому стоит добавить, что установление контактов с племенами было одним из приоритетов германской разведки: в абвере рассчитывали использовать в своих интересах разного рода шейхов и вождей, активно манипулируя их сепаратистскими настроениями.

Таким образом, мотивы гитлеровцев были предельно ясны. Что касается Насыр-хана, то его толкнула к сотрудничеству с германской разведкой прежде всего ненависть к англичанам. Насыр-хан ненавидел их за то, что они при помощи Реза-шаха арестовали и посадили в тюрьму его отца – Исмаил-хана Кашкаи, где тот был убит. Реза-шах к тому же отобрал у кашкайцев лучшие земли, сделав эти племена ярыми врагами династии Пехлеви. Кроме соблюдения обычной кровной мести, у Насыр-хана был еще один немаловажный мотив, превращавший его в потенциального союзника Третьего рейха: ведя борьбу с Реза-шахом, он вынашивал амбициозные планы стать самому правителем Ирана – дать начало новой кашкайской династии⁵⁰⁰.

Англичане, конечно, пытались «умиротворить» Насыр-хана, надеялись заручиться его нейтралитетом. До некоторой поры все их попытки договориться с ним заканчивались провалом. В течение весны 1942 г. британский консул в Бушире трижды посещал Насыр-хана с предложениями принять сторону англичан и прекратить антисоюзнические действия. В июне 1942 г. англичане предложили Насыр-хану взятку в 5 млн. туманов, от которой тот решительно отказался⁵⁰¹.

Совсем другим было отношение Насыр-хана к Советскому Союзу, о котором он отзывался даже с некоторым уважением, признавая силу и мощь Красной Армии. Ю. Л. Кузнец справедливо указал на подобные настроения Насыр-хана, когда отметил, что «однажды распорядившись не нападать на автоколонны и поезда с грузами для СССР, он остался верен этому решению в течение всей войны, а по английским коммуникациям кашкайцы наносили весьма ощутимые удары»⁵⁰². Находившийся при нем Б. Шульце-Хольтус был вынужден мириться с таким положением дел. К тому же коэффициент полезных действий Насыр-хана, направленных против Англии был довольно высок, что вполне компенсировало его пассивность в отношении СССР.

Все эти факты говорили о том, что для сотрудничества с немцами у Насыр-хана, действительно, были серьезные основания. Его не интересовала социальная сущность гитлеровского режима, да и с далеко идущими планами

германского фашизма он не был знаком. Он руководствовался тем, что Германия, как он полагал, является единственной силой, способной противостоять Англии, а, следовательно, быть его союзником. К тому же два младших брата Насыр-хана - Малек Мансур и Мохаммед Хуссейн не только учились в Берлине⁵⁰³, но и лично были знакомы с Й. Геббельсом и Г. Герингом. Именно с последним они вели переговоры о доставке на самолетах германских ВВС оружия восставшим кашкайцам.

Основным мотивом сотрудничества Насыр-хана с нацистами стала возможность получения из Берлина денег и оружия для борьбы с англичанами и правящей династией. Он ежедневно расходовал на свое ополчение более 80 000 риалов. При этом цена одного ружья равнялась 5000 риалам, одного патрона - 30 риалов. Какое-то время помощь Насыр-хану оказывал генерал Захе-ди, под предлогом борьбы с бандитизмом снабжавший его оружием⁵⁰⁴. Однако этой помощи было явно недостаточно. Взяв же под покровительство Б. Шульце-Хольтуса, Насыр-хан быстро понял, что может получить через абверовско-го агента доступ к такому источнику средств, какого у него еще не было.

Переписка Б. Шульце-Хольтуса с Ф. Майером дает представление о том, как он это делал. 4 июля 1942 г. в письме Ф. Майеру Б. Шульце-Хольтус настоятельно просил решить проблему нехватки оружия. Во втором пункте своего послания он писал: «Хозяин (Насыр-хан - А.О.) едет сегодня на передовую позицию (лагерь) на юге от Ширази, на этой неделе передвигает свои племена ближе к Ширазу. Он категорически заявил, что не будет нападать на Шираз и Бушир до тех пор, пока не получит патронов. Патронов, имеющихся у него, хватит только на оборону своей территории, а не для нападения. Не хочет стать вторым Рашидом Али. Поэтому нажмите на Берлин, как только можете. Место первоклассное»⁵⁰⁵.

В девятом пункте этого же письма Б. Шульце-Хольтус, попутно оценив свой статус в ставке Насыр-хана, вновь вернулся к проблеме доставки ему оружия: «Мое положение здесь очень приятное. Я, однако, сознаю, что это зависит от доставки требуемого оружия и его прибытия. Если оно прибывает, я буду великим человеком здесь и смогу провести все. Если нет, меня будут ругать. Если бы только для поддержки дела пришел хоть один самолет...»⁵⁰⁶.

В своих посланиях Ф. Майеру Б. Шульце-Хольтус неоднократно указывал на значимость привлечения Насыр-хана на сторону Третьего рейха. В одном из своих донесений он писал: «... он (Насыр-хан - А.О.) несомненно умен, храбр и человек слова. Я полагаю, что он будет иметь успех. Его победа несомненно будет в интересах Германии...он заклятый враг Англии и демократии...»⁵⁰⁷.

Под руководством немецкого инженера Константина Якоба в зоне кашкайских племен на расстоянии всего десяти минут полета от нефтепромыслов АИНК было завершено строительство аэродрома, имевшего посадочную площадку 1500 на 1000 метров, что позволяло принимать транспортные самолеты с оружием на борту. Оружие для повстанцев предполагалось доставлять и мор-

ским транспортом. Для этого Б. Шульце-Хольтус предлагал в районе между Буширом и Бендер-Аббасом построить базу для подводных лодок⁵⁰⁸.

По инициативе того же Б. Шульце-Хольтуса воины Насыр-хана совершали дерзкие вылазки в расположение британских войск и захватывали в плен английских солдат. Иногда это делалось так, что англичане даже не догадывались, куда исчезают их люди. Более того, Б. Шульце-Хольтус предлагал создать специальный концентрационный лагерь, где рассчитывал разместить всех военнопленных⁵⁰⁹. «Шульце-Хольтус ... благодаря своим дипломатическим способностям серьезно повлиял на кашкайцев и союзные с ними племена, подняв их дух сопротивления... пока он (Шульце-Хольтус – А.О.) был у кашкайцев, он связывал значительные силы британцев в Иране», - вспоминал кадровый разведчик, один из ближайшего окружения Ф. Канариса Г. Бухгайт⁵¹⁰.

Позиции Насыр-хана еще более усилились, когда к восставшим кашкайцам примкнули другие племена, в том числе часть бахтиар во главе с Абдул Касем-ханом. Вернувшись из ссылки после падения режима Реза-шаха, ханы бахтиарских племен стали требовать возврата ранее конфискованных земель, компенсации за разграбленное имущество, удаления союзных войск из Ирана, ликвидации английской нефтяной концессии и передачи Ирану предприятий АИНК, а также своего восстановления на административных должностях в зоне племен. Бахтиарские ханы особенно настаивали на возврате им отобранных нефтяных акций и тех племенных земель, которые правительство в 1930-х гг. за бесценок продало АИНК. Во многом отказом компании возратить эти земли объяснялось враждебное отношение большинства племен к англичанам⁵¹¹.

Однако не все племенные вожди были настроены прогермански. Крах потерпели планы немцев привлечь на свою сторону иранских курдов. Дело в том, что активную работу среди курдских племен развернули советские военные власти. Причем делалось это несмотря на неоднократные протесты иранского правительства, воспринимавшего участие СССР в решении курдской проблемы как вмешательство во внутренние дела Ирана и нарушение договора о союзе трех держав⁵¹². «Поздней осенью 1941 г. мы начали важную операцию в Иране по установлению контактов с курдскими племенами. Этому вопросу придавалось исключительно важное значение. Курдов стремились использовать против нас как диверсантов и англичане, и немцы. В связи с этим в аппарат службы в мое прямое подчинение был направлен призванный из запаса опытный разведчик Н. Белкин. В ноябре 1941 г. он был послан в Закавказье и Иран для тщательного изучения курдского вопроса и проведения мероприятий по этой линии», - вспоминал бывший заместитель начальника военной разведки НКВД П. Судоплатов⁵¹³.

Что касается англичан, то созданное ими специальное разведывательное бюро на Ближнем Востоке уже в первые месяцы германской агрессии против СССР приступило к созданию из курдов Северного Ирана партизанских отрядов⁵¹⁴.

Результаты работы советской и английской разведок не замедлили сказаться. Если во второй половине 1930-х гг. под мощным влиянием гитлеров-

ской пропаганды отдельные курдские вожди еще питали некоторые иллюзии в отношении «освободительной» миссии Третьего рейха, то сразу же после вступления союзных войск в Иран подавляющее большинство курдов северо-западного Ирана, заняв четкие антифашистские позиции, выражали дружественное отношение к Советскому Союзу. Один из вождей племени шеккаков⁵¹⁵ Сартиб-ага открыто заявлял, что опыт СССР должен служить примером в борьбе курдов за достижение независимости⁵¹⁶. Уже в 1941 г., когда Красная Армия вошла в Иран, курды помогали продвижению советских войск – представляли проводников, разоружали иранские жандармские и армейские подразделения⁵¹⁷.

На состоявшемся 29 декабря 1941 г. в Мехабаде совещании вождей центральных и северных районов Иранского Курдистана вождь племени мангур предложил собравшимся создать «курдскую власть с помощью советских людей», а одной из программных установок партии курдских националистов «Жинна Курдистан» («Жизнь Курдистана») была провозглашена борьба с фашизмом на мировой арене⁵¹⁸. Поэтому неудивительно, что в мае 1942 г. курды выдали англичанам Ф. Кюммеля после его очередного рейда в перевал Пай-Так, когда он с нанесенными на карту огневыми позициями британцев пытался перебраться в Анкару⁵¹⁹. М.С. Лазарев в одной из своих последних работ привел довольно интересные сведения о том, что 2 ноября 1942 г. советское консульство в Тебризе посетили два курда – Махмуд Ахмед-оглы Моалим и Али Мустафа-оглы, объявившие себя представителями некоего курдского Комитета в Сулеймании, якобы объединявшего все курдские племена Ирака и часть курдов Сирии, Турции и Ирана. По их словам, Комитет предложен им сообщить Советскому Союзу о готовности послать на советско-германский фронт несколько тысяч вооруженных курдов⁵²⁰.

К лету 1942 г. активизировала свою деятельность «Голубая партия». В состав ее руководящего ядра к этому времени вошли: Данеш Новбахт (сын Новбахта, бывший армейский офицер), начальник Генерального штаба генерал Язданпанах, генералы Пурзанд, Размара, Арфа, Хедаят, полковник Дехими, депутаты меджлиса Афшар и Теграичи, журналист Астахр. В Керманшахе под руководством капитана Голь Махмеди в составе 1-й и 2-й иранских дивизий был создан филиал партии. Филиал был организован и в Резайе, где его возглавил начальник местного гарнизона полковник Махина⁵²¹.

Своими основными задачами в 1942 г. члены «Голубой партии» видели ведение антисоюзнической пропаганды, сбор сведений о Красной Армии и британских воинских частях, о перевозках военных грузов для СССР, создание нелегальных боевых групп, предназначенных для выступления против войск союзников, которое приурочивалось к моменту приближения вермахта к иранской границе. По заданию Х. Новбахта была установлена нелегальная радиостанция, заготовлены взрывчатые вещества и непортящиеся продукты, взяты на учет лица, связанные с советским и английским посольствами. Особое внимание обращалось на богатых армян и евреев, имущество которых после прихода к власти заговорщиков предполагалось конфисковать⁵²². Разрабатывая дело Х.

Новбахта, советская резидентура в 1942 г. сообщала в Москву: «Голубая партия» ставит своей целью изгнание англо-советских войск из Ирана, организацию националистических сил Ирана на борьбу с англо-советской оккупацией, подготовку в Иране почвы для захвата власти, совместного с германской армией удара в тыл союзников, борьбу с правительством, бессильным противодействовать англо-советскому нажиму и вмешательству во внутренние дела Ирана»⁵²³.

К середине мая 1942 г. в «Голубой партии» насчитывалось не менее 1000 членов, распределенных на так называемые «пятерки», члены которых знали в лицо только своих ближайших соратников. Высшим руководящим органом являлась Центральная секция (ЦС). С ней были связаны только старшие «пятерок». На каждого члена ЦС, в свою очередь, возлагалась обязанность курировать деятельность 50 «пятерок», т. е. 250 членов партии. Помимо ЦС, были еще секции военная, гражданская и по делам племен. Каждый член организации давал клятву верности и получал учетную карточку голубого цвета⁵²⁴.

Успехи «Голубой партии» неоднозначно воспринимались Ф. Майером. С одной стороны, активная деятельность на политической арене Ирана столь мощной организации ослабляла позиции союзников в стране, с другой стороны, его пугали амбиции Х. Новбахта, который стал мнить себя самостоятельной фигурой, способной возглавить оппозиционно настроенные силы. Поэтому, с целью поставить под свой контроль деятельность этой организации и лично ее руководителя, он неоднократно предлагал Х. Новбахту войти в состав «Меллиуне Иран» в качестве сопредседателя. В результате переговоров, которые в мае 1942 г. Ф. Майер вел с депутатом сначала через своего приближенного М. Вазири, а потом уже и лично, Х. Новбахт все же дал согласие на сотрудничество⁵²⁵.

Сразу же отметим, что, согласившись лично вступить в ряды «Меллиуне Иран», Х. Новбахт до конца противился включению в состав этой организации собственно «Голубой партии». Не желая быть марионеткой в руках германского резидента, он пытался занимать независимую позицию. Зачастую Х. Новбахт просто саботировал объединительные стремления и действия Ф. Майера. Он задерживал переписку, которую Ф. Майер вел с Насыр-ханом, а иногда и вскрывал письма, чем вызывал приступы ярости у своего немецкого «друга». Зная о разногласиях между абвером и СД, он пытался убедить Б. Шульце-Хольтуса отказаться от сотрудничества с Ф. Майером. Более того, Х. Новбахт подговаривал товарищей по партии выдать Ф. Майера полиции и внушал Насыр-хану мысль, что пока Ф. Майер на свободе тот не сможет осуществить свою заветную мечту - стать шахом Ирана⁵²⁶. Тяготясь зависимостью от этого представителя Третьего рейха, Х. Новбахт поручил своему помощнику Джану собрать радиоприемник, чтобы можно было организовать собственную линию связи с Берлином.

Пытаясь поставить под контроль Х. Новбахта, Ф. Майер заботился о судьбе «Меллиуне Иран», которая и должна была стать основой создаваемого им антисоюзнического фронта. К этому времени окончательно оформилась

структура организации. Во главе ее стоял так называемый руководящий (исполнительный) комитет, первое заседание которого состоялось 9 мая 1942 г.⁵²⁷. В состав этого органа вошли генералы Сеид Нагибзаде, Хоссейн Нейванди, Сеид Аболь Касем Кашани и Ахмед Намдар, представлявший генерала Захеда. Последний решил не рисковать и формально не вошел в состав руководящего комитета, предпочтя действовать через своего человека. Кроме военачальников в состав комитета вошли депутаты меджлиса во главе с Х. Новбахтом, несколько крупных помещиков и ханов южных кочевых племен. В задачу комитета входила организация восстания в Тегеране и на севере страны, приуроченного ко времени пересечения вермахтом Кавказа. В случае захвата Египта армией Э. Роммеля, планировалось организовать выступление также и на юге Ирана⁵²⁸.

Руководящему комитету напрямую подчинялся ряд других комитетов, у каждого из которых были свои определенные функции: политический комитет, комитет племен, комитет ислама, комитет пропаганды, тегеранский (гражданский) комитет, военный комитет, комитет по сбору информации о противнике.

Предполагалось, что раз в неделю начальники комитетов будут собираться и представлять руководящему комитету резюме своей деятельности, который был должен через Захеда и Ахмеда Намдара передавать информацию германскому резиденту. В случае отсутствия последних, эта обязанность возлагалась на М. Вазири. Для экстренных случаев в распоряжении руководящего комитета всегда находился специальный посыльный.

С целью гарантировать успех планируемому выступлению, Ф. Майер пытался создать широкий антисоюзнический фронт, стараясь найти поддержку не только среди иранских оппозиционеров, но и среди правящих кругов. На страницах своего дневника он высказывал серьезные намерения по вопросу привлечения к сотрудничеству премьер-министра Ирана А. Сохейли. «... он (А. Сохейли - А.Б.) был даже готов сделать нам предложение по поводу нового режима ... его быстрый ум должны сделать из него подходящего министра для нашего государственного переворота. Что-то вроде маленького Талейрана», - писал Ф. Майер 8 марта 1942 г.⁵²⁹.

Однако превратить «Меллиуне Иран» в действительно мощную организацию с жесткой дисциплиной Ф. Майеру было непросто. Взаимная неприязнь, недоверие, подозрительность - такие отношения существовали между ее членами. С одной стороны, постоянные конфликты возникали между М. Вазири и Х. Нейванди, Захеда и Х. Новбахтом, между другими руководителями прогерманского подполья⁵³⁰. С другой стороны, оставшийся нерешенным вопрос о будущем правителе страны, претензии некоторых генералов на эту роль серьезно ослабляли потенциал оппозиционеров. Уместно будет вспомнить и то, что сам Ф. Майер при наведении порядка в рядах организации не видел иного пути кроме, как взять в свои руки все нити руководства, максимально ограничив личные контакты ее членов между собой. «То, что произошло в эти дни было до того полно интриг, лжи, низости, ревности, недоверия друг к другу и всех других плохих вещей, что их надо было бы описать подробно, если можно

было бы спокойно писать о них при одном только воспоминании. В настоящее время положение еще не поправилось и боюсь, что не сегодня-завтра разразится катастрофа - так ведут себя эти самодовольные секретари, а также мечтающие и занимающиеся интригами старые дураки», - подобным образом охарактеризовал атмосферу, царившую в «Меллиуне Иран» сам ее организатор⁵³¹.

Не испытывая полного доверия к соратникам, Ф. Майер на страницах своего дневника выразил отношение к некоторым из них. Х. Новбахта он назвал «обманщиком» и «негодяем», Сеида Нагибзаде - «глупцом», «лжецом» и «хвастуном»⁵³². Справедливости ради следует отметить, что подозрения в отношении лояльности последнего имели основания. В начале июня 1942 г. Сеид Нагибзаде предпринял попытку выдать Ф. Майера полиции, и только случай помог организатору фашистского подполья остаться на свободе⁵³³. Другой генерал А. Намдар, пользовавшийся до определенного времени безграничным доверием Ф. Майера, обманул своего патрона, присвоив 2000 туман, полученных им на покупку печатного станка для изготовления антиправительственных прокламаций⁵³⁴. Пожалуй, полностью Ф. Майер был уверен только в Захеде.

Лето-осень 1942 г.: иранские националисты в ожидании вермахта

И все же, несмотря на стоящие перед ним проблемы, Ф. Майер разработал четкий сценарий общих действий пятой колонны в Иране в случае выхода вермахта к границам Ирана. Благодаря сотрудничеству советской и британской разведок, было установлено, что германские спецслужбы подготовили план широкомасштабного выступления всех оппозиционных правительству сил. 17 ноября 1942 г. в докладной записке заместителя наркома иностранных дел В. Деканозова на имя Л. Берии сообщались сведения о подготавливаемом заговоре, полученные от английского посланника Р. Булларда. В этом документе, в частности, говорилось: «... иранские заговорщики были тесно связаны с немцами и ставили своей целью поднять восстание во всем Иране и, прежде всего, в северных районах. Начало восстания намечалось на 27 июля. Предполагалось, что к этому времени немцы займут Сталинград и выйдут на побережье Каспийского моря. Р. Буллард показал т. Смирнову фотокопии карт, изъятых у заговорщиков, с обозначением дислокации советских, английских и иранских вооруженных сил и их численности. По картам видно, что расположение и численность войск заговорщикам были хорошо известны»⁵³⁵. Уже после войны Р. Буллард в своих воспоминаниях привел сведения о том, что немецкие агенты также планировали организовать убийство шаха⁵³⁶.

Заговорщики довольно высоко оценивали свои шансы на успех операции. По их мнению, советские гарнизоны на побережье Каспийского моря были незначительны. Поэтому ликвидация их не представила бы больших трудностей, за исключением пунктов Горгана и Бендер-Шаха, где более многочисленные гарнизоны могли быстро получить поддержку из Средней Азии. Организаторы восстания наметили посадочные площадки для воздушных десантов в Мазендеране и Гиляне, а также места для парашютных десантов. Особая роль при высадке германских воздушных десантов отводилась Мазендерану. Пунктами активных действий против советских гарнизонов должны были стать Демавенд, Фирузкух, Семнан, Амоль, Сари, Шахи и Чалус. Коммуникации предполагалось повредить, а важнейшие туннели и мосты взорвать. По каждому району было определено количество винтовок и патронов, необходимых для выступления против Красной Армии. Оружие планировалось раздать племенам по указанию местных руководителей.

Не менее тщательно заговорщики разработали план действий в английской зоне. Об этом говорит тот факт, что в провинции Фарс англичане случайно обнаружили секретный аэродром со всем оборудованием⁵³⁷.

Видную роль в заговоре играли генерал Купал, бывший до февраля 1941 г. губернатор Западного Азербайджана. К планируемому выступлению были причастны генералы Пурзанд, Язданпанах, Захеди и лидер «Голубой партии» Х. Новбахт⁵³⁸.

Однако в июле 1942 г. выступление всех оппозиционно настроенных сил в Иране не состоялось. По-видимому, Ф. Майер предпочел не рисковать и решил приурочить всеобщее восстание к моменту вступления на территорию

Ирана германских войск, которое отныне ожидалось им к осени этого года. Надо признать, что этого дня давно ждали многие иранцы. По случаю занятия гитлеровцами городов Северного Кавказа профашистски настроенные элементы вывешивали национальные флаги и распространяли слухи о неизбежном вступлении немецких войск в Иран⁵³⁹.

В течение двух последних летних месяцев 1942 г. Ф. Майер внес в разработанный им план существенные изменения, после чего тот приобрел характер тщательно разработанной операции, где каждая воинская часть знала, что ей делать в случае прихода в страну вермахта. Особое внимание обращалось на захват заводов и предприятий, почт и телеграфов, банков, полицейских управлений и других государственных учреждений, типографий, базаров, гаражей и бензоколонок, радиостанций, зернохранилищ и арсеналов. Во всех захваченных городах планировалось назначить комендантов, произвести аресты советских граждан, подданных Британской империи и так называемых «изменников». В случае отступления и сдачи позиций предполагалось уничтожить коммуникации и вообще «все, представляющее пользу для врага».

Согласно разработанному плану, боевые действия заговорщики рассчитывали вести на территории всех десяти исторических провинций Ирана, а также в самом Тегеране.

Особая роль отводилась Восточному Азербайджану, так как он был первой провинцией, на чью территорию должна была вступить германская армия. Поэтому задача заговорщиков в этом районе заключалась в открытии пути наступавшим войскам. При подходе вермахта находившиеся там жандармерия и воинские части должны были «тревожить атаками» прибрежную зону, а затем оказать «немедленную помощь германским войскам, высаживающимся на побережье и охранять места высадки»⁵⁴⁰.

Важность Западного Азербайджана определялась тем, что именно по нему проходил путь доставки Советскому Союзу грузов по ленд-лизу. «Персидских войск имеется всего лишь один полк, поэтому особенно желательно тесное взаимодействие с афшарскими племенами. Хорошо запланированное сопротивление в целом не может быть организовано. Партизанские атаки будут направлены на расстройство линий снабжения, а также на уничтожение вражеских линий коммуникаций. Плановое сопротивление может, тем не менее, иметь место на территории между ирако-турецкой границей и озером Урмия», - отмечалось в приказе для Западного Азербайджана⁵⁴¹.

Были разработаны специальные инструкции для командования этой провинции, в которых говорилось о необходимости обеспечить тесное сотрудничество между жандармерией и племенами, для чего предполагалось передать последним оружие. В этих же инструкциях с сожалением отмечалось: «Сам Тебриз едва ли может быть взят, потому что, во-первых, население не с нами, и во-вторых, русским войскам не противостоят персидские войска, помимо того, имеется недостаток в оружии. Во всяком случае, рекомендуется, чтобы племена... могли оказать помощь германским войскам, когда последние достигнут возвышенности около Тебриза»⁵⁴².

Заговорщики предполагали, что им придется столкнуться с серьезными проблемами в Хорасане. В плане боевых действий отмечалось, что «организовать сильное сопротивление в отдаленном Хорасане будет трудно»⁵⁴³. Планируемые действия в отношении этой провинции зависели от того, какие меры приняло бы советское правительство для ее защиты и тех видов, какие имела здесь ОКВ. Поэтому в отношении Хорасана было выработано два сценария возможных действий. В первом из них заговорщики исходили из того, что Москва вряд ли «направит значительный воинский контингент в персидский Туркестан». В этом случае они рассчитывали на то, что вермахт собственными силами захватит железную дорогу Красноводск - Ташкент, а железную дорогу, тянувшуюся вдоль советско-иранской границы они перережут и будут контролировать совместно с немецкими войсками, и «таким образом, будет навсегда ликвидирована опасность, грозящая Ирану с севера»⁵⁴⁴.

Заговорщиками допускалась возможность переброски частей Красной Армии из Сибири по железной дороге в Ташкент, а затем на старую туркестанскую границу. В этом случае предлагался второй сценарий ведения боевых действий: иранские войска ограничатся защитой пути через Горган, который планировалось защитить из Восточного Мазендерана и Тегерана. Если Мешхед не удалось бы взять сразу, то предполагалось отдать войскам, жандармерии и отрядам племен приказ занять оборонительные позиции. На юге Хорасана важными пунктами обороны должны были стать Тюрбете-Хейдори и Фериман. На севере предполагалось оставить лишь незначительные силы. Лучшие же силы планировалось расположить западнее Мешхеда, в районе Нишапура. Второй точкой сопротивления должны были стать две горных цепи на север и на юг от дороги Кучан-Буджнурд⁵⁴⁵. Эта дорога проходила через глубокие ущелья в горах, что создавало прекрасные возможности для контроля над нею со стороны горных проходов.

В отношении Восточного Мазендерана в плане боевых действий отмечалось, что «для Тегерана эта территория представляет жизненный интерес и должна работать в теснейшем сотрудничестве с Тегераном», в связи с чем предполагалось провести здесь три операции: в районе Амоль - Шахи, в районе Шахруда и вокруг Горгана⁵⁴⁶.

Планировалось, что дорогу Тегеран - Амоль будут удерживать тегеранские войска совместно с войсками, составленными из племен и горцев Демавенда. Им ставилась задача перерезать в двух местах железнодорожную линию, идущую к Фирузкуху и Семнану. Северный хребет Эльбурских гор, обращенный к Каспийскому морю и горганский сектор также входили в сферу действий командующего восточным Мазендераном. При этом отмечалось, что сам Горган будет невозможно взять по причине его легкой проходимости с севера советскими войсками. Тоже самое говорилось в отношении Бендер-Шаха⁵⁴⁷.

Самое пристальное внимание в плане боевых действий было отведено столице. Здесь намечались следующие меры: приостановить деятельность парламента, занять все министерства и другие учреждения; захватить иностранные посольства и аэродромы; от лица «Меллиуне Иран» и духовенства сделать об-

ращение к населению; вооружить 1000 человек из числа жителей Тегерана и окрестных деревень; организовать концентрационные лагеря, куда поместить всех арестованных. При этом отмечалось, что если для выполнения этих задач сил армии, жандармерии, муниципальной полиции и добровольцев будет недостаточно, то будут привлечены кавалерийский полк «Фавзие» и отряды Военной академии⁵⁴⁸.

Особые указания были разработаны в отношении армейских частей Тегерана. Всех командиров, не перешедших на сторону «Меллиуне Иран», планировалось взять под стражу. Одновременно с этим вводилось военное положение и полевые суды. После захвата всех казарм, складов вооружений и боеприпасов предполагалось поставить перед полком «Пехлеви» задачу охранять шахский дворец и правительственные учреждения, а отряды Военной академии и кавалерийский полк «Хамле» совместно с подразделениями моторизованной бригады направить на охрану дорог, ведущих из Тегерана на Амоль, Семнан и Кашан. Располагаться они были должны приблизительно на линии Дербент - Демавенд - Верамин. При выполнении этих задач армейские части должны были получить поддержку со стороны племен Мазендарана и жандармерии Семнана и Кашана⁵⁴⁹.

Серьезные меры планировалось принять в Исфахане. Первым пунктом плана в отношении этой провинции значилось обращение к народу с призывом всеобщего восстания. Затем силами армии и племен намечались следующие операции: «1) заблокировать дороги через Хомейн, Гульпаеган и направить отряды в горы между Матанз и Меиме (около 3000 чел.); 2) заблокировать дороги Десурх - Абаде и Исфахан - Шираз (около 3000 чел.); 3) организовать активные действия в районе дорог Йезд – Дебид (около 1000 чел.); 4) захватить Кум и реквизировать гражданские коммуникации АИНК (около 3000 чел.); 5.) с помощью ВВС разрушить наиболее важные мосты и разбросать листовки»⁵⁵⁰.

В отношении провинции Хузестан (здесь националисты могли опираться на боевой опыт партизан, успешно сражавшихся с англичанами еще в годы Первой мировой войны),⁵⁵¹ говорилось, что, «являясь приморским и нефтеносным районом, она, наряду с Басрой, образует центр дислокации 10-й английской бригады и представляет наиболее важный пункт в деле снабжения». В плане боевых действий также отмечалось, что задача в этой провинции - захват нефтяных скважин. Поэтому предполагалось избегать «открытой деятельности в Хузестане и ретироваться... к линии: Дизфуль-Рамхормуз-Бахбехан». Эту линию планировалось защищать как можно дольше, а в случае отступления уничтожить все дороги и железнодорожные мосты⁵⁵². Для того, чтобы нарушить коммуникации союзников с соседним Ираком в треугольнике Хорремабад-Буруджирд-Доруд предполагалось совершить одновременное нападение на позиции английских войск.

В Керманшахе первоочередной задачей заговорщиков также являлось нарушение коммуникаций союзников с Ираком. Используя момент внезапности, заговорщики намеревались напасть на позиции англичан на реке Карасу недалеко от Так-и-Бистан. Для того, чтобы решить эту задачу предлагалось

сначала блокировать дорогу Кенгавер-Керманшах. Большая часть Керманшахской дивизии оставалась в городе, в то время как лучшая ее часть, снабженная артиллерией и пулеметами, должна была «любой ценой» захватить британские аэродромы, расположенные в этом районе. Город Сенендедж рассматривался как «важный пункт концентрации сил для защиты против нападения русских или английских войск»⁵⁵³.

Планировалось совершить нападение на британские войска, расположенные вдоль дороги Керманшах–Шахабад-Касре-Ширин и захватить проходы Пай-Так, Нальчехан, проход Эйналкиш к западу от Керманшаха и удерживать их, отбивая атаки англичан. Те же самые войска должны были блокировать дорогу Сенендедж-Марварра и дорогу на Ревансер⁵⁵⁴.

В провинции Шираз предполагалось не только выступить со специальным обращением к местному населению, но и создать из него отряды ополчения. Вооружить ополченцев заговорщики рассчитывали из оружейных запасов местных жандармерий. Сама военная операция в районе Шираза должна была проводиться в несколько этапов:

«1) блокировка проходов Гуликиш и Гушти на дороге Исфahan-Шираз (1500 чел.);

2) блокировка дороги Джаруни - Лар (1000 чел.);

3) захват проходов Пиризан, Дохтар, Туркан, Малу на дороге Шираз - Бушир. В первую очередь захватить г. Казерун;

4) формирование сильной моторизованной горнострелковой части, солдаты которой будут сконцентрированы в казармах Шираза для защиты от угрозы со стороны английских войск, расположенных в Хузестане;

5) захват нефтепромыслов Гаш-Саран (3000 чел.) Береговая оборона возлагается на кашкайские племена. Особое внимание Буширу. Территорию порта Бендер-Аббас охранять путем блокировки»⁵⁵⁵.

Активные боевые действия планировалось вести в провинции Керман. Верные мятежникам войска должны были занять возвышенности вокруг Кермана и Йезда и таким образом отрезать к ним все подступы, а для этого захватить проходы Ханака, Гардане Дохтар, Ханесорг на дороге Шираз–Бендер-Аббас⁵⁵⁶.

Деятельность прогерманских сил в Иране не ограничивалась теоретическими разработками. Не дожидаясь прихода германских войск, они предприняли ряд практических действий. Весной 1942 г. агентурой Ф. Майера была подожжена пристань в Хорремшехре, уничтожены 50 вагонов с военными грузами для Советского Союза; поврежден и временно выведен из строя железнодорожный мост - шпалы и рельсы были разобраны на расстоянии 40-50 метров, из-за чего погиб эшелон с автомашинами, предназначенными для СССР⁵⁵⁷.

Примерно в это же время усилиями советской контрразведки был предотвращен взрыв транспортного туннеля на Геддукском перевале, а недалеко от станции Сегаль удалось предотвратить взрыв моста через ущелье. Осенью

этого же года патруль обнаружил около станции Поле–Сефид разобранные рельсы. Здесь же были подожжены два вагона из под пороха⁵⁵⁸.

9 октября 1942 г. группа советских военнослужащих в количестве 22 человек подверглась обстрелу в районе Амбре (в 20 км южнее Сари), в результате которого было убито семь и ранено пять красноармейцев. 22 октября было совершено нападение на две советские автомашины, отставшие от автоколонны, двигавшейся из Бендер-Шаха в Тегеран. 8 декабря в Ахвазе толпа иранцев на улице среди бела дня разгромила легковую машину, принадлежавшую консульству СССР. 11 декабря в Шахи было организовано покушение на советского коменданта Борисова⁵⁵⁹.

По-видимому, прогермански настроенные иранцы сыграли не последнюю роль в беспорядках, произошедших в декабре 1942 г. в Тегеране, когда несколько банд бесчинствовало в еврейских кварталах. С криками «Да здравствует Гитлер! Бей жидов!» бандиты грабили дома евреев и избивали жителей. Были попытки начать грабеж армянских домов, причем с двигавшимися по улицам хулиганами все время находилось пять-шесть подстрекателей, которые кричали: «Бейте англичан. Это англичане растоптали честь Ирана». 8 декабря разъяренная толпа сожгла одну английскую военную машину, свернув в канаву другую, убив или тяжело ранив ее водителя. По некоторым сведениям идейным вдохновителем этих акций был генерал М. Язданпанах⁵⁶⁰.

Готовя население к прибытию вермахта, германская агентура продолжала вести активную пропаганду среди иранцев. С 5 по 7 сентября 1942 г. они от имени организаций «Иран Бидар» и «Бенедагаи» разбросали по Тебризу листовки с призывом «действовать»⁵⁶¹.

Активно велась разведывательная работа. В период наступления вермахта на Кавказ советские пограничники выявили в пограничной полосе 16 агентов германской разведки. Более того, на участках границы, охранявшихся войсками Туркменского и Азербайджанского пограничных округов, имели место организованные агентами абвера неоднократные попытки прорывов через границу бандформирований. Летом-осенью 1942 г. около 80 банд и групп контрабандистов пытались пересечь советско-иранскую границу⁵⁶².

Серьезной проблемой для германских агентов по-прежнему было налаживание связи с центром. Посылая через курьеров в Берлин свои сообщения, Б. Шульце-Хольтусу приходилось тщательно их маскировать, представляя в форме поэтических шарад и детских писем. Несмотря на эти ухищрения, только небольшая часть донесений поступала в Берлин. Однако даже та информация, которая доходила до места назначения, вызывала недоверие у германского руководства. В Берлине считали, что донесения приходят от провокаторов или от агентов, попавших в советский или английский плен.

Германской разведке не хватало надежных связных. К тому же, довольно эффективно работали спецслужбы союзников. К примеру, сообщение о готовящемся восстании в Иране немецкие разведчики решили передать через жену Б. Шульце-Хольтуса. Однако в результате умело проведенной операции сообщение попало в руки советской контрразведки. В этом донесении Ф. Майер

докладывал, что страна разделена на сектора, где есть люди, завербованные немецкой разведкой. Он также сообщал в Берлин, что имеет своих людей среди местных военных и знати племен. Далее излагался план действий в тылу советских войск, и сообщались данные о посадочных площадках для парашютистов и места для сбрасывания оружия. В письме Ф. Майера говорилось о необходимости установления регулярной связи между ним и Берлином. Он также просил включить в обычные радиопередачи условное сообщение, из которого можно было бы понять, что послание получено в Берлине⁵⁶³.

В другом донесении Ф. Майер сообщал, что ему нужны радисты и деньги, чтобы приурочить путч к германскому вторжению с севера в Иран. Надо сказать, что недостаток материальных средств наряду с установлением связи были серьезными проблемами для Ф. Майера и существенно ограничивали его возможности. К началу августа 1942 г. в его распоряжении было всего 5 000 туман. «Вопрос с деньгами недавно стал особенно животрепещущим. Каждый шаг стоит денег, а у нас лишь нищенские запасы, которых не хватит для того, чтобы уплатить курьерам. Это большой недостаток в стране, где деньги - все», - с нотками разочарования в голосе писал в своем дневнике организатор прогерманского подполья⁵⁶⁴.

Наконец, 1 августа 1942 г. Ф. Майера ждал сюрприз. Во время прослушивания сообщений берлинского радио, он услышал условную фразу, которую ранее просил передать как ключ, что его сообщения получили в Берлине⁵⁶⁵. Однако радость Ф. Майера была преждевременной. Получить деньги ему не удалось, как не удалось установить регулярную двустороннюю связь с Берлином. Там приняли несколько его посланий, но с оказанием помощи не торопились. При таком отношении со стороны руководства он мог рассчитывать только на слепую веру его приближенных в «освобождение» Ирана гитлеровскими войсками и на свои недюжинные организаторские способности. «И если они, (германские солдаты - А.О.), не дай Бог, не придут в Иран до начала зимы, то да поможет нам Бог. Наше положение будет очень трудным. Для сохранения нашей организации будет лишь один выход. Много денег», - писал он без энтузиазма в своем дневнике 11 сентября 1942 г.⁵⁶⁶. «... еще не удалось получить денег, так что впереди меня ждет серьезный кризис. Одни только мои расходы на службу по доставке новостей достигают, по крайней мере, 1000 туман, не считая расходы Вазири в Тегеране на эти же нужды и наши скромные жизненные расходы. Я написал Захеди продать все ковры, надеясь поправить бюджет месяца на два», - так Ф. Майер оценивал финансовое состояние и будущее организации⁵⁶⁷. Видя столь мрачные перспективы, лидер прогерманского подполья даже подумывал о создании разбойничьей шайки, которая грабила бы купцов и таким образом доставала деньги на нужды «Меллиуне Иран»⁵⁶⁸.

Прохладное отношение Берлина к Ф. Майеру можно было объяснить тем, что в 1942 г. германское правительство недооценило значение южного пути в плане военных поставок СССР по ленд-лизу. Конечно, здесь нельзя не сказать о том, что И. Риббентроп в одной из своих служебных записок докладывал фюреру о том, что «германские войска при их появлении в Иране получают под-

держку от офицеров старой иранской армии, а также от других националистически настроенных элементов, и что национально-персидская революция встретит нас радостными чувствами»⁵⁶⁹. И все же министр иностранных дел не очень то верил в то, что один человек сможет организовать боеспособную организацию. Поэтому чувство безысходности постоянно преследовало Ф. Майера. «Ни отдыха, ни денег, ни приказаний ускорить работу, ни совета, ни товарища! А вместо этого постоянное подчинение людям, не знающим ни храбрости, ни лояльности, ни отваги, ни дружбы, чьи отцы - обман, а матери - скупость», - писал он в своем дневнике⁵⁷⁰.

Союзники начинают охоту

Активность Ф. Майера и его соратников с каждым днем все больше беспокоила союзников и в первую очередь англичан. Именно англичане первыми выступили с инициативой пресечения деятельности прогерманского подполья. Еще в марте 1942 г. по их требованию иранская полиция выслала в Керманшах шесть иранцев, заподозренных в связях с нацистами. По прибытии на место высланные были арестованы английскими военными властями и увезены в неизвестном направлении.

В конце июля 1942 г. британские представители вновь обратились к иранскому правительству с требованием ареста и передачи им 45 граждан, как им казалось, руководителей и активистов прогерманских организаций. Это требование мотивировалось тем, что ранее арестованные дали против них показания, уличавшие в тайной деятельности в пользу стран «оси». 5 августа английский посланник Р. Буллард обратился к премьер-министру Кавам-ос-Салтане с тем же требованием. Премьер-министр обещал арестовать всех, кто был в представленном посланником списке, но вместе с тем заявил, что будет ждать материалов, доказывающих их виновность. 7 августа Р. Буллард вновь обратился в иранский МИД с письмом, в котором, ссылаясь на инструкции, полученные от своего правительства, потребовал выдачи 45 иранцев. В ответ иранское правительство решило выдать англичанам лишь иранских подданных, а остальных арестовать и дело о них передать в особую комиссию с предоставлением английским представителям права присутствовать на ее заседаниях⁵⁷¹.

В результате в массовом порядке были арестованы не те люди, на которых имелась информация о причастности к фашистскому подполью, а в основном те, кто когда-то жил в Германии или имел жену - немку. Между тем, многие, действительно виновные в антисоюзнической деятельности, такие как Нейванди, заранее узнавали о грядущем аресте и ударялись в бег⁵⁷².

Ответом на действия англичан была волна возмущения, поднявшаяся в иранской прессе:

«Эттелаат»: «Эти акты (аресты. – А.О.) совершенно противоречат правосудию, свободе и демократии, они противоречат даже статьям тройственного договора... подобное действие вызвало бурю возмущения в общественном мнении, так как такие методы противоречат любому понятию о безопасности».

«Мехре Иран»: «Мы, в свою очередь, требуем от правительства принять срочные меры к освобождению наших соотечественников».

«Марде Имруз»: «Говорят, что арестованные германофилы. Год тому назад арестовывали людей, объявляя их русофилами, через год будут арестовывать за англофильство и т.д. Во всяком случае, аресты на этом не кончатся. Утверждают, что арестованные являются сторонниками стран "оси", так как женаты на немках и говорят на немецком языке»⁵⁷³.

С критикой правительства и союзников обрушились депутаты меджлиса. Особенно активно на трибуне меджлиса выступал Х. Новбахт, с каждым днем увеличивавший политический капитал своей организации⁵⁷⁴.

Более удачные действия англичане предприняли в декабре 1942 г., когда в тайне от иранских властей командующий 9-й английской бригады генерал Г. Вильсон организовал похищение Захеда. Через некоторое время один из ближайших соратников Ф. Майера был переправлен в Индию⁵⁷⁵.

Воодушевленный успехом операции Г. Вильсон выступил с инициативой перед своим правительством о проведении репрессий в отношении ряда других политических и военных иранских деятелей, ведущих антисоюзническую работу. Английское правительство согласилось с предложенными мерами и в свою очередь предложило генералу проинформировать об этом советскую сторону с тем, чтобы последняя также приняла соответствующие меры в северных районах Ирана⁵⁷⁶.

Если англичане действовали прямо и решительно, то в посольстве СССР не желали форсировать события. Советские компетентные органы предпочитали наносить точечные удары по фашистскому подполью в Иране, ограничиваясь ликвидацией некоторых антисоюзнически настроенных деятелей. В 1942 г. советские контрразведчики арестовали германского шпиона, бывшего белогвардейца В. Боровского (прикрытием шпионской деятельности В. Боровского до августовских событий 1941 г. служила работа шофером у германского посланника в Тегеране), за антисоветскую пропаганду был арестован Б. Вербицкий и при подготовке диверсии задержан (взрыва одного из важнейших объектов Трансиранской железной дороги) инженер Петерсен, у которого обнаружили подготовленные для этой цели средства⁵⁷⁷. Кроме того, советскими контрразведчиками были организованы похищения нескольких иранских и азербайджанских националистов⁵⁷⁸.

Что же касается широкомасштабных арестов, то в Москве полагали, что проводить их преждевременно. «Желательно, чтобы посол СССР в Иране тов. Смирнов добился бы получения от англичан более полных материалов, которыми они располагают в отношении заговора в северных районах Ирана с тем, чтобы после изучения этих материалов и сопоставления их с нашими данными можно было бы совместно с английскими представителями наметить меры по очистке как южных, так и северных районов Ирана от профашистских элементов», - таково было мнение заместителя наркома внутренних дел В. Меркулова⁵⁷⁹.

Уникальность ситуации заключалась в том, что многие иранские националисты - члены прогерманских организаций, чья деятельность объективно была направлена против интересов СССР, лично не имели никаких претензий к Советскому Союзу. К примеру, член «Голубой партии» генерал Язданпанах, не только получивший в свое время военное образование в России, но и награжденный русскими орденами и имевший русскую жену, организовал сбор валютных средств для оказания помощи советским матерям и детям – жертвам войны⁵⁸⁰. Естественно, что участвовать в арестах иранцев, настроенных не

столько антисоветски, сколько антибритански, у советских компетентных органов желания не было. В Москве понимали, что скоро закончится война и встанет вопрос о будущем Ирана. И для того, чтобы иметь в этой стране прочные позиции, необходимо создать опору в лице наиболее политизированных иранцев, какими были иранские националисты. Перевербовать их, заставить работать на себя – таков был основной замысел советских спецслужб⁵⁸¹.

Внимание, парашютисты!

С наступлением нового, 1943 г. изменились задачи, которые приходилось решать нацистам в Иране. Если в 1941-1942 гг. германская активность в основном была направлена на подготовку благоприятных условий для предполагаемого вторжения вермахта в страну, то после поражения немецкой армии под Сталинградом планы вторжения в Иран были похоронены. Ни о каком широкомасштабном восстании теперь не могло быть и речи. Поэтому руководство абвера и СД поставило перед своими людьми в Иране иные задачи. Главной из них являлась организация террористических актов. Лидеры Третьего рейха наконец-то осознали значимость южного пути доставки американских вооружений Советскому Союзу, в следствие чего поручили своей агентуре провести серию диверсий на транспорте и коммуникациях с тем, чтобы сорвать военные поставки союзников.

Поражения вермахта на фронтах Второй мировой войны, и в первую очередь на советско-германском фронте, не могли не сказаться на престиже Германии, чье влияние в Иране уменьшалось с каждым днем. Но, несмотря на столь мрачные перспективы, Ф. Майер не терял надежды объединить все антисоюзнические силы в единую организацию. Конечно, это было не просто. Как уже говорилось, единства не было даже среди членов «Меллиуне Иран». К тому же не все противники правящего режима были готовы пойти на объединение. Так, Насыр-хан, успешно и долго воевавший с иранской армией, не намеревался объединяться с генералами, которых он неоднократно побеждал⁵⁸². У Насыр-хана не было уверенности, что потенциальные союзники согласятся на признании его в качестве будущего правителя Ирана.

Вождь кашкайцев предпочел бороться с англичанами и правительством самостоятельно. Окрыленный ранее достигнутыми успехами, он и в 1943 г. рассчитывал нанести противнику ряд мощных ударов. Насыр-хан надеялся, что его военные успехи произведут благоприятное впечатление на руководителей Третьего рейха, и они существенно увеличат помощь мятежным племенам.

Его активность усилилась под воздействием недальновидной политики Тегерана. В начале 1943 г. иранские власти допустили серьезную политическую ошибку, назначив губернатором провинции Фарс Кавам-оль-Молька, англофила, воевавшего против кашкайцев в годы Первой мировой войны⁵⁸³. Это еще более ожесточило сопротивление восставших. В июле 1943 г. объединенные силы кашкайцев и боюр ахмади одержали крупную победу над иранской армией: они окружили г. Семирум и после осады, длившейся два дня и три ночи, ворвались в город и учинили жестокую расправу над оборонявшимися⁵⁸⁴. Этот военный успех и большой резонанс, который вызвали в Иране Семирумские события, так окрылили шейхов племен, что они стали готовить наступление на Исфахан.

Для того чтобы подавить выступление, англичане поставили перед иранским правительством вопрос о вооружении соседних, враждебных кашкайцам

племен. Но за кашкайцев заступились турки. 8 августа 1943 г. турецкий посол в Тегеране Тарай заявил министру иностранных дел Ирана, что «хотя Турция и не собирается вмешиваться во внутренние дела Ирана, но в целях защиты кашкайцев, как племени турецкого происхождения, она считает нецелесообразным проводимые против кашкайцев мероприятия, в частности вооружение иранских племен и назначение Кавам-оль-Молька губернатором Фарса»⁵⁸⁵. Это вмешательство турок объяснялось тем, что в конце 1942 г. один из членов «Меллиуне Иран» связался с турецким послом в Тегеране и договорился с ним о поддержке повстанцев Турцией, в случае если иранское правительство и англичане примут репрессивные меры против кашкайцев. Активную работу в этом направлении провело и германское правительство, которое через своего посла в Анкаре Ф. Папена сделало шаги к тому, чтобы турки постарались не допустить в Иране карательных операций против Насыр-хана⁵⁸⁶.

Получив политическую поддержку со стороны Турции, повстанцы усилили сопротивление. В течение августа 1943 г. кашкайские племена организовали серию налетов на населенные пункты Ирана: у жителей Казеруна конфисковали весь урожай пшеницы, ячменя и опиума, в районе Биза и Абрежда отобрали у населения все имущество, скот и потравили посевы, в районе Абаде ограбили большой караван из 400 верблюдов⁵⁸⁷.

В этой ситуации англичане были вынуждены направить свои войска на помощь иранскому правительству. В Бушир и Бендер-Аббас из Египта прибыли две моторизованные британские дивизии. В Иран также были переброшены войска из Ирака⁵⁸⁸. Только призвав регулярные английские части, правительству удалось локализовать районы восстания.

Конечно, судьба Второй мировой войны после поражения вермахта под Сталинградом была предрешена. Осознание этого непреложного факта и очередные военные успехи союзников медленно, но верно вынуждали племенных вождей менять свои позиции. Шейхи постепенно сняли требование о выводе союзных войск из Ирана, но по-прежнему настаивали на своих претензиях к правительству. Что же касается членов «Меллиуне Иран», то и они стали более осторожными в отношениях с Ф. Майером, а один из его приближенных, испугавшись, передал представителям британской разведки чемодан, содержащий около 250 документов, написанных в большинстве Ф. Майером и Б. Шульце-Хольтусом, а также такими важными фигурами, как Саед Абдул Касем Кашани и Х. Новбахт⁵⁸⁹.

Однако немцы в Иране продолжали изоциряться. Новым направлением в деятельности германской агентуры в 1943 г. была организация приема прибывавших в страну групп диверсантов–парашютистов. Правда, еще в январе 1942 г. в рамках операции «Баядера» (проведения диверсионных актов в Индии) в восточной части Ирана самолеты люфтваффе сбросили около ста парашютистов-индусов, прошедших специальную подготовку в школах второго отдела абвера. Эта группа должна была проникнуть в Индию через Белуджистан и соединиться с диверсионными отрядами индийских националистов, действовавших под контролем абвера и насчитывавших 5,5 тыс. человек⁵⁹⁰. По плану,

разработанному Ф. Канарисом, с целью вызвать всеобщее восстание также намечалось перебросить в Индию части специального подразделения «Бранденбург». Однако вторая часть операции сорвалась, так как запланированный прорыв вермахта через Кавказ на Средний Восток не состоялся.

С начала же 1943 г. абвер и СД, получив депеши от Ф. Майера, приступили к подготовке совместной операции собственно в Иране. В марте этого года Ф. Майер получил из Берлина сообщение о том, что ему в помощь направлена воздушно-десантная экспедиция. И действительно, 29 марта 1943 г. группа парашютистов была доставлена на самолете в Иран и приземлилась в районе соляного озера близ Кума. Она состояла из шести диверсантов: Блюме, Кенгдена, Хольцапфеля, Грилле, Рокштрока и Кореля⁵⁹¹. Это были специалисты по подрывному делу, которые должны были организовать вооруженные нападения на транспорт и совершать диверсии на железных и шоссейных дорогах. Прибыв в иранскую столицу, германские диверсанты привезли с собой современную радиоаппаратуру, что позволило Ф. Майеру наладить двустороннюю связь с центром. Первый выход в эфир произошел 8 апреля, после чего германские агенты могли передавать ежедневно по два-три сообщения в Берлин.

17 июня 1943 г. в иранский Курдистан была направлена вторая группа диверсантов, но по ошибке пилота ее забросили на иракскую территорию, в район Мосула, где она была захвачена англичанами⁵⁹².

15 июля 1943 г. в Иран была отправлена еще одна группа диверсантов, состоявшая из одного офицера, двух унтер-офицеров СС, а также одного иранца, выполнявшего функции переводчика. Группу возглавлял бывший руководитель гестапо в Ковно, штурмфюрер СС М. Курмис. О важности десанта говорил уже тот факт, что М. Курмиса к операции лично готовил секретный шеф террористов в VI отделе РСХА, группенфюрер СС Отто Скорцени. В задачу группы, снабженной большим количеством динамита и мешками с золотыми монетами, входило совершение в Иране взрывов нефтепроводов и водоносных станций, диверсий на железной дороге, а также установление контакта с Насыр-ханом. Встреча эта действительно состоялась и немецкие парашютисты, кроме денег и динамита, доставили лидеру кашкайцев личное послание Гитлера и его подарок - золотой револьвер с дарственной надписью в качестве платы за активные выступления против правительства⁵⁹³.

В августе 1943 г. недалеко от Тегерана была сброшена очередная группа диверсантов. Группу возглавлял Р. Гамотта, которого ждали в Иране еще летом 1942 г. 1 сентября 1943 г. абвер и СД провели совместную операцию по заброшке еще нескольких групп в различные районы Ирана⁵⁹⁴. В Иране эту операцию координировали капитан абвера Шюлер и гауптштурмфюрер СС Шубек – участники антиправительственных мятежей в Луристане.

Представляет интерес уже тот факт, что ведомство И. Риббентропа к отправке десантов в Иран не имело никакого отношения. «Следовало опасаться именно тех политических последствий, которые мы имеем теперь. Они прине-

сут нам больше вреда, чем ущерб, нанесенный противнику этими операциями», - с сожалением констатировалось в докладе сотрудника МИД В. Мельхера⁵⁹⁵.

Прибывшие в страну диверсанты сразу же дали о себе знать. В 1943 г. при помощи местной агентуры они организовали несколько диверсий на Трансиранской железной дороге. Эта дорога отличалась сложным профилем, изобиловала многочисленными туннелями, крутыми подъемами и проходила зачастую по узким ущельям горных массивов. Поэтому она представляла хорошую мишень для террористов. Из 118 железнодорожных мостов красноармейцами охранялись только 62, а из 93 тоннелей – 68⁵⁹⁶.

За годы войны на Трансиранской железной дороге произошло по разным причинам несколько сот аварий, в том числе из-за диверсий, в основном на трудных участках дороги вроде отрезка Ахваз-Хорремабад, где из 260 км пути спуски, подъемы и повороты занимали 162 км. Так, диверсантами был подготовлен взрыв трехкилометрового туннеля около станции Фирузкух, а 3 августа 1943 г. было организовано крушение поезда с военными грузами для СССР. Паровоз и вагоны оказались разбиты, погибли советские граждане - машинист и его помощник, а также четверо иранских служащих. В справке советской резидентуры отмечалось, что в течение 1943-1944 гг. имел место ряд крупных аварий: крушение составов в районе Бендер-Шаха, Джульфы, Тебриза, пожары на судах, перевозивших вооружение и боеприпасы, гибель в Каспийском море судна с военными грузами из США и другие случаи. Не без помощи германских агентов сразу в нескольких местах был подожжен автосборочный завод в Хорремшехре. За двое суток огонь помимо строений уничтожил 354 несобранных автомобиля⁵⁹⁷.

В 1943 г. заявил о себе сотрудник абвера П. Леверкюн. В качестве помощника германского военного атташе в Анкаре он в основном занимался сбором разведывательной информации. Его агенты, выдавая себя за ревностных поклонников религиозных обрядов, путешествовали по священным местам ислама. Проходя по маршруту Мекка-Медина-Кербела-Кум-Мешхед, эти «правверные мусульмане» собирали данные о дислокации и родах союзных войск, а также о коммуникациях, ведущих от Персидского залива к южной границе Советского Союза⁵⁹⁸.

Франц Майер арестован

Не ограничиваясь организацией террора и саботажа, Ф. Майер в 1943 г. разрабатывал политическое направление в деятельности своей агентуры. Им была подготовлена операция «Миллион туманов» - создание в меджлисе прогерманского блока, готового по всем вопросам голосовать против интересов Великобритании и СССР.

Приближалась дата выборов в меджлисе. Для того чтобы добиться на них победы, националистам была необходима информационная поддержка, т. е. публикация в местной прессе статей антисоюзнического содержания. Иногда подобные материалы появлялись в иранских газетах. В качестве примера можно привести статью «Наш новогодний праздник!» в газете «Эгдам» от 19 марта 1943 г., автор которой открыто призывал иранцев к «освобождению страны от англичан, русских, американцев и поляков». В этот же день в газете «Харшиде Иран» под заголовком «Ужасная картина несчастного Ирана» появилась карикатура антисоюзнической направленности, включавшая в себя следующие сюжеты: умершие и умирающие от истощения люди; драка в очереди за хлебом; толпа, осаждающая автобус; человек, впряженный в фаэтон с сидящим англичанином; цепь гор, из-за которых торчат штыки; некто с завязанной головой, закрыв глаза, приложил палец ко рту в знак молчания⁵⁹⁹.

Еще больший резонанс вызвал материал в газете «Набард» от 3 апреля 1943 г. В этой провокационной статье, которая преподносилась читателю как юмористический очерк, содержались подобные небылицы: «между Советским Союзом и Японией заключен договор о союзе против стран "оси", Англии и Америки», «по приказу Смирнова, одетые в желтое войска союзников открыли стрельбу против народа. По его распоряжению пропал керосин, а также прекратило существование сельское хозяйство на юге страны». В этой же статье говорилось о том, что союзники заключили договор о разделе Ирана⁶⁰⁰.

Чтобы печатать подобные измышления, германскому подполью нужны были деньги. Они были нужны и для подкупа избирательных комиссий и покупки голосов в ходе выборов в меджлис. С этой целью предполагалось израсходовать наличность, имевшуюся в распоряжении членов «Меллиуне Иран»⁶⁰¹. Однако этих средств явно не хватало, поэтому Ф. Майер обратился за помощью к Берлину.

По линии СД эта инициатива встретила понимание. 28 июля 1943 г. И. Риббентроп получил от Э. Кальтенбруннера письмо следующего содержания: «Глубоко уважаемый господин министр! Мы связались с Ираном и получили сообщение о возможности германского влияния на ход выборов в иранский парламент...Для Тегерана необходимо 40 тыс. туманов, а для всего остального Ирана - по крайней мере 600 тыс. туманов...»⁶⁰². Но денег на эту операцию Ф. Майер так и не получил. И. Риббентроп, испытывавший неприязнь к коллегам из СД, оставил без внимания их предложение.

Все эти факты говорили о том, что у союзников действительно были серьезные основания опасаться усиления германской активности в Иране и

особенно деятельности Ф. Майера. Поэтому, по всей стране расклеивались листовки с фото этого разведчика с предупреждениями об ответственности за укрывательство немецких агентов. За голову Б. Шульце-Хольтуса предлагалась сумма в 5 млн. туманов, еще большая сумма - за голову Ф. Майера. И надо сказать, что эти опасения были не напрасны.

В этой ситуации англичане вновь подняли вопрос о проведении массовых арестов в Иране. Именно от них летом 1943 г. поступило предложение нанести решающий удар по прогерманским элементам в Иране. Речь шла об аресте 170 человек, включая генерала Пурзанда, депутата Х. Новбахта вместе с сыном, шейха Абдул Маджида Мамасани, Абдул Касема Кашани и других известных деятелей.

Как раз в эти дни союзников ждала удача. 15 августа 1943 г., в самый разгар выборной кампании в меджлис, иранская полиция задержала Ф. Майера. Были захвачены его личное оружие, рация, шифры и весь архив. Среди документов - заготовленные для передачи в Берлин сведения, полученные от источника в иранском генштабе. Вслед за Ф. Майером были арестованы и другие заговорщики, принимавшие участие в операции «Миллион туманов»⁶⁰³.

Представляет интерес дальнейшая судьба Ф. Майера. После ареста он был передан в руки англичан, которые переправили его в Индию, где его следы затерялись. Погиб ли он в британских застенках или в условиях «холодной» войны стал работать на английскую разведку, до сих пор не известно. Мы знаем лишь то, что незадолго до ареста во время одной успешно проведенной операции в руки советских разведчиков попал его дневник.

После того, как союзники запеленговали немецкую радиостанцию, передававшую из Тегерана сообщения в Берлин, они арестовали В. Рокштрока и членов его группы. Не удалось арестовать только Кореля, который вскоре после своего прибытия в Иран умер от тифа⁶⁰⁴. Во время задержания у В. Рокштрока изъяли дневник, а также письма, содержащие важные сведения о работе Ф. Майера и его сподвижников в Тегеране⁶⁰⁵.

Захват Ф. Майера нанес мощнейший удар по всему прогерманскому подполью, так как оставшиеся без руководителя иранцы – члены его организации - прекратили активную деятельность. Подобную ситуацию предвидел сам Ф. Майер, когда писал в своем дневнике: «Если меня поймут, из конуры не вылезет ни одна собака»⁶⁰⁶. Что же касается оставшихся на свободе немцев – его соотечественников, то они были плохо знакомы со страной и не знали обычаев местного населения. И не стоит сомневаться в том, что останься на свободе Ф. Майер, то при условии получения из Берлина новых сумм денег этот германский шпион, наделенный недюжинными организаторскими способностями, организовал бы еще немало неприятностей союзникам.

Нанеся ощутимый удар по германскому подполью, СССР и Великобритания не собирались останавливаться на достигнутом. Решение о демарше перед иранским правительством было принято, и 29 августа в 18.00 Р. Буллард сделал официальное представление премьер-министру А. Сохейли о необхо-

димости пресечения деятельности прогерманских, антисоюзнических сил в Иране и вручил окончательно отредактированный список на аресты лидеров и активистов этих сил. Через час, в 19.00. советский полпред М.А. Максимов сделал свое официальное заявление о поддержке демарша британской стороны⁶⁰⁷.

Сами аресты были произведены 31 августа 1943 г. Утром этого дня англичане самостоятельно арестовали группу руководителей и работников Трансиранской железной дороги. Вечером того же дня аресты произвела иранская полиция. Среди арестованных значились многие влиятельные лица: бывший премьер-министр М. Дафтари, бывший министр путей сообщения Саджади, редактор газеты «Набард» Х. Эгбаль, редактор газеты «Иран ма» Д. Тафазали, бывший начальник жандармерии Аг-Эвли, работники управления полиции С. Заде и Амери, генералы Купал и Пурзанд, полковники Ансари, Афтаси, Бахрами, Джаханбаглу, Джехангири, Манучехри и другие офицеры. Всего было арестовано 180 человек⁶⁰⁸.

Министерство внутренних дел Ирана сообщило по поводу арестов: «Доводится до сведения публики, что недавно раскрыт немецкий диверсионный центр, организованный в целях шпионажа и создания беспорядков. Эта организация имеет различные разветвления, руководимые немцами, нелегально проживающими в Иране. Эта организация готовила бунты и враждебные действия против правительства. Она намеревалась разрушить железнодорожные мосты и туннели, перерезать пути сообщения, чтобы задержать транспортировку грузов союзников и перевозки необходимого Ирану сырья. Эта организация собиралась создать беспокойство в стране и нарушить тесное сотрудничество, существующее между Ираном и союзниками»⁶⁰⁹.

В сравнении с предыдущим годом, реакция иранского общества на проведенные аресты была более спокойной. Газета «Эрфан» писала по этому поводу: «...Находятся такие элементы в нашей стране, деятельность которых направлена против союзников. Деятельность этих лиц наносит вред экономическим и политическим интересам нашей страны и вызывает подозрение у наших союзников. Мы не должны забывать того, что разногласия с союзниками являются разногласиями с интересами нашей страны...»⁶¹⁰. В этом же духе выступили другие газеты. Исключение составила «Миханпарастан», назвавшая арестованных иранскими патриотами, отказавшимися исполнять «гнусные цели» союзников⁶¹¹.

Собравшиеся на очередное заседание депутаты меджлиса, заслушав сообщение премьер-министра о том, что союзники не действовали самостоятельно, а поставили в известность иранские власти, поспешили выразить свою солидарность с позицией правительства. Единственным, кто высказал несогласие с действиями союзников, был генерал Размара, в знак протеста ушедший в отставку.

К вышесказанному стоит добавить, что не все задержанные были агентами немецкой разведки. Многих из них арестовали из-за того, что их фамилии были обнаружены в записной книжке Ф. Майера, что не являлось прямым до-

казательством причастности их к германской шпионско-диверсионной сети. Можно допустить, что Ф. Майер только планировал установить связь с этими людьми.

Как бы то ни было, с этими арестами эффективность работы германской разведки заметно снизилась, а 9 сентября 1943 г. Иран объявил войну Германии. Путем выражения вотума недоверия правительству меджлис подавляющим большинством голосов: 73 против 4-х одобрил этот важный шаг. Решение было немедленно доведено до сведения германского руководства через шведского и швейцарского посланников в Тегеране. Выступая в меджлисе с сообщением об объявлении войны, премьер-министр А. Сохейли заявил: «Немцы стремились посеять разногласия, расколоть нашу нацию и разжечь пламя восстания внутри страны для того, чтобы создать беспокойство в народе и беспорядок в государстве. Иранские власти расценивают подобные действия германского правительства как враждебные, а подстрекательства и средства, которые применялись с целью создания беспорядков и восстаний на всей территории Ирана, как крайне опасные»⁶¹².

Иранские газеты на своих страницах поместили множество статей, посвященных объявлению Ираном войны Германии. В передовой «Эттелаат» заявлялось, что «Иран по существу вступил в войну на стороне союзников еще тогда, когда покойный Али Форуги заключил договор с Англией и СССР, ибо 600 тыс. человек его населения работали и работают для победы союзников на предприятиях и железной дороге». В газете «Аздан» отмечалось, что объявление войны произвело большое впечатление на солдат и офицеров иранской армии. В газете «Имрузу Фарда» в статье под заголовком «Мы должны иметь свою долю в военных действиях» писалось: «...хотя союзники и не требуют нашего непосредственного участия в военных действиях, наше правительство не должно с этим соглашаться. Участие иранцев полезно потому, что наши солдаты и офицеры получают большой опыт и окажут большую помощь армиям союзников»⁶¹³.

На объявление войны Ираном германский МИД отреагировал довольно спокойно. В ведомстве И. Риббентропа считали, что у иранских правителей, оказавшихся под мощным прессом союзников, не было другого выхода. В докладе В. Мельхерса рекомендовалось не делать нападок на иранское правительство, так как «оно уступает противнику, оказывая максимальное сопротивление». Более того, В. Мельхерс, указывая, что «с момента оккупации Ирана иранское правительство с величайшей энергией сопротивлялось требованию врага объявить нам войну, но должно было уступить из-за неопровержимых фактов деятельности наших агентов»,⁶¹⁴ сделал выпад против абвера и СД, обвинив их во всех неудачах германской политики в Иране. При этом он предложил через радио и прессу по-прежнему внушать иранцам мысль о том, что дальнейшие уступки союзникам приведут к гибели иранского государства. Отношение же к иранцам, проживавшим в Германии, предлагалось не менять, так как, по его мнению, «это, главным образом, националисты, враждебно настроенные к англичанам и русским»⁶¹⁵.

Операция «Вайтшпрунг»

Последней крупной операцией нацистов в Иране стал так называемый «Вайтшпрунг». 28 ноября 1943 г. в иранской столице впервые встретились И. Сталин, Ф.Д. Рузвельт, У. Черчилль. Уже после окончания конференции мировой общественности стало известно о том, что руководителям СССР, США и Великобритании, собравшимся в Тегеране, грозила серьезная опасность. Узнав о готовившейся встрече,⁶¹⁶ в Берлине было принято решение организовать операцию под кодовым названием «Вайтшпрунг» («Дальний прыжок»), целью которой была физическая ликвидация или похищение участников Тегеранской встречи.

Версия российских историков о том, что в ноябре 1943 г. германские спецслужбы готовили покушение на «большую тройку», базируется в основном на послевоенных рассказах бывших нацистов и мемуарах участников конференции. По мнению российского исследователя Ф.Я. Румянцева, инициатором «Вайтшпрунга» выступил Э. Кальтенбруннер. Именно он приказал начальнику политической разведки В. Шелленбергу принять соответствующие подготовительные меры⁶¹⁷. Последний, в свою очередь, поручил эту ответственную миссию О. Скорцени. Уже после войны О. Скорцени занялся мемуарной деятельностью и в 1951 г. издал свои воспоминания, в которых он, впрочем, умолчал о «Вайтшпрунге». Однако в 1966 г. бывший разведчик все же признался, что получал приказ выкрасть Ф.Д. Рузвельта⁶¹⁸.

Казалось бы, оснований не верить О. Скорцени нет, тем более что именно ему фюрер доверял организацию самых рискованных операций. К тому же факт заброски в Иран немецких диверсантов весной-летом 1943 г. подтверждается документами из АСВРР. Как ранее говорилось, 29 марта 1943 г. группа парашютистов приземлилась в районе соляного озера близ Кума, а 14 ноября 1943 г. в результате ареста членов этой группы в руки советской контрразведки попал так называемый «иранский дневник» - записи одного из участников операции унтершарфюрера СС В. Рокштрока⁶¹⁹. Документы из АСВРР также подтверждают факт прибытия 15 июля 1943 г. в Иран еще одной группы террористов.

Но имели ли прибывшие в Иран диверсанты задание по ликвидации «большой тройки»? На этот вопрос нельзя ответить положительно. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на тот факт, что впервые вопрос о возможной конференции стал обсуждаться в переписке между И.Сталиным, У. Черчиллем и Ф.Д. Рузвельтом только осенью 1943 г., т.е. в то время, когда германские диверсанты уже находились в Иране. Союзники договорились провести встречу между 15 ноября и 15 декабря, однако место ее проведения вызвало у них серьезные разногласия. У. Черчилль вначале предлагал встретиться на Кипре или в Хартуме (Судан), но затем согласился с предложенным 8 сентября И.В. Сталиным планом организовать встречу в Тегеране⁶²⁰.

Сначала тегеранский вариант отвергал и американский президент. В качестве места встречи он предлагал Басру, Каир, Багдад и только 8 ноября согла-

сился с предложением И. Сталина. Таким образом, в Берлине могли узнать о Тегеране как о месте встречи «большой тройки» только в сентябре, из чего следует, что ни один из летних десантов не мог иметь задания по ликвидации лидеров стран антигитлеровской коалиции. Это подтверждает и принимавший участие в конференции в качестве переводчика В.М. Бережков, заявлявший, что гитлеровская разведка, расшифровав американский военно-морской код, могла знать о Тегеране как о месте будущей встречи к середине сентября 1943 г.,⁶²¹ и, следовательно, только тогда начать подготовку к осуществлению намеченной акции.

Можно предположить, что задание по ликвидации «большой тройки» группы В. Рокштрока и М. Курмиса могли получить по радио. Но в этом случае у немцев оставалось совсем мало времени, что изначально делало призрачными шансы на успех операции. Поэтому вполне естественно, что в «иранском дневнике» В. Рокштрока не было никаких упоминаний о «Вайтшпрунге».

В связи с вышесказанным маловероятной выглядит версия Ф.Я. Румянцева, утверждавшего, что «жарким летним днем 1943 г.» (выделено мною. – А.О.) в Анкару к германскому послу фон Папену прибыл специальный уполномоченный Гимmlера и сообщил, что РСХА взяла на себя организацию убийства «большой тройки»⁶²².

Теоретически задача ликвидировать «большую тройку» могла быть возложена только на одну группу, группу из восьми парашютистов, которую, по мнению Ф.Я. Румянцева, 15 ноября 1943 г. самолет типа «Юнкерс-52» сбросил близ Шираза⁶²³. Однако эти сведения не подтверждаются архивными документами. По крайней мере в них отсутствует какое-либо упоминание о германских диверсантах, появившихся в Иране в ноябре 1943 г.

Если же допустить, что версия Ф.Я. Румянцева верна, и что диверсанты, имевшие задание по ликвидации «большой тройки» были заброшены в район Шираза, то нельзя не обратить внимание на то, что выполнить столь ответственную миссию они могли только с помощью Ф. Майера. Поэтому его арест имел такие далеко идущие последствия, так как оставшиеся на свободе иранские националисты – члены его организации, прекратили активную деятельность⁶²⁴. Они были готовы продолжать сотрудничество с немецкими спецслужбами во имя изгнания из страны иностранных войск, но ни при каких обстоятельствах не собирались участвовать в физической ликвидации И. Сталина, У. Черчилля, а тем более президента США. Поэтому надеяться на помощь со стороны «Меллиуне Иран» О. Скорцени не приходилось.

Случилось так, что в день, когда в Берлине принимали решение о «Вайтшпрунге», главный его исполнитель уже как минимум две недели находился в плену у союзников. «После поспешного бегства из Тегерана турецкую границу перешел наш активный сторонник. От него мы узнали о провале нашей разведывательной сети в Иране: центральная организация разгромлена, все до единого арестованы, ему одному удалось скрыться. Нам не оставалось ничего другого, кроме как отменить вылет готовой к операции группы», - эти слова О. Скорени убеждают в том, что в Берлине было принято решение отказаться

от операции и не посылать осенью 1943г. диверсантов в Иран⁶²⁵. «Вайтшпрунг» бесславно завершился, не успев начаться.

Поражает та оперативность, с которой советская разведка представила И. Сталину информацию о готовившемся немцами «Вайтшпрунге». Соответствующий сигнал был направлен в Москву Николаем Кузнецовым, получившим сведения об акции от штурмбанфюрера СС Ульриха фон Ортеля – одного из участников «Вайтшпрунга»⁶²⁶.

Несмотря на то, что в Иране практически не осталось агентов абвера и СД, способных организовать покушение на «большую тройку», советские органы безопасности решили принять меры, чтобы полностью исключить даже самую возможность каких-либо враждебных акций. В первую очередь стояла задача обеспечить безопасность президента США: американская миссия в Тегеране находилась на окраине города, тогда как дипломатические представительства СССР и Великобритании находились в центре города, примыкая, друг к другу. Если бы Ф.Д. Рузвельт остановился в здании своей миссии, то ему бы пришлось ежедневно ездить по узким тегеранским улицам, где его могли поджидать агенты стран «оси». Поэтому министр иностранных дел СССР В. Молотов, сообщив о деятельности в Иране фашистской агентуры, предложил американскому президенту остановиться в советском посольстве, где были созданы прекрасные условия для пребывания большого гостя.

Малоизвестный факт – Ф.Д. Рузвельт сам выразил желание проживать в советском посольстве. Накануне конференции он отклонил полученное официальное приглашение от Лондона остановиться в здании английского дипломатического представительства. Как следует из архивных документов, американский посол в Тегеране Дрейфус даже попросил М. Максимова послать из Москвы телеграмму с приглашением остановиться Ф.Д. Рузвельту в советском посольстве. В ходе этой же беседы Дрейфус непрозрачно намекнул, что сделать это надо так, «чтобы не вышло, что Рузвельт напрашивается на приглашение»⁶²⁷.

В результате Ф.Д. Рузвельт, вначале отклонивший приглашение советской стороны, получив предупреждающее письмо И. Сталина, приказал упаковать свои чемоданы и вместе с ближайшими помощниками отправился в посольство СССР, которое, по словам английского исследователя Е.Х. Кукриджа, «быстро превратилось в небольшую крепость, охраняемую отборными солдатами»⁶²⁸. На решение президента повлиял и тот факт, что информацию о готовившемся покушении подтвердил начальник его секретной охраны Майк Рейли, которому Ф. Д. Рузвельт не имел оснований не доверять. И уже в три часа дня 28 ноября американский президент вместе со своими ближайшими помощниками переселился на территорию советского посольства. Остальная группа лиц, а всего в состав делегации входило 77 человек, прибывших вместе с президентом, остановилась в Кемп-Парке, где помещался штаб американских войск⁶²⁹.

Надо отдать должное советскому лидеру, который, воспользовавшись полученной информацией о готовившемся «Вайтшпрунге», сумел уговорить американского президента принять приглашение. Это была дипломатическая

победа, позволившая И. Сталину установить более близкий контакт с Ф.Д. Рузвельтом и получить его поддержку в вопросе противодействия инициативе У. Черчилля открыть второй фронт на Балканах. Есть даже сведения, что по личному указанию вождя все комнаты посольства были оборудованы подслушивающими устройствами, что позволило ему быть в курсе всех разговоров президента США⁶³⁰. В этом смысле «Вайтшпрунг» даже сыграл на руку И. Сталину. Стоит добавить, что И. Сталин при его болезненной подозрительности вряд ли предложил Тегеран в качестве места встречи, если бы не был полностью уверен в собственной безопасности.

Из всех участников конференции больше других опасался покушения У. Черчилль. «Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моему прибытию на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении трех миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два – три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой», - таким образом зафиксировал свои опасения перед возможным терактом английский лидер⁶³¹. Страх перед покушением был столь велик, что У. Черчилль, не понимая тайной игры И. Сталина, не только поддержал предложение советской стороны о переезде президента США в посольство СССР, но и лично уговаривал Ф.Д. Рузвельта принять этот «разумный совет».

Для того чтобы у американского президента не было никаких опасений, в Тегеран для охраны города и аэродрома были введены танковый полк и полк НКВД. Была учреждена особая комендатура советской части Тегерана. Для большей безопасности здания советского посольства и английской миссии были перекрыты брезентовыми стенками. По городу патрулировали воинские наряды союзников, усиленная охрана была выставлена в районе, где проводилась конференция. Обширная территория посольства СССР с большим старинным парком надежно охранялись снаружи и внутри двойным кольцом автоматчиков⁶³².

В те дни спецслужбы союзников не церемонились с иранскими подданными. Появлялось малейшее подозрение – и на улице могли схватить любого прохожего и отпустить только после окончания конференции. Одного иранца, пришедшего в качестве гостя на свадьбу, взвод автоматчиков арестовал во время торжеств, на которых, кроме него, присутствовало еще 200 человек⁶³³.

Естественно, что при подобных мерах безопасности конференция прошла без эксцессов. Главы государств–участников антигитлеровской коалиции ежедневно собирались в советском посольстве и только 30 ноября, в день своего рождения, У. Черчилль пригласил И. Сталина и Ф.Д. Рузвельта на торжественный обед в английскую миссию. Но и здесь все прошло благополучно. Советские контрразведчики обыскали здание английской дипломатической миссии снизу доверху: заглядывали за каждую дверь и под каждую подушку, а около 50

вооруженных сотрудников НКВД во время обеда заняли позиции у всех окон и дверей⁶³⁴.

Уместно будет сказать о том, что сам факт конференции иранское правительство и союзники пытались скрыть от общественности. Когда депутаты меджлиса предложили Сохейли организовать демонстрацию жителей Тегерана, приветствующих участников совещания, то получили отказ.

В дни проведения конференции телеграфная связь между Тегераном и шахристанами была прервана, радио не работало. Это крайне напугало жителей провинции и каждый на свой страх и риск начал распространять различные новости. В некоторых местах это заразило даже прессу. Отдельные газеты всерьез писали о военном перевороте и разного рода «политических революциях» в столице. «В течение четырех дней прервана наша связь. Телеграммы в Тегеран не принимаются, тегеранское радио молчит, ни один путешественник не выехал из Тегерана. Удивительно, что даже Кум и Алибад, расположенные вблизи Тегерана, не знают, что в нем происходит. Население города обеспокоено... Шах оставил Тегеран, и в Тегеране царит террор. Народ, недовольный выборами, совершил революцию. В Тегеране бунт. Народ разрушил беспроволочный телеграф, радиостанцию, телеграф, почту и другие важные центры связи... Народ убил тысячу предателей, все улицы залиты их кровью, тюрьмы полны предателей, людьми, предавшими родину и депутатами меджлиса прежнего созыва», - писала, к примеру, «Иран ма»⁶³⁵.

Сами иранские лидеры узнали о том, что в их столице планируется конференция только 22 ноября 1943 г. во время встречи М. Максимова с А. Сохейли. «Прошу немедленно передать господину Молотову от имени шаха, иранского правительства и народа, что иранское правительство не только не имеет никаких возражений против данного сообщения, но и счастливо увидит в своей стране представителей СССР и других союзных держав»⁶³⁶, - таковая была реакция иранского премьер-министра, услышавшего сообщение о готовившейся встрече.

Вернемся несколько назад и расскажем о пребывании «большой тройки» в Тегеране. В связи с прибытием в страну И. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля шахом каждому из них были преподнесены знаменитые персидские ковры. Так руководителю советского государства вручили ковер хоросанской работы, которых в Иране насчитывалось всего три экземпляра⁶³⁷.

Шах целенаправленно искал встречи с «отцом народов». 29 ноября министр иностранных дел Ирана Саед попросил у М. Максимова организовать встречу лидеров Ирана и СССР. «Шах готов приехать в посольство, если маршал примет его там. Он хотел бы побеседовать с маршалом И. Сталиным по дружески и подольше»⁶³⁸, - сообщил Саед М. Максимова о шахских намерениях. И просьба правителя Ирана была услышана. Более того, советский лидер – единственный из руководителей великих держав, нашел время лично посетить шаха.

2 декабря руководители союзных держав вылетели на самолетах в свои страны, а 6 декабря все тегеранские газеты поместили «Декларацию трех держав

об Иране», информацию о тегеранской конференции, прощальные телеграммы И. Сталина и В. Молотова.

С инициативой декларации выступили сами иранские лидеры, пытавшиеся выжать максимум из факта проведения конференции в столице Ирана. Ранним утром 29 ноября Сохейли встречаясь с А. Иденом, поставил перед ним вопрос о желательности опубликования от имени трех сторон – СССР, США и Великобритании декларации, касающейся Ирана. «По мнению иранцев», - сказал Сохейли, «в декларации можно был бы затронуть три основных положения: 1. Союзники подтверждают тройственный договор о сохранении полного суверенитета и независимости Ирана на будущее время; 2. Союзники подчеркивают, что Иран в данный период оказывает содействие и помощь делу союзников, участвуя всеми средствами в транспортировке грузов для союзников; 3. После войны союзники окажут возможную экономическую помощь Ирану»⁶³⁹. И надо сказать, это иранским лидерам удалось – декларация увидела свет.

6 декабря в связи с опубликованием декларации руководителей союзных держав в отношении Ирана во дворце министерства иностранных дел состоялся банкет. На праздничном вечере присутствовали члены правительства, члены дипломатического корпуса, депутаты меджлиса, высшие армейские чины, редакторы газет и их жены. От правительства Советского Союза с торжественной речью выступил полпред М. Максимов⁶⁴⁰.

Главная причина неудачи «Вайтшпрунга» видится не столько в принятых мерах по обеспечению безопасности «большой тройки», сколько в кропотливой плодотворной работе, которую на протяжении всей войны вели в Иране английская и особенно советская разведки. В самом Тегеране располагалась главная резидентура, которую возглавлял разведчик И.И. Агаянц. Ей были подчинены до 40 периферийных резидентур и разведпунктов. В них работали 120 оперативных сотрудников, среди которых выделялись опытные разведчики: Г.И. Акжигитов, В.И. Вертипорох, П.И. Журавлев, Р.И. Иноятов, Н.П. Лысенков, А.П. Мангасаров, Г.И. Олифиренко, Н.П. Пекельник. Кроме того, около 400 местных жителей помогали советской разведке, в основном это были хорошо информированные лица из разных слоев иранского общества, способные решать разведывательные задачи. Особенно отличилась группа из семи молодых иранцев, с помощью которых было выявлено не менее 400 человек, связанных с германскими спецслужбами. Эти юные разведчики, которым к концу войны не исполнилось и 20 лет, передвигались по Ирану на велосипедах, и их появление на улицах не вызывало подозрений у германских агентов⁶⁴¹. Руководил группой «Амир». Под этим псевдонимом работал будущий герой Советского Союза, разведчик Геворг Андреевич Вартянян.

Уже после войны в вестибюле служебного входа в советское посольство в правом крыле здания были установлены две мраморные доски. Медными буквами на фарси и на русском языке они напоминали, что в 1943 г. здесь проходила Тегеранская конференция. Так было до исламской революции. В 1980 г. толпа вдребезги разбила одну из них – сделанную из мрамора, другая – сделанная из более прочного материала получила значительный урон, но осталась цела⁶⁴².

Увы, только эта мемориальная доска стала единственным напоминанием о проведенной конференции.

Анализируя события ноября-декабря 1943 г. было бы несправедливо не отметить материал Г. Зотова, опубликованный к 60-й годовщине проведения Тегеранской конференции. Следуя версии Г. Зотова у немцев было несколько планов покушения на «большую тройку»: от проникновения в здание советского посольства через водостоки до его бомбардировки с воздуха нагруженным взрывчаткой самолетом⁶⁴³. Однако эти сенсационные сведения не подтверждаются ссылками на архивные документы, что существенно снижает их ценность для науки.

Как бы то ни было, попытка ликвидации «большой тройки» была последней крупной операцией германских спецслужб и попыткой неудачной, что сразу же сказалось на авторитете немцев в Иране. Германское влияние приближалось к нулю, с каждым днем немецкие агенты теряли своих сторонников. Тот же Насыр-хан, принесший столько хлопот англичанам, был вынужден пойти с ними на контакт.

Надо сказать, что иранское правительство удовлетворило почти все требования кашкайцев. Их автономия была признана и гарантирована. Губернатором провинции Фарс стал человек Насыр-хана. Самому Насыр-хану было обещано депутатское место в меджлисе. Отныне война ему была не нужна. Кроме того, братья Насыр-хана по возвращении на родину были схвачены англичанами, которые уведомили вождя кашкайцев, что если он не выдаст немцев, то оба его брата будут надолго брошены в тюрьму⁶⁴⁴. В такой ситуации Насыр-хан посчитал целесообразным принести в жертву германских агентов, и весной 1944 г. по его указанию вождь племени кашкули Фатхулла-хан выдал англичанам находившихся у него в лагере четырех немецких парашютистов. Затем властям были выданы Б. Шульце-Хольтус, М. Курмис, Херберс и другие агенты. Таким образом, неудача «Вайтшпрунга» и последующие аресты германских агентов подвели черту под деятельностью гитлеровской агентуры в Иране.

В дальнейшем англичане обменяли Б. Шульце-Хольтуса на одного английского разведчика, арестованного в Германии в январе 1945 г. Но пройти через английские лагеря Б. Шульце-Хольтусу все же пришлось, но уже после войны. Настигло возмездие и Р. Гамотту, которого спецслужбы союзников арестовали в Австрии.

Что касается Х. Новбахта, то он, не дожидаясь ареста, сам явился к англичанам. Последние, допросив депутата, передали его советским компетентным органам. Интересно, что, отвечая на вопросы советского следователя, он утверждал, что англичане охотились за ним, обвиняя в просоветской агитации среди южных племен! Более того, лидер «Голубой партии» просил не возвращать его британцам, заявив при этом, что готов просидеть десять лет в СССР, чем вновь попасть в руки англичан, так как их «доброе отношение к нему он считает лицемерием»⁶⁴⁵.

Постепенно стабилизировалась обстановка на советско-иранской границе. Последний известный случай задержания датируется 28 июня 1944 г., когда на контрольно–пропускном пункте Шарлаук были арестованы две женщины, оказавшиеся немецкими шпионками⁶⁴⁶.

Действовавшие в Иране в годы войны «Меллиуне Иран», «Голубая партия» и другие националистические организация исчезли с политической арены Ирана. Их трагедия заключалась в том, что своими союзниками они выбрали германских фашистов, для которых свобода и независимость Ирана были всего лишь пропагандистским трюком, с помощью которого они рассчитывали поднять иранцев на борьбу со странами антигитлеровской коалиции. Обе стороны объединяла лишь вражда к Великобритании, а этого было недостаточно для обеспечения прочного сотрудничества. Иранские националисты упустили из виду, что гитлеровская Германия ставила своей целью завоевание мирового господства, а в этом случае Ирану нечего было надеяться на свободу и независимость. И к чести иранских националистов, свое сотрудничество с Третьим рейхом они видели не как слепое выполнение приказов носителей высшей «нордической» расы, а старались занимать самостоятельные позиции при решении важных для развития их страны вопросов. Только осознание факта, что германские фашисты не являются их подлинными союзниками, пришло к иранским националистам слишком поздно - к концу войны. Как видим, политика нацистской Германии в Иране потерпела крах. Немецким фашистам так и не удалось втянуть Иран в войну и использовать его как плацдарм для дальнейшего продвижения в Британскую Индию.

Заключение

Как мы могли убедиться, для иранской политики нацистской Германии на Среднем Востоке было характерно использование различных методов и способов экспансии. Система, созданная Гитлером, предполагала постоянное соперничество между различными службами: абвером и СД, правящей партией и министерством иностранных дел. По мнению фюрера, постоянная конкуренция различных правительственных и неправительственных организаций должна была порождать нестандартные пути решения внешнеполитических задач. Наиболее ярким проявлением такого подхода стала поддержка правящего режима в Иране с одновременной подготовкой государственного переворота. С одной стороны, это придавало динамизм иранской политике нацистской Германии, а с другой стороны, наносило ущерб интересам Третьего рейха, так как давало понять лидерам Ирана, что они всего лишь пешки в игре Гитлера за мировое господство. Реза-шах Пехлеви пытался с помощью немцев провести индустриализацию страны, снабдить армию современным оружием, но не желал быть слепым орудием в руках Гитлера. Неудивительно, что противоречивость и непоследовательность германского руководства, разногласия в его рядах вызвали разочарование даже среди прогермански настроенных кругов в Иране.

Однако главной причиной провала тайных миссий германской разведки, как в Иране, так и в целом на Среднем Востоке, были победы Красной Армии на советско-германском фронте. Общественное мнение в средневосточных государствах зависело от положения на этом театре военных действий. Поражения вермахта заставили иранских националистов отказаться от сотрудничества с гитлеровцами.

Эффективное сотрудничество советских и английских спецслужб и дипломатических представительств, начавшееся сразу после начала германской агрессии против СССР, послужило еще одной причиной провалов агентов абвера и СД, орудовавших в Иране. В результате их взаимодействия подрывная деятельность германской агентуры к концу 1943 г. была нейтрализована.

Таким образом, иранская политика нацистской Германии на Среднем Востоке, орудием которой выступали спецслужбы, несмотря на ряд достигнутых накануне Второй мировой войны успехов, в конечном счете, закончилась крахом. И, тем не менее, история политики Третьего рейха в этом стратегически важном районе планеты дает несколько уроков современным политикам, а именно: умелое использование религиозного фактора, особенностей менталитета восточных народов, умение играть на националистических чувствах и лавировать между различными группировками, способность находить поддержку со стороны других европейских держав являются важнейшими условиями проведения эффективной политики на Среднем Востоке и сегодня.

---

¹ Следуя принятой в отечественной истории, политологии и географии традиции автор подразумевает под термином «Средний Восток» условный район Азии, на терри-

тории которого расположены Иран и Афганистан. См.: **Географический энциклопедический словарь** [Текст] / Гл. ред. А.Ф. Трешников. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - С. 403.

² **АСВРР**. - Д. 28211. - Т. 1, 2, 3, 4, 5.

³ **АВП РФ**. - Ф. 06 (секретариат В. Молотова). - 1941. - Оп. 3. - П. 9. - Д. 104; Ф. 071 (референтура по Афганистану). - 1939. - Оп. 21. - П. 118. - Д. 2; Ф. 071. - 1941. - Оп. 23. - П. 195. - Д. 2; Ф. 071. - 1942. - Оп. 24. - П. 199. - Д. 2; Ф. 94 (референтура по Ирану). - 1935. - Оп. 48. - П. 48. - Д. 26; Ф. 94. - 1936. - Оп. 20а. - П. 121. - Д. 2, 3; Ф. 94. - 1936. - Оп. 20а. - П. 122. - Д. 4; Ф. 94. - 1937. - Оп. 21а. - П. 122. - Д. 2; Ф. 94. - 1938. - Оп. 22. - П. 60. - Д. 25; Ф. 94. - 1939. - Оп. 23а. - П. 124. - Д. 3, 4; Ф. 94. - 1940. - Оп. 24. - П. 66. - Д. 4; Ф. 94. - 1941. - Оп. 26. - П. 68. - Д. 1; Ф. 94. - 1941. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 11, 12; Ф. 94. - 1941. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30; Ф. 94. - 1941. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31, 35; Ф. 94. - 1941. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 51, 53; Ф. 94. - 1941. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1; Ф. 94. - 1942. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 1, 2, 4; Ф. 94. - 1942. - Оп. 27. - П. 70. - Д. 5, 6; Ф. 94. - 1943. - Оп. 30. - П. 76. - Д. 22; Ф. 94. - 1943. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 28, 31; Ф. 94. - 1943. - Оп. 30. - П. 79. - Д. 62; Ф. 094. - 1939. - Оп. 23. - П. 324а. - Д. 3; Ф. 094. - 1939. - Оп. 23. - П. 325. - Д. 20; Ф. 094. - 1940. - Оп. 24. - П. 327. - Д. 12, 13; Ф. 094. - 1940. - Оп. 24. - П. 328а. - Д. 45, 46; Ф. 094. - 1941. - Оп. 26. - П. 331а. - Д. 17, 21; Ф. 094. - 1942. - Оп. 27. - П. 70. - Д. 15; Ф. 094. - 1942. - Оп. 27. - П. 71. - Д. 16; Ф. 094. - 1943. - Оп. 29. - П. 304. - Д. 29; Ф. 094. - 1943. - Оп. 29. - П. 339. - Д. 2; Ф. 094. - 1943. - Оп. 29. - П. 339а. - Д. 15.

⁴ **РГВА**. - Ф. 25895 (Управление Среднеазиатского военного округа). - 1934-1935. - Оп. 1. - Д. 905; Ф. 25895. - 1938. - Оп. 1. Д. 932, 933, 934; Ф. 25895. - 1939. - Оп. 1. - Д. 937, 940, 943-945.

⁵ **ЦАМО**. - Ф. 209 (Управление Закавказского фронта). - Оп.1089. - Д. 13, 16, 17, 18, 20, 21, 23, 26; Ф. 447 (Управление 53-й Отдельной среднеазиатской армии). - Оп. 1081. - Д. 5д, 6, 6а, 11.

⁶ **ЦМФПС**. - Документальный фонд. - П. 97. - Д. 8. - Ед. хр. 2108; Позитивный фотофонд. - Ед. хр. 1496, 1732, 1734.

⁷ **ЦМВС**. - Ф. 3. - Ед. хр. 28095.

⁸ **Akten zur deutschen auswärtigen Politik** [Text].- Ser. D (1937-1941). - Bd. 8, 9, 10, 12.1, 12.2, 13.1. - Baden-Baden: Imp. nac., 1961-1970; Ser. E (1941-1945). – Bd. 2, 3. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972-1974.

⁹ **Гальдер, Ф.** Военный дневник [Текст]: в 3-х т. Т. 1-2. / Франц Гальдер: перевод с нем. - Воениздат, 1968-1969.

¹⁰ **Анатомия войны** [Текст]. Новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне: [пер. с нем. Г.В. Владимирова и А.Л. Ларионова]; под ред. Г.А. Александрова и М.Ю. Вагинского. - М.: Прогресс, 1971; [**Дашичев, В. И.**] Банкротство стратегии германского фашизма [Текст]: в 2-х т. - Т. 2. Пер. с нем. / Вячеслав Иванович Дашичев; отв. ред. А.М. Самсонов. - М.: Наука, 1973; **«Совершенно секретно! Только для командования!»** [Текст]. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы: [пер. с нем.]; сост. В.И. Дашичев; под ред. Н.Г. Павленко. - М.: Наука, 1967; **Советско-нацистские отношения** [Текст]. Документы. - Париж - Нью-Йорк: Третья волна, 1983; **Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs 1934-1935 und 1939-1940** [Text]. - München: Deutschen Taschenbuch Verlag, 1964; **Hitlers Weisungen für die Kriegführung** [Text]. - München:

Deutscher Taschenbuch Verlag, 1965; [**Hubatsch W.**] Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1935-1945 [Text] - Frankfurt a.M.: Bernard & Graafe 1962; **Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. 1940-1945** [Text]. - Bd. 1. - Frankfurt a. M.: Bernard Graafe Verlag, 1965; **Lagebesprechungen im Führerhauptquartier** [Text]. Protokollfragmente aus Hitlers militärischen Konferenzen 1942-1945. Dokumente. Hrsg. von Helmut Heiber. - München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1963; [**Schnabel, R.**] Tiger und Schakal [Text]. Deutsche Indienpolitik 1941-1943. Ein Dokumentarbericht. - Wien: Europa Verlag, 1968.

¹¹ **Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны** [Текст]. Документы и материалы: в 3-х т. - Т. 1. - М.: Госполитиздат, 1946; **Документы внешней политики СССР** [Текст]. - Т. 18-21. - М.: Политиздат, 1974-1977; **Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941-1945** [Текст]: в 2-х т. - Т. 1. - М.: Госполитиздат, 1957; **Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях** [Текст]. - М.: Издательство МИД, 1946; **СССР и германский вопрос. 1941-1949.** [Текст]. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. - Т. 1. - М.: Международные отношения, 1996.

¹² **Арзеш-е масса и-е Иран дар джанг-е 1939-1945** [Текст] / Бе галам-е Мохаммад Хан Малек. – На перс. яз. - Т. 1. – Тегеран, 1945; [**Бадахшан, М.**] Иран дар шахриваре 1320 [Текст] / Мансур Бадахшан. - Бабол: Бонгахе пирузи, 1942.

¹³ **Бурцев, М.И.** Боевая деятельность востоковедов в политорганах советских войск в Иране [Текст] / Михаил Иванович Бурцев // Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941 - 1945. - М.: Наука, 1985. - С. 92-93; **Гречко, А.А.** Битва за Кавказ [Текст] / Андрей Анатольевич Гречко. - М.: Воениздат, 1973; **Зорин, Л.И.** Особое задание [Текст] Леонид Иванович Зорин // Вопросы истории. - 1985. - № 3. - С. 75-87; **Казаков, М.И.** Над картой былых сражений [Текст] / М.И. Казаков. - М.: Воениздат, 1971; **Павлов, Н.** Теперь об этом можно рассказать [Текст] Н. Павлов // Новое время. - 1970. - № 22. - С. 28-31; **Судоплатов, П.А.** Разные дни тайной войны и дипломатии [Текст] / Павел Анатольевич Судоплатов. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; **Комиссаров, Д.С.** Иран: взгляд в тревожное прошлое [Текст] / Д.С. Комиссаров // Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941-1945. - М.: Наука, 1985; **Бережков, В. М.** В то время в Иране [Текст] Владимир Михайлович Бережков // Азия и Африка сегодня. - 1984. - № 11. - С. 15-16.

¹⁴ **Blücher, W. von.** Zeitwende in Iran [Text] / W. von Blücher. - Б.М.: Erlebnisse und Beobachtungen, Biberach an der Riss. Koeler and Voigtlander, 1949.

¹⁵ **Schulze-Holthus, B.** Frührot in Iran [Text] / Bruno Schulze-Holthus. Abenteuer im deutschen Geheimdienst. - Esslingen: Bechtee, 1952.

¹⁶ **Ziemke, K.** Als deutscher Gesandter in Afghanistan [Text] / Kurt Ziemke. - Stuttgart-Berlin: Deutsche Verlag Anst., 1939.

¹⁷ **Бухгайт, Г.** Абвер – щит и меч III рейха [Текст] / Г. Бухгайт. - М.: Яуза, Эксмо, 2005; **Leverkuehn, P.** Der geheime Nachrichtendienst der Wehrmacht im Kriege [Text] / Paul Leverkuehn. - Frankfurt a. M.: Bernard & Graafe, 1964.

¹⁸ **Скорцени, О.** Секретные задания [Текст] / Отто Скорцени: перевод с англ. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

¹⁹ **Бозорг-е Омид, А. Х.** Аз маст ке бар маст. Махтави-е хатерат ва мошaxedат-е Абу-л Хасан-е Бозорг-е Омид [Текст] / Абу-л Хасан Бозорг-е Омид. – На перс. яз. – Тегеран,

1957; **Джаханбани, А.** Хатерати аз доуран-е дерахшан-е Реза-шах-е Кабир [Текст] / Аманолла Джаханбани. – На перс. яз. – Тегеран, 1968; **Хедайат, М.Г.** Хатерат ва хатерат [Текст] / Мехди Голи Хедайат. – На перс. яз. – Тегеран: Зовар, 1965; **Фаррох, М.** Хатерат-е сийаси-е Фаррох [Текст] / Мехди Фаррох. – На перс. яз. – Тегеран: Джавидан, 1968.

²⁰ **Arfa, H.** Under Five Shahs [Text] / Hassan Arfa. - New York.: Morrow, 1965.

²¹ **Pahlavi, M. Reza Shah.** Mission for my Country [Text] / Mohammed Reza Shah Pahlavi. - London: Hutchinson, 1961.

²² **Черчилль, У.** Вторая мировая война [Текст]: в 3-х кн. / Уинстон Черчилль: сокр. перевод с англ. - Кн. 1, 2. - М.: Воениздат, 1991.

²³ **Bullard, W.** Britain and the Middle East [Text] / W. Bullard. - London: Hutchinson Univ. library, 1964; **Skrine, C.** World War in Iran [Text] / Clarmont Skrine. - London: Constable & Company Limited Orange Street, 1962.

²⁴ **Hull, C.** The Memoirs [Text] / Cordell Hull. - Voll. II. - New York: The Macmillan Company, 1948.

²⁵ **Lenczowski, G.** Russia and the West in Iran. 1918-1948 [Text] / Georg Lenczowski. - New-York: Cornell univ. press, 1949.

²⁶ **Гельбрас, Г.** Крах фашистской авантюры в Иране [Текст] Г. Гельбрас // Исторический журнал. - 1942. - № 3-4; **Ерусалимский, А.С.** Иран [Текст] / Аркадий Самсонович Ерусалимский. - М.: б.и., 1944; **Ильинский, Г.Н.** Иран в период общего кризиса мировой капиталистической системы [Текст] / Георгий Николаевич Ильинский. Лекции ВПШ при ЦК КПСС. Кафедра всеобщей истории. - М.: б.и., 1953; **Милов, П. В.** Иран во время и после второй мировой войны [Текст] Петр Владимирович Милов. Лекции ВПШ при ЦК КПСС. - М. б.и., 1949; **Минаев, В. Н.** Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке [Текст] / Владислав Николаевич Минаев. - М.: Госполитиздат, 1942; **Рудных, С. П.** Иран [Текст] / Семен Павлович Рудных. - М.: Воениздат, 1940.

²⁷ **Абдуразаков, Б.** Происки английского и американского империализма в Иране (1941-1947) [Текст] / Б. Абдуразаков. - Ташкент: Госиздат УзССР, 1959; **Балаян, Б.П.** К оценке превентивного переворота в Иране (1941) [Текст] Борис Павлович Балаян // Вестник общественных наук. - 1972. - № 6. - С. 46–54; **Володарский, М.И.** Англо-иранская нефтяная компания - оплот британского империализма в Иране (1901-1951) [Текст]: дис. ...канд. ист. наук. / М.И. Володарский. - М., 1962; **Гордонов, Л.Ш.** Воздушные пути зарубежных стран [Текст] / Лазарь Шоломович Гордонов. - М.: Географиздат, 1961; **Демин, А.И.** Иран накануне второй мировой войны [Текст] / А.И. Демин, В.В. Трубецкой. Иран. Очерки новейшей истории. - М.: Наука, 1976. С. 120-166; **Иванов, М.С.** Новейшая история Ирана [Текст] / Михаил Сергеевич Иванов. - М.: Мысль, 1965; **Иванов, М.С.** Очерк истории Ирана [Текст] / Михаил Сергеевич Иванов. - М.: Политиздат, 1952; **Парвизпур, Б.Х.** Советско-иранские отношения в годы второй мировой войны (1939-1945) [Текст] / Бадр Хасан Парвизпур. - Тбилиси: Мецниерба, 1978; **Попов, М.В.** Крах гитлеровского плана нападения на СССР из Ирана [Текст] / Михаил Васильевич Попов. Ученые записки института востоковедения. - Т. 8. - М., 1953; **Румянцев, Ф.Я.** Тайная война на Ближнем и Среднем Востоке [Текст] / Ф.Я. Румянцев. - М.: Международные отношения, 1972; **Трубецкой, В.В.** Бахтиары [Текст] / Владимир Владимирович Трубецкой. - М.: Наука, 1966.

- ²⁸ **Ибрагимбейли, Х.М.** Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток [Текст] / Хаджи Мурат Ибрагимбейли. – М.: Наука, 1977.
- ²⁹ **Агаев, С.Л.** Германский империализм в Иране [Текст] / Семен Львович Агаев. - М.: Наука, 1969; **Агаев, С.Л.** Иран: внешняя политика и проблема независимости. 1925-1941 [Текст] / Семен Львович Агаев. - М.: Наука, 1971.
- ³⁰ **Арабаджян, З.А.** Иран: власть, реформы, революции (XIX-XX вв.) [Текст] / Завен Артемович Арабаджян. - М.: Наука, 1991; **Арабаджян, З.А.** Иран: противостояние империям (1918-1941) [Текст] / Завен Артемович Арабаджян. - М.: ИВРАН, 1996.
- ³¹ **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» - в никуда: Как был сорван заговор против «Большой тройки» в Тегеране [Текст] / Юрий Львович Кузнец. - М.: Финансы и статистика, 1996; **Кузнец, Ю.Л.** Тегеран-43 [Текст] / Юрий Львович Кузнец. - М.: Яуза, Эксмо, 2003.
- ³² **Райков, А.В.** Опаснейший час Индии [Текст] / Алексей Васильевич Райков. - Липецк: Липецкое издательство Госкомпечати, 1999.
- ³³ **Жигалина, О.И.** Национальное движение курдов в Иране (1918–1947) [Текст] / Ольга Ивановна Жигалина. - М.: Наука, 1988; **Лазарев, М.С.** Курдистан и курдский вопрос (1923-1945) [Текст] / Михаил Семенович Лазарев. - М.: Восточная литература РАН, 2005; **Лазарев, М.С.** СССР и Курдистан [Текст] Михаил Семенович Лазарев // Азия и Африка сегодня. - 1995. - № 4. - С. 8-13.
- ³⁴ **Голуб, Ю.Г.** 1941: Иранский поход Красной Армии [Текст] / Юрий Григорьевич Голуб. Взгляд через годы // Отечественная история. - 2004. - № 3. - С. 20-27.
- ³⁵ **Любин, Д.М.** Ввод советских войск в Северный Иран летом-осенью 1941 г.: военная необходимость или политический расчет [Текст] / Д.М. Любин // Иран и Россия: сборник статей. М.: ИВРАН, 2004. - С. 112-120.
- ³⁶ **Штырбул, А.А.** Советское военное присутствие в Иране (август 1941 – май 1946 гг.) [Текст] / А.А. Штырбул // Актуальные вопросы истории Великой Отечественной войны: Материалы 15-й Всероссийской заочной научной конференции. - СПб: Нестор, 1999. С. 13-16.
- ³⁷ **Алиев, С.М.** История Ирана. XX в. [Текст] / Салех Мамед оглы Алиев. - М.: ИВРАН, Крафт +, 2004.
- ³⁸ **Басов, А.В.** Персидский коридор [Текст] А.В. Басов, Г.И. Гутенмахер // Военно-исторический журнал. -1991. - № 1. - С. 25–33; **Бугай, Н.Ф.** 30-е годы: о депортации иранцев из Азербайджана в Казахстан [Текст] Н.Ф. Бугай // Восток. - 1994. - № 6. - С. 146-154; **Валиева, Д.В.** Советско-иранские культурные связи (1921-1960) [Текст] / Д.В. Валиева. - Ташкент: Наука, 1965; **Волков, Ф.Д.** Тайное становится явным [Текст] / Федор Дмитриевич Волков. - М.: Политиздат, 1989; **Гилязов, И.А.** Восточные легионы: тюрки в составе вермахта [Текст] Искандер Аязович Гилязов // Родина. - 1999. - № 7. - С. 75-79; **Долгополов, Н.М.** С ними можно идти в разведку [Текст] / Николай Михайлович Долгополов. - М.: Воскресенье, 2002; **Зотов, Г.** Сталина, Рузвельта и Черчилля хотели убить самолетом со взрывчаткой [Текст] Г. Зотов // Аргументы и факты. - 2003. - № 48. - С. 16; **Колесников, В.** Тайная миссия Нидермайера [Текст] / В. Колесников // Разведчики и шпионы: сборник очерков. - М.: XXI век – Согласие, 2000. - С. 55–75; **Костромин, Л. П.** Противоборство с фашистской агентурой в Иране [Текст] Л.П. Костромин // Очерки истории российской внешней разведки: в 6-и т. - Т. 4. - М.: Международные отношения, 1999. - С. 324-340; **Лавренов, С.** Советский Союз в локальных войнах и конфликтах [Текст] / С. Лавренов, И. Попов. - М.: Астрель,

2005; **Небренчин, С.М.** За что иранцы благодарны Красной Армии [Текст] С.М. Небренчин, Ю.Л. Вищук // Военно-исторический журнал. - 1997. - № 6. - С. 28-34; **Орлов, Е.А.** Россия и Иран в XX веке (основные этапы взаимоотношений) [Текст] / Евгений Александрович Орлов // Иран: ислам и власть: сб. статей. - М.: Институт востоковедения РАН, Крафт +, 2001; **Поздеева, Л.В.** Англо-американские отношения в годы второй мировой войны. 1939-1941 [Текст] / Лидия Васильевна Поздеева. - М.: Наука, 1964; **Самсонов, А.М.** Вторая мировая война. 1939–1945 [Текст] / Александр Михайлович Самсонов. Очерк важнейших событий. - М.: Наука, 1985; **Сергеев, Ф.М.** Тайные операции нацистской разведки [Текст] / Федор Михайлович Сергеев. - М.: Политиздат, 1991; **Сечкин, Г.П.** Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 [Текст] / Георгий Петрович Сечкин. - М.: Граница, 1993; **Соцков, Л.Ф.** Неизвестный сепаратизм: На службе СД и абвера: Из секретных досье разведки [Текст] / Лев Филиппович Соцков. - М.: Рипол Классик, 2003; **Тихонов, Ю.Н.** Афганская война третьего рейха [Текст] / Юрий Николаевич Тихонов. НКВД против абвера. - М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2003; **Трухановский, В.Г.** Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны [Текст] / Владимир Григорьевич Трухановский. - М.: Наука, 1965; **Ундасынов, И.Н.** Черчилль, Рузвельт и второй фронт [Текст] / Искандер Нуртасович Ундасынов. - М.: Наука, 1965; **Чуев, С.** Проклятые солдаты [Текст] / С. Чуев. - М.: Эксмо, Яуза, 2004; **Эдлинский, С.Ф.** Каспийский транспортный флот в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 [Текст] / Сергей Францевич Эдлинский. - М.: Морской транспорт, 1963.

³⁹ **Алиев, А.А.** Иран VS Ирак [Текст] / Ариф Али-Гусейнович Алиев. История и современность. - М.: МГУ, 2001; **Алиев, С.М.** Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. [Текст] / Салех Мамед оглы Алиев. - М.: Наука, 1985; **Босин, Ю.В.** Афганистан: полиэтничное общество и государственная власть в историческом контексте [Текст] / Ю.В. Босин. - М.: Гуманитарий, 2002; **Генис, В.Л.** Советская Россия и Гилянская революция [Текст] Владимир Леонидович Генис // Азия и Африка сегодня. - 2000. - № 3. - С. 37-42; 2000. - № 4. - С. 42-47; **Дорошенко, Е.А.** Система просвещения в Иране [Текст] Елена Алексеевна Дорошенко. - М.: Издательство восточной литературы, 1959; **Ергешев, И.** Проблемы культурного развития стран Ближнего и Среднего Востока в первой половине XX в. [Текст] / Икрам Ергешев. - Ташкент: Фан, 1979; **Коргун, В.Г.** История Афганистана. XX век. [Текст] / Виктор Григорьевич Коргун. - М.: ИВРАН, Крафт, 2004; **Макеев, Д.А.** Усиление государственной монополизации внешней торговли Ирана в 1929-1933 гг. [Текст] / Д.А. Макеев // Общественно-политическое развитие капиталистических стран в новейшее время. - Владимир, 1988; **Персиц, М.А.** Застенчивая интервенция [Текст] / Моисей Аронович Персиц. О советском вторжении в Иран 1920-1921. - М.: АИРО-XX, 1996; **Рейснер, И.М.** Развитие феодализма и образование государства у афганцев [Текст] / Игорь Михайлович Рейснер. - М.: Издательство академии наук СССР, 1954.

⁴⁰ **Bassewitz, H.** Iran im Wirtschaftsleben des heitigen Orient [Text] H. Bassewitz // Der Neue Orient. - 1936. - № 9-10. - S. 25-26; **Kirchner, I.** Der Nahe Osten [Text] / I. Kirchner. Der Kampf um Vorderasien und Agypten vom Mittelalter bis zur Gegenwart. - Brunn: Rohrer, 1943; **Geyer, D.** Die Sowietunion und Iran [Text] / Dietrich Geyer. Eine Untersuchung zur Aussenpolitik der UdSSR im Nahen Osten. - Tübingen: Bohlou Verlag, 1955; **Kochwasser, F.** Iran und wir [Text] / Fridrich Kochwasser. Geschichte der deutsch-iranischen Handels. - Stuttgart: Kohlhammer, 1961; **Hillgruber, A.** Hitlers Strategie, Politik und

Kriegführung 1940-1941 [Text] / Andreas Hillgruber. - Frankfurt a. M.: Bernard & Graafe, 1965; **Schröder, B.P.** Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg [Text] / Bernd Phillip Schröder. - Göttingen: Musterschmidt Verlag, 1975; **Steppat, F.** Iran zwischen der Großmächten 1941-1948 [Text] / Fritz Steppat. - Oberursel, Taunus: Europa – Archiv, 1948; **Jacobsen, H.A.** 1939-1945 der Zweite Weltkrieg in Chronic und Documenten [Text] / Hans Adolf Jacobsen. - Darmstadt: Wehr und Wissen, 1961.

⁴¹ **Melzig, H.** Resa Schah [Text] / Herbert Melzig. Der Aufstieg Irans und die Grossmächte. - Stuttgart: Union deutsche Verlagsgesellschaft, 1936.

⁴² **Мадер, Ю.** Абвер: щит и меч Третьего рейха [Текст] Юлиус Мадер: перевод с нем. - Ростов–на-Дону: Феникс, 1999; **Mader, J.** Hitlers spionage Generale sagen aus [Text] / Julius Mader. - Berlin: Verlag der Nation, 1983.

⁴³ **Alavi, B.** Kampfendes Iran [Text] / Bozorg Alavi. - Berlin: Dietz Verl., 1955; **Banani, A.** The Modernization of Iran. 1921-1941 [Text] / Amin Banani. - Stanford: Stanford univ. press, 1961; **Годс, М.Р.** Иран в XX веке [Текст] / Махмуд Реза Годс. Политическая история: [пер. с англ.] - М.: Наука, 1994; **Kashani, S. F.** Frontier Fictions. Shaping the Iranian Nation. 1804-1946 [Text] / Sabet Firoozeb Kashani. - Princeton, New Jersey: Princeton univ. press, 1999; **Madani, S. D.** Iranische Politik und Drittes Reich [Text] / S. Djalal Madani. - Frankfurt a. M.: Lang, 1986; **Malekpur, A.** Die Wirtschaftsverfassung Irans [Text] / A. Malekpur. - Berlin, 1935; **Nazari, H.** Der ökonomische und politische Kampf um das iranische Erdöl [Text] / Hassan Nazari. - Köln: Pahl-Rugenstein, 1971; **Ramazani, R.K.** The Foreign Policy of Iran [Text] / Rouhollah K. Ramazani. A Developing Nation in World Affairs. 1500-1941. - Charlottesville: Univ. press of Virginia, 1966; **Fatemi, N.S.** Oil Diplomacy [Text] / Nasrollah Saifpour Fatemi. Powderkeg in Iran. - New York: Whittier Books, 1954; **Hamzavi, A.H.** Persia and the powers [Text] / A.H. Hamzavi. An account of diplomatic relations. 1941-1946. - London: Hutchinson, 1946.

⁴⁴ **Нафиси, С.** Достижения Ирана в эпоху Пехлеви [Текст] / Саид Нафиси. - На перс.яз. – Тегеран, 1939; **Тохмасп, А.Э.** Тарих-и Реза-шах Пехлеви [Текст] / Абдулла Эмир Тохмасп. - На перс. яз. – Тегеран, 1929.

⁴⁵ **Бина, Ф.** Саргозаште Реза-шах [Текст] / Фатхолла Бина. – На перс. яз. - Тегеран: Парвин, 1943; **Магами, Г. Дж.** Зока Йахиа ва дигар. Пишинейе сан ва раже дар Иран. – На перс. яз. – Тегеран: Везарате фарханг ва хонар, 1971; **Зехтаби, М.Р.** Шахсийат-хайе намийе Иран [Текст] / Мохаммед Реза Зехтаби. – На перс. яз. – Тегеран: Падида, 1968.

⁴⁶ **Spector, I.** The Soviet Union and the Muslim World. 1917-1958 [Text] / Ivar Spector. - Seattle: Unif. of Washington press, 1959; **Haas, W.S.** Iran [Text] / William S. Haas. - New York: Columbia Univ. press, 1946; **Avery, P.** Modern Iran [Text] / Peter Avery. - London: Benn, 1965.

⁴⁷ **The Cambridge History of Iran** [Text]. Vol. 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic / edited by P. Avery, G. Hambly, C. Melville. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1991.

⁴⁸ **Kirk, G.** The Middle East in the War [Text] / Georg Kirk. - London: Oxford univ. press, 1953.

⁴⁹ **Elwell-Satton, L.P.** Modern Iran [Text] / L.P. Elwell-Satton. - London: Routledge, 1942; **Элвелл-Саттон, Л.** Иранская нефть [Текст] / Л. Элвелл-Саттон. К истории политики силы: [перевод с англ.] - М.: Издательство иностранной литературы, 1956.

⁵⁰ **Tapper, R.** Frontier nomads of Iran [Text] / Richard Tapper. A political and social history of the Shahsevan. - Cambridge: Cambridge univ. press, 1997.

- ⁵¹ **Vernier, B.** La politique islamique de l'Allemagne en Orient [Text] / Bernard Vernier. - Paris: Centre d'études politique é'mrangere, 1939.
- ⁵² См. например: **Джаханбани, А.** Амалият-е гошун дар Балучестан аз тарихе-е мордал мах ила бахман мах 1307 [Текст] / Аманолла Джаханбани. Чап-е доввом. Бе галлам-е Амир-е лашкаре-е Аманолла Джаханбани. – На перс. яз. – Тегеран, 1957. - С. 10-27.
- ⁵³ **Архив министерства внешнеэкономических связей (АМВЭС).** - Ф. Восточное управление. - 1941 [Текст]. - Оп. 3620. - Д. 20. - Л. 21; **Hershlag, Z.Y.** The Modern Economic History of the Middle East [Text] / Zvi Yehuda Hershlag. - Leiden: E.J. Brill, 1964. - P. 194-196; **Keddie, N. R.** Iran. Religion, Politics and Society [Text] / Nikki R. Keddie. - L.: Frank Cass, 1980. - P. 214.
- ⁵⁴ **Тарихче-йе сахтеманха ва тамират маарефи ва оугафи дар до сал-е 1935-1936** [Текст]. – На перс. яз. - Тегеран, 1936. – С. 25-64.
- ⁵⁵ **Haas, W.S.** - Op. cit. - P. 223.
- ⁵⁶ См. подробнее: **Генис, В.Л.** Красный шантаж: Советская революция в Персии или дипломатический товарообмен? [Текст] Владимир Леонидович Генис // Родина. - 2001. - № 5. - С. 107-111; **Генис, В.Л.** Большевики в Гиляне: провозглашение Персидской советской республики [Текст] Владимир Леонидович Генис // Вопросы истории. - 1999. - № 1. - С. 64-81; **Генис, В.Л.** Советская Россия и Гилянская революция.... - С. 42-47; **Персиц, М.А.** - Указ. соч.
- ⁵⁷ **Валиева, Д.В.** - Указ. соч. - С. 41.
- ⁵⁸ **Blücher, W. von.** - Op. cit. - S. 331.
- ⁵⁹ **Adli, A.** Aussenhandel und Aussenwirtschaftspolitik des Iran [Text] /A. Adli. - Berlin: Duncker und Humblot, 1960. - S. 49.
- ⁶⁰ **ЦХИДК.** - Ф. 1458 [Текст]. - Оп. 30. - Д. 18. - Л. 1-364.
- ⁶¹ **Мадер Ю.** - Указ. соч. - С. 191-192.
- ⁶² **Костромин, Л. П.** - Указ. соч. - С. 331.
- ⁶³ **Кукридж, Е.Х.** Тайны английской секретной службы [Текст] / Е.Х. Кукридж. - М.: Воениздат, 1959. - С. 235-236.
- ⁶⁴ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1936. Пресс сводки из иранских газет за 1936 г [Текст]. - Оп. 20а. - П. 121. - Д. 3. - Л. 41, 157.
- ⁶⁵ **Pal, Dh.** Campaign in Western Asia [Text] / Dharm Pal. Official History of the Indian Armed Forces in the Second World War. 1939–1945. - Calcutta: Bisheshwar Prasad, 1957. - P. 289; **Агаев, С.Л.** Германский империализм в Иране... - С. 93.
- ⁶⁶ **Ерусалимский, А.С.** - Указ. соч. - С. 9.
- ⁶⁷ **РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории).** - Ф. 89. Анна-Мухамедов (секретарь ЦК КП (б) Туркменистана) – И.В. Сталину [Текст]. - Оп. 48. - Д. 8. - Л. 2.
- ⁶⁸ Там же. И.В. Сталин – Анна-Мухамедову. 25 июля 1937 г. [Текст]. - Оп. 48. - Д. 7. - Л. 1.
- ⁶⁹ Там же. Выписка из протокола № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 21 октября 1937 г. [Текст]. - Оп. 73. - Д. 104. - Л. 1.
- ⁷⁰ **Пограничные войска СССР. 1929-1938** [Текст]. Сборник документов и материалов... - С. 275.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² **ДВП СССР** [Текст]. - Т. 19. - М.: Политиздат, 1974. - С. 589.

- ⁷³ **Kochwasser, F.** - Op. cit. - S. 159.
- ⁷⁴ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1936. Обзор тегеранской прессы за 1936 г. [Текст]. - Оп. 20а. - П. 121. - Д. 3. - Л. 65.
- ⁷⁵ **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 28.
- ⁷⁶ **Мадер, Ю.** - Указ. соч. - С. 136.
- ⁷⁷ **ЦМ ФПС.** - Фотофонд. - Ед. хр. 1496, 1732, 1734.
- ⁷⁸ **Пограничные войска СССР. 1939 - июнь 1941** [Текст]. Сборник документов и материалов. - М.: Наука, 1970. - С. 510.
- ⁷⁹ **ДВП СССР** [Текст]. - Т. 19. - М.: Политиздат, 1974. - С. 407.
- ⁸⁰ **РГВА.** - Ф. 25895. - 1939. Агентурное донесение от 7 апреля 1939 г. [Текст]. - Оп. 1. - Д. 943. - Л. 178.
- ⁸¹ Там же. 1938. Селюков. Краткий политический обзор по Ирану на 1 февраля 1938 г. [Текст]. - Оп. 1. - Д. 932. - Л. 115.
- ⁸² Там же. «Семен». Докладная записка [Текст]. - Оп. 1. - Д. 933. - Л. 1-6.
- ⁸³ **Madani, S.D.** - Op. cit. - S. 250.
- ⁸⁴ **Avery, P.** - Op. cit. - P. 310.
- ⁸⁵ Так, германские пропагандисты активно муссировали тезис о принадлежности афганцев к «арийский» расе, что вызвало горячие отклики у афганской интеллигенции. См. подробнее: **Deutsche in Hindukusch, Bericht der Deutschen Hindukusch-Expedition 1935** [Text] - Berlin: Coldmann, 1937; **Herrlich, A.** Land des Lichtes [Text] / A. Herrlich. - München, 1938; **Ziemke, K.** - Op. cit. - S. 148; **Fletcher A.** Afghanistan [Text] / A. Fletcher. Highway of Conquest. - New-York: Ithaca, 1965. - P. 236; **Рейснер, И.М.** Развитие феодализма и образование государства у афганцев [Текст] / И.М. Рейснер. - М.: Издательство академии наук СССР, 1954. - С. 26; **Босин, Ю.В.** - Указ. соч. - С. 109-112.
- ⁸⁶ **Годс, М.Р.** - Указ. соч. - С. 144.
- ⁸⁷ **Алиев, А.А.** - Указ. соч. - С. 509; **Агаев, С.Л.** Германский империализм в Иране... - С. 67-68.
- ⁸⁸ **Ибрагимов, Г.А.** Иран [Текст] / Г. А. Ибрагимов. - Сталинабад: Государственное издательство Таджикистана, 1942. - С. 16.
- ⁸⁹ **Spector, I.** - Op. cit. - P. 186-187.
- ⁹⁰ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1937. Обзор тегеранской прессы за 8 декабря 1937 г. [Текст]. - Оп. 21а. - П. 122. - Д. 2. - Л. 211-212.
- ⁹¹ **РГВА.** - Ф. 25895. - 1938. Переписка с тегеранской резидентурой [Текст]. - Оп. 1. - Д. 932. - Л. 182.
- ⁹² **Алиев, С.М.** Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в... - С. 70; **Kashani, F.** - Op. cit. - P. 218.
- ⁹³ **Алиев, С.М.** История Ирана.... - С. 192, 575.
- ⁹⁴ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1938. Справка: «Еврейская проблема». 16 июня 1938 г. [Текст]. - Оп. 22. - П. 60. - Д. 25. - Л. 92.
- ⁹⁵ **Мани, А.** Дар барейе мохакемате сийсийе 53 нафар [Текст] / А. Мани. - На перс. яз. - Б.м.: Энтешарате Мирак, 1952. - С. 100-112; **Шамиде, М.А.** Хатерате зендан [Текст] / Мохаррам Али Шамиде. - На пер. яз. - Б.м., 1980. - С. 34-57; **Эрани, Т.** Ахерин дэфайе докторе Таги Эрани дар дадгахе дженайийе Техран [Текст] / Таги Эрани. - На перс. яз. - Б.м.: Энтешрате Хэзбе тоудэйе Иран, 197_. - с. 7-25.

- ⁹⁶ **Hüber, R.** Deutschland und der Wirtschaftsaufbau des Vorderen Orients [Text] / Reinhard Hüber. - Stuttgart: Enkel, 1938. - S. 1.
- ⁹⁷ См.: **Melzig, H.** Resa Schah [Text] / Herbert Melzig. Der Aufstieg Irans und die Großmächte. - Stuttgart: Union deutsche Verlagsgesellschaft, 1936.
- ⁹⁸ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1938. Е. Гальперин. Краткий обзор событий по Ирану [Текст]. - Оп. 22. - П. 60. - Д. 25. - Л. 210.
- ⁹⁹ **Ергешев, И.** - Указ. соч. - С. 132.
- ¹⁰⁰ **Sayre, J.** Persian Gulf Command [Text] / Joel Sayre. Some Marvels on the Road to Kazvin. - New York: Random House, 1945. - P. 59.
- ¹⁰¹ **Орлов Е.А.** - Указ. соч. - С. 198.
- ¹⁰² **Гельбрас Г.** - Указ. соч. - С. 64.
- ¹⁰³ В обстановке наметившегося в 1930-е гг. сближения Турции со странами Среднего Востока, когда Турция выступала в качестве посредника в пограничных конфликтах между Ираном и Афганистаном, этот довод германской пропаганды был довольно эффективным.
- ¹⁰⁴ **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 32-33.
- ¹⁰⁵ Технология подкупа стала для гитлеровцев излюбленным методом укрепления собственных позиций на Среднем Востоке. Так, немецкие предприниматели и специалисты, работавшие в Афганистане, отчисляли из своего жалования пять-десять процентов в пользу того или иного министра или руководителя предприятия. Это давало им возможность добиваться увеличения своих окладов. Кроме того, в финансовых сделках с афганцами немцы отчисляли определенный процент в пользу того или иного чиновника, подписавшего выгодную им сделку. См.: **АВП РФ.** - Ф. 071. - 1942. Доклад советского посольства в Кабуле: «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. и начале 1942 г.» [Текст]. - Оп. 24. - П. 199. - Д. 2. - Л. 15.
- ¹⁰⁶ Там же. - Ф. 94. - 1935. Обзор гиланской прессы [Текст]. - Оп. 19. - П. 48. - Д. 26. - Л. 102.
- ¹⁰⁷ **Ильинский, Г.Н.** - Указ. соч. - С. 34.
- ¹⁰⁸ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1937. Обзор тегеранской прессы за декабрь 1937 г. [Текст]. - Оп. 21а. - П. 122. - Д. 2. - Л. 207-213.
- ¹⁰⁹ **РГВА.** - Ф. 25895. - 1938. Селюков (секретарь советского военного атташе в Иране). Краткий политический обзор по Ирану на 1 февраля 1938 г. [Текст]. - Оп. 1. - Д. 932. - Л. 103.
- ¹¹⁰ **Дорошенко, Е.А.** - Указ. соч. - С. 40.
- ¹¹¹ **Генин, И.** Экономическая экспансия германского фашизма в Иране [Текст] И. Генин // Внешняя торговля. - 1938. - № 6. - С. 35.
- ¹¹² **АСВРР.** М.А. Мильштейн. Специальное сообщение. Декабрь 1940 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 2. - Л. 601.
- ¹¹³ **Pahlavi, M. Reza Shah.** - Op. cit. - P. 66; **Hinz W.** Iran [Text] / Walther Hinz. Politik und Kultur von Kyros bis Resa Shah. - Leipzig: Bibliographisches Institut, 1938. - S. 125.
- ¹¹⁴ **АСВРР.** Протокол допроса Г. Радановича-Гартмана. 28 января 1942 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 5. - Л. 11-12.
- ¹¹⁵ **АВП РФ.** - Ф. 094. - 1939. Мицкевич, Злыгарев – И. Карташеву. 15 августа 1939. [Текст]. - Оп. 23. - П. 324а. - Д. 3. - Л. 12.

- ¹¹⁶ **Российский государственный архив экономики (РГАЭ)**. - Ф. 413. - 1936. Докладная записка: «Германия на иранском рынке». 25 сентября 1936 г. [Текст]. - Оп. 13. - Д. 3497. - Л. 117.
- ¹¹⁷ Там же. Отчет торгпредства СССР в Иране за 1936 г. [Текст]. - Оп. 13. - Д. 1390. - Л. 19.
- ¹¹⁸ **АВП РФ**. - Ф. 94. - 1935. Хроника персидской жизни за октябрь 1934 г. [Текст]. - Оп. 19. - П. 48. - Д. 26. - Л. 157; **Banani, A.** - Op. cit. - P. 66.
- ¹¹⁹ **АВП РФ**. - Ф. 94. - 1936. Обзор тегеранской прессы за 1936 г. [Текст]. - Оп. 20а. - П. 121. - Д. 3. - Л. 124, 133.
- ¹²⁰ Там же. - Ф. 94. - 1935. Изменения в личном составе персидской администрации за сентябрь 1934 г. [Текст]. - Оп. 19. - П. 48. - Д. 26. - Л. 150.
- ¹²¹ Там же. - Ф. 94. - 1936. Пресс - сводки из иранских газет за 1936 г. [Текст]. - Оп. 20а. - П. 121. - Д. 2. - Л. 144.
- ¹²² **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)**. - Ф. 532. А. Былова. Справка: «Фашистская пропаганда в Иране» [Текст]. - Оп. 4. - Д. 349. - Л. 2.
- ¹²³ См: **Malekpur, A.** - Op. cit.
- ¹²⁴ **Востров, А.** Некоторые материалы о проникновении германского фашизма в Иран [Текст] А. Востров // Материалы по национально-колониальным проблемам. - 1936. - № 34. - С. 239.
- ¹²⁵ **АВП РФ**. - Ф. 94. - 1935 [Текст]. - Оп. 19. - П. 48. - Д. 26. - Л. 153.
- ¹²⁶ Там же. - Л. 201.
- ¹²⁷ Там же. - Ф. 94. - 1939. Обзор тегеранской печати за 29 августа 1939 г. [Текст]. - Оп. 23а. - П. 124. - Д. 4. - Л. 14.
- ¹²⁸ [**Тарбийат, Г.А.**] Фарханг-е Тарбийат [Текст] / Гулям Али Тарбийат. Фарси-алмани хави мотаджаваз аз бист-о пяндрж хазар логат. Та алиф Гулам Али Тарбият. - На перс. яз. - Тегеран, 1937.
- ¹²⁹ **Ширер, У.** Взлет и падение третьего рейха [Текст]: в 2-х т. Уильям Ширер: перевод с англ. - Т. 1. - М.: Воениздат, 1991. - С. 270.
- ¹³⁰ К вышесказанному стоит добавить, что в Олимпийских играх 1936 г. приняла участие команда из Афганистана - другой страны Среднего Востока. См.: **Коргун, В.Г.** - Указ. соч. - С. 256.
- ¹³¹ **АВП РФ**. - Ф. 94. - 1939. Обзор тегеранской печати за 27 июня 1939 г. [Текст]. - Оп. 23а. - П. 124. - Д. 3. - Л. 61.
- ¹³² Там же. - Ф. 094. - 1941. А. Смирнов (посол СССР в Тегеране) - С. Лозовскому (зам. министра иностранных дел). 19 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 331а. - Д. 17. - Л. 16.
- ¹³³ Там же. - Ф. 094. - 1939. И. Карташев - В. Деканозову, Хавинсону. 27 августа 1939 г. [Текст]. - Оп. 23. - П. 234а. - Д. 13. - Л. 13.
- ¹³⁴ **Madani, S.D.** - Op. cit. - S. 256; **Агаев, С.Л.** Германский империализм в Иране ... - С. 96.
- ¹³⁵ **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 85.
- ¹³⁶ Цит. по: **РГВА**. - Ф. 25895. - 1938. Переписка с тегеранской резидентурой [Текст]. - Оп. 1. - Д. 932. - Л. 98-99.
- ¹³⁷ **АСВРР**. «Кир». Агентурное донесение: «Германские активисты в Иране». 21 августа 1941 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 3. - Л. 343.

- ¹³⁸ **Демин, А.И.** - Указ. соч. - С. 151.
- ¹³⁹ **Попов, М.В.** Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны [Текст] / Михаил Васильевич Попов. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. - С. 29; **Востров, А.** Указ. соч. - С. 242.
- ¹⁴⁰ **РГАЭ.** - Ф. 413. - 1939. Экономические обзоры иранской прессы [Текст]. - Оп. 13. - Д. 2555. - Л. 156.
- ¹⁴¹ **РГАЭ.** - Ф. 413. - 1939. Официальная декларация «Эттелаат». 4 сентября 1939 г. [Текст]. - Оп. 13. - Д. 2555. - Л. 85.
- ¹⁴² **Агаев, С.Л.** Германский империализм в Иране... - С. 75.
- ¹⁴³ До назначения в Тегеран Э. Эттель возглавлял заграничную организацию нацистской партии в Италии. См.: **Kirk, G.** - Op. cit. - P. 131.
- ¹⁴⁴ **Ибрагимбейли, Х.М.** - Указ. соч. - С. 30.
- ¹⁴⁵ **АСВРР.** Протокол допроса Г. Радановича-Гартмана. 28 января 1941 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 5. - Л. 9-10
- ¹⁴⁶ Там же. Справка: «Германская агентура в Иране». 31 декабря 1943 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 423.
- ¹⁴⁷ Цит. по: **Костромин, Л.П.** Указ. соч. - С. 329.
- ¹⁴⁸ **АСВРР.** - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 423.
- ¹⁴⁹ Там же. «Кир». Агентурное донесение: «Германские активисты в Иране». 21 августа 1941 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 3. - Л. 343-344.
- ¹⁵⁰ **Павлов, Н.** - Указ. соч. - С. 29.
- ¹⁵¹ **АСВРР.** Мильштейн. Специальное сообщение. Декабрь 1940 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 2. - Л. 602.
- ¹⁵² Там же. Л. 601.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ **Агаев, С.Л.** Германский империализм в Иране... - С. 96.
- ¹⁵⁵ **Попов, М.В.** Американский империализм в Иране в годы второй мировой войны... - С. 29.
- ¹⁵⁶ **Ибрагимбейли, Х.М.** - Указ. соч. - С. 32.
- ¹⁵⁷ **АВП РФ.** - Ф. 094. - 1941. М. Николаев (временно исполняющий обязанности корреспондента ТАСС в Иране) – Я. Хавинсону. 26 февраля 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 331а. - Д. 17. - Л. 4.
- ¹⁵⁸ Там же. - Ф. 094. - 1940. М. Николаев – Мицкевичу. 27 ноября 1940 г. [Текст]. - Оп. 24. - П. 327. - Д. 12. - Л. 73.
- ¹⁵⁹ Там же. - Ф. 094. - 1940. Н. Климов (второй секретарь полпредства СССР в Иране) – Мицкевичу. 17 июля 1940 г. [Текст]. - Оп. 24. - П. 328а. - Д. 45. - Л. 84.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 47.
- ¹⁶¹ Там же. Н. Климов – Мицкевичу. 23 июня 1940 г. [Текст]. - Оп. 24. - П. 328а. - Д. 45. - Л. 35.
- ¹⁶² Там же. - Ф. 94. - 1941. Протокольные вопросы [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 11. - Л. 10.
- ¹⁶³ Там же. М. Филимонов – С. Лозовскому (заместитель министра иностранных дел СССР). 26 февраля 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 53. - Л. 30.
- ¹⁶⁴ Там же. - Ф. 071. - 1941. Политико-экономический доклад Средневосточного отдела МИД по Афганистану за 1940 г. [Текст]. - Оп. 23. - П. 195. - Д. 2. - Л. 173.

- ¹⁶⁵ **АСВРР.** «Кир». Агентурное донесение: «Германские активисты в Иране». 21 августа 1941. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 3. - Л. 343.
- ¹⁶⁶ Там же. И. Сталину, В. Молотову. Проект доклада. 16 октября 1940 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 2. - Л. 465.
- ¹⁶⁷ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1939. Справка: «Тираж главнейших тегеранских газет» [Текст]. - Оп. 23а. - П. 124. - Д. 3. - Л. 8.
- ¹⁶⁸ Там же. - Ф. 94. - 1941. Кузьмина (заведующая восточным отделом ВОКС) - Антипову. 26 февраля 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 53. - Л. 29.
- ¹⁶⁹ Там же. Кудрявцев – Хейфецу (заместитель председателя правления ВОКС), копия С. Кавтарадзе (заведующий Средневосточным отделом МИД). 19 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 53. - Л. 44.
- ¹⁷⁰ Там же. - Ф. 94. - 1940. Ноты посольства Ирана в Москве в НКВД [Текст]. - Оп. 24. - П. 66. - Д. 4. - Л. 30, 38; **Messerschmidt, E.A.** Iran [Text] / Ernerst A. Messerschmidt. Wirtschaftsgrundlagen und Aussenhandelmöglichkeiten. - Köln: Deutscher Wiertschaftsdienst, 1953. - S. 53.
- ¹⁷¹ **Moorehead, A.** Don't Blame the Generals [Text] / Alan Moorehead. - New York and London: Harper and Brothers Publishers, 1943. - P. 40.
- ¹⁷² **Гальдер, Ф.** - Указ. соч. - Т. 2. - С. 80.
- ¹⁷³ **Румянцев, Ф.Я.** - Указ. соч. - С. 85.
- ¹⁷⁴ **Fraser-Tytler, W. K.** - Op. cit. - P. 252.
- ¹⁷⁵ **АСВРР.** И. Сталину, В. Молотову. Проект доклада. 16 октября 1940 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 2. - Л. 466.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же. Мильштейн. Специальное сообщение. Декабрь 1940 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 2. - Л. 603.
- ¹⁷⁸ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Ноты НКВД в иранское посольство в Москве. 27 марта 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68. - Д. 1. - Л. 29.
- ¹⁷⁹ Сталинская политика депортации коснулась иранцев еще до начала Второй мировой войны, когда решением Политбюро от 19 января 1938 г. НКВД СССР было предложено всех иранцев, проживающих в приграничных районах Азербайджана и оформивших советское гражданство, в месячный срок переселить в Казахстан. См. подробнее: **Бугай, Н.Ф.** - Указ. соч. - С. 146–154.
- ¹⁸⁰ **Mader, J.** - Op. cit. - S. 347.
- ¹⁸¹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Нота НКВД в иранское посольство в Москве. 9 июня 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68. - Д. 1. - Л. 48–49.
- ¹⁸² **Ибрагимбейли, Х.М.** - Указ соч. - С. 32; **Эдлинский, С.Ф.** - Указ. соч. - С. 24.
- ¹⁸³ **Madani, S.D.** - Op. cit. - S. 262.
- ¹⁸⁴ **Костромин, Л.П.** - Указ. соч. - С. 332.
- ¹⁸⁵ Б. Шульце-Хольтус особенно интересен тем, что он стал единственным среди немецких разведчиков, опубликовавшим после войны воспоминания о своей работе в Иране. См. **Schulze-Holthus, B.** - Op. cit.
- ¹⁸⁶ Ibid. S. 29.
- ¹⁸⁷ Ibid. S. 33, 51.
- ¹⁸⁸ Еще в середине 1930-х гг. часть партии «Дашнакцутюн» откололась от основного ядра, вступив в контакт с руководством Третьего рейха, а германское руководство присвоило членам армянской колонии в Берлине статус арийских беженцев. См.: **Чу-**

- ев, С.** - Указ. соч. - С. 519; **Абрамян, Э.** Кавказцы в абвере [Текст] / Эдуард Абрамян. – М.: Быстров, 2006. – С. 249.
- ¹⁸⁹ **Агаев, С.Л.** Германский империализм в Иране... - С. 105.
- ¹⁹⁰ **АСВРР.** Справка: «Германская агентура в Иране». 31 декабря 1943 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 423.
- ¹⁹¹ **Мадер, Ю.** - Указ. соч. - С. 227.
- ¹⁹² Там же. - С. 237.
- ¹⁹³ Там же. - С. 242.
- ¹⁹⁴ См: **Шакибаев, С.** Падение «Большого Туркестана» [Текст] / Серик Шакибаев. Повесть-хроника. – Пер. с каз. - Алма-Ата: Жазуши, 1972.
- ¹⁹⁵ **На рубежах тайной войны** [Текст] / Под ред. А.С. Бойко. - Ашхабад: Туркменистан, 1985. - С. 21.
- ¹⁹⁶ **Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. 1940-1945** [Text]. - Bd. 1. - Frankfurt a. M.: Bernard Graafe Verl, 1965. - S. 328.
- ¹⁹⁷ **Гальдер, Ф.** - Указ. соч. - Т. 1. - С. 453.
- ¹⁹⁸ **Ибрагимбейли, Х.М.** - Указ. соч. - С. 294.
- ¹⁹⁹ [**Hubatsch, W.**] Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1935 - 1945...- S. 129-130; **Jacobsen, H.** - Op. cit. - S. 245.
- ²⁰⁰ **Hitlers Weisungen für die Kriegführung...** - S. 157; **Ибрагимбейли, Х.М.** - Указ. соч. - С. 294.
- ²⁰¹ [**Платонов, Н.А.**] Документы вермахта. Инструкция специальному штабу «Ф» [Текст] // Военно-исторический журнал. - 1987. - № 12. - С. 55-56; **Hitlers Weisungen für die Kriegführung...** - S. 157.
- ²⁰² [**Schnabel, R.**] Tiger und Schakal [Text] / Deutsche Indienpolitik 1941-1943... - S. 272.
- ²⁰³ «Совершенно секретно! Только для командования!» [Текст]. Документы и материалы... - С. 196.
- ²⁰⁴ **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 57.
- ²⁰⁵ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Нота иранского посольства в Москве в НКВД. 26 июня 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 3. - Л. 59.
- ²⁰⁶ **Костромин, Л.П.** - Указ. соч. - С. 327.
- ²⁰⁷ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор тегеранской прессы с 15 мая по 29 июня 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 49.
- ²⁰⁸ Там же. Д. Комиссаров. Справка: «Иранская пресса об СССР». 16 июля 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 69, 89.
- ²⁰⁹ Цит. по: **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 50-52.
- ²¹⁰ «Совершенно секретно! Только для командования!» [Текст]. Документы и материалы ... - С. 213.
- ²¹¹ [**Дашичев, В.И.**] Банкротство стратегии германского фашизма [Текст] / В.И. Дашичев. Документы и материалы.... - С. 53.
- ²¹² **АВП РФ.** - Ф. 071. - 1942. Доклад советского посольства в Кабуле «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. и начале 1942 г.» [Текст]. - Оп. 24. - П. 199. - Д. 2. - Л. 52.
- ²¹³ Цит. по: **Madani, S. D.** - Op. cit. - S. 262.
- ²¹⁴ **ЦХИДК.** - Ф. 1363 [Текст]. - Оп. 5. - Д. 69. - Л. 39.
- ²¹⁵ **Минаев, В.** - Указ. соч. - С. 32-39.
- ²¹⁶ **Skrine, C.** - Op. cit. - P. 76.

- ²¹⁷ **Мадер, Ю.** - Указ. соч. - С. 248.
- ²¹⁸ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор тегеранской прессы с 15 мая по 29 июня 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 56.
- ²¹⁹ **Жигалина, О.И.** - Указ. соч. - С. 100.
- ²²⁰ Еще 13 марта 1941 г. английский генерал П. Сайкс прочел на совместном заседании Лондонской Остиндийской ассоциации и Королевского Среднеазиатского общества доклад, в котором предложил собственный план защиты Среднего Востока от СССР, согласно которому наступающие советские войска должны быть встречены на линии Кабул - Кандагар значительными англо-афганскими силами. При этом П. Сайкс рассчитывал, что коммуникации в Афганистане настолько трудны и длинны, что тыл и фланги советских войск могут быть легко атакованы иррегулярными горными отрядами. Для того, чтобы найти более удобные позиции для контрнаступления против Красной Армии П. Сайксом предлагалось расширить фронт на Запад, приблизив его как можно ближе к Каспийскому морю, а это означало оккупацию Ирана См. **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Пресс-бюро полпредства СССР в Великобритании. Доклад: «Антисоветские приготовления англичан в Афганистане и Персии». 4 мая 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 20–22.
- ²²¹ Интересно, что даже о германской агрессии в посольстве СССР в Тегеране узнали от английского посланника Р. Булларда, который уже в 6 часов утра 22 июня сообщив в советскую резиденцию в Зергенде о том, что немецкие самолеты бомбят Киев, Харьков и другие города, «пожелал славы русскому оружию». См: **Комиссаров, Д.** - Указ. соч. - С. 103.
- ²²² **Hamzavi, A. H.** - Op. cit. - P. 15.
- ²²³ **Батлер, Дж.** - Указ. соч. - С. 155.
- ²²⁴ **Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны** [Текст]. Документы и материалы... -С. 156.
- ²²⁵ **Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941-1945** [Текст]: в 2-х т. - Т. 1. / Министерство иностранных дел СССР. [Ред. кол.: Кынин Г.П. и др.] - М.: Политиздат, 1983. С. 50; **Woodward, L.** British Foreign Policy in the Second World War [Text] / Liewellyn Woodward. - Vol. 2. - London: Her Majessty's stationery office, 1962. - P. 24.
- ²²⁶ **Голуб, Ю.Г.** - Указ. соч. - С. 25.
- ²²⁷ **Трухановский, В.Г.** - Указ. соч. - С. 261.
- ²²⁸ **Schröder, B. P.** - Op. cit. - S. 240.
- ²²⁹ **Черчилль, У.** - Указ. соч. - Кн. 2... - С. 221.
- ²³⁰ **История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945** [Текст]: в 6-и т. / Ред. ком. Пospelов П.Н. (предс.) и др. - Т. 2. - М.: Воениздат, 1961. - С. 195; **Geyer, D.** - Op. cit. - S. 46.
- ²³¹ **ADAP.** - Ser. D. - Bd. 13. 1. [Text]. - S. 225.
- ²³² **Поздеева, Л.В.** - Указ. соч. - С. 326; **Ундасынов, И.Н.** - Указ. соч. - С. 31.
- ²³³ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 2 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30. - Л. 143.
- ²³⁴ Там же. Обзор иранской прессы. 10 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30. - Л. 167.
- ²³⁵ **Черчилль, У.** - Указ. соч. - Кн. 2. - С. 223.
- ²³⁶ **ADAP.** - Ser. D. - Bd. 13. 1. [Text]. - S. 89.

- ²³⁷ **Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. 1939–1945** [Текст]. - М.: Граница, 1995. - С. 267; **Сечкин, Г.П.** - Указ. соч. - С. 382.
- ²³⁸ **Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945** [Текст]. - Сборник документов и материалов. - М.: Наука, 1968. - С. 602-603.
- ²³⁹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Нота МИД Ирана в полпредство СССР. 21 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 5. - Л. 51.
- ²⁴⁰ Там же. Романов (сотрудник советского посольства в Иране). Краткая аннотация обзоров, составленная по иранской прессе за период с 11 июля по 10 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30. - Л. 163–164.
- ²⁴¹ Там же. Обзор иранской прессы. 1 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30. - Л. 136.
- ²⁴² **Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945...** - С. 603.
- ²⁴³ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 94.
- ²⁴⁴ Там же. Обзор иранской прессы за 20 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30. - Л. 192.
- ²⁴⁵ Там же. Обзор иранской прессы за 23 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30. - Л. 201.
- ²⁴⁶ **ADAP.** - Ser. D. - Bd. 13. 1. [Text]. - S. 277.
- ²⁴⁷ **Балаян, Б.П.** - Указ. соч. - С. 50.
- ²⁴⁸ **«Совершенно секретно! Только для командования!»** [Текст]. Документы и материалы.... - С. 319.
- ²⁴⁹ **ADAP.** - Ser. D. - Bd. 13. 1. [Text]. - S. 295.
- ²⁵⁰ Ibid. - S. 278.
- ²⁵¹ **Schulze–Holthus, В.** - Op. cit. - S. 56-57; См. также: **Агаев, С.Л.** Германский империализм в Иране... - С. 114.
- ²⁵² **История Второй мировой войны** [Текст]: в 12-и т. / Гл. ред. комис.: А.А. Гречко (предс.) и др. - Т. 4. - М.: Воениздат, 1975. - С. 185.
- ²⁵³ **Агаев, С.Л.** - Указ. соч. - С. 117.
- ²⁵⁴ Правда. - 21 сентября 1941 г. - С. 1; **Попов, М.В.** Крах гитлеровского плана нападения на СССР из Ирана... - С. 33.
- ²⁵⁵ **Иванов, М.С.** Очерк истории Ирана.... - С. 338.
- ²⁵⁶ **Балаян, Б.П.** - Указ. соч. - С. 50.
- ²⁵⁷ См. подробнее: **Арабаджян, З.А.** Иран: противостояние империям... - С. 178.
- ²⁵⁸ Это подтверждают документы из АСВРР. См. гл. II.
- ²⁵⁹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 17 и 18 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30. - Л. 185.
- ²⁶⁰ См. подробнее: **Бурцев, М.И.** - Указ. соч. - С. 93.
- ²⁶¹ **ЦАМО.** - Ф. 209. Отчет о действиях 20-й горно-стрелковой дивизии в иранской кампании за период 21 августа – 14 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 16. - Л. 1.
- ²⁶² Там же. Отчет о боевых действиях 54-й танковой дивизии за период с 25 августа – 31 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 18. - Л. 1.
- ²⁶³ **ADAP.** - Ser. D. - Bd. 13. 1. [Text]. - S. 312.
- ²⁶⁴ Ст. 6, в частности, предусматривала, что в случае, «если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на тер-

ритории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России и если при этом будет угрожать опасность границам РСФСР или союзных ей держав, и если персидское правительство после предупреждения со стороны Российского Советского правительства само не окажется в силе отворотить эту опасность, Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. См.: **Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях...** - С. 76.

²⁶⁵ **Черчилль, У.** - Указ. соч. - Кн. 2. - С. 223.

²⁶⁶ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. С. Кавтарадзе – В. Деканозову. 10 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 53. - Л. 55.

²⁶⁷ [**Бадахшан, М.**] Иран дар шахриваре 1320 [Текст] / Мансур Бадахшан. – На перс. яз. - Бабол: Бонгахе пирузи, 1942; **Халили, Р.** Тарихе шохадые Иран [Текст] / Реза Халили. – На перс. яз. - Тегеран: Зарбаш, 1944.

²⁶⁸ Так как 25 августа соответствует 3 шахривара (шахривар – шестой месяц в официальном календаре солнечной хиджры, действующем в Иране и в настоящее время), то в иранскую историографию эти события вошли под названием «шахриварских».

²⁶⁹ **Штырбул, А.А.** - Указ. соч. - С. 13.

²⁷⁰ **Лавренов, С.** - Указ. соч. - С. 19.

²⁷¹ **Эдлинский, С.Ф.** - Указ. соч. - С. 25.

²⁷² **ЦМФПС.** - Документальный фонд. Очерк начальника санитарной службы береговой базы морпогранчастей НКВД Азербайджанского погранокруга подполковника морской службы Правовеорова о боевой и служебной деятельности экипажей пограничных катеров в период Великой Отечественной войны [Текст]. - П. 9. - Д. 8. - Ед. хр. 2108. - Л. 5.

²⁷³ **Комиссаров, Д.** - Указ. соч. - С. 113.

²⁷⁴ **Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. 1939–1945...** - С. 268.

²⁷⁵ **ЦАМО.** – Ф. 209 [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 21. - Л. 37.

²⁷⁶ Там же. Отчет о боевых действиях 77-й горнострелковой дивизии с 21 августа по 2 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 20. - Л. 6; Там же. Отчет о боевых действиях 23-й кавалерийской дивизии за период с 25 августа по 3 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 17. - Л. 4.

²⁷⁷ **Казаков, М.И.** - Указ. соч. - С. 72-73.

²⁷⁸ **ЦАМО.** - Ф. 209 [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 13. - Л. 13.

²⁷⁹ Там же. - Л. 2.

²⁸⁰ **Pahlavi, M. Reza Shah.** - Op. cit. - P. 70-71.

²⁸¹ **ЦАМО.** - Ф. 447. Командующий ВВС 53-й Отдельной среднеазиатской армии генерал-майор авиации Харитонов – командующему ВВС Красной Армии. 14 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 5д. - Л. 81-82.

²⁸² **Судоплатов, П.А.** - Указ. соч. - С. 303.

²⁸³ **ЦАМО.** - Ф. 447. Сведения о результатах действий погранвойск Туркменского округа по разоружению иранских погранпостов [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 11. - Л. 28; **ЦМФПС.** - Документальный фонд. Материалы о боевой и служебно-оперативной деятельности личного состава частей пограничных войск НКВД Туркменского и Азербайджанского округов. 1941–1947 [Текст]. - П. 97. - Д. 2. - Ед. хр. 2102.

- ²⁸⁴ **ЦАМО.** - Ф. 447. Справка о числе военнопленных из Ирана [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 11. - Л. 28
- ²⁸⁵ **Любин, Д.М.** - Указ. соч. - С. 118.
- ²⁸⁶ Там же.
- ²⁸⁷ **Arfa, H.** - Op. cit. - P. 298.
- ²⁸⁸ **ЦАМО.** - Ф. 447. Журнал разведки № 1. Информация и оценки с 25 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 205.
- ²⁸⁹ Бакинский рабочий. - 29 августа 1941 г. - С. 1.
- ²⁹⁰ **Skrine, C.** - Op. cit. - P. 78.
- ²⁹¹ **Kirk, G.** - Op. cit. - P. 136.
- ²⁹² **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 28 августа 1941 г. [Текст] - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 45.
- ²⁹³ **Bullard, R.** - Op. cit. - P. 134.
- ²⁹⁴ **Попов, М.В.** Американский империализм в Иране... - С. 35.
- ²⁹⁵ **ЦАМО.** - Ф. 209. Доклад: «Итоги работы войск и средств связи по обеспечению иранской операции Закавказского фронта в период с 24 августа по 4 сентября 1941 г.» [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 23. - Л. 59.
- ²⁹⁶ Там же. - Ф. 447. Полковник Тихончук. Доклад командарму 53-й Отдельной среднеазиатской армии. 22 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 11. - Л. 75.
- ²⁹⁷ **Балаян, Б.П.** - Указ. соч. - С. 53.
- ²⁹⁸ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. С. Кавтарадзе – С. Лозовскому. 5 июля 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 24–25.
- ²⁹⁹ **Шелленберг, В.** Лабиринт [Текст] / В. Шелленберг. Мемуары гитлеровского разведчика. - М.: Прометей, 1991. - С. 175.
- ³⁰⁰ См. например: **ЦАМО.** - Ф. 209. Доклад о действиях 6-й танковой дивизии за период с 30 июля 1941 г. по 13 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 26. - Л. 6; Там же. Приказ по г. Ардебиль. 27 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 16. - Л. 20-21; Там же. Приказ по гарнизону г. Пехлеви [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 20. - Л. 122.
- ³⁰¹ **ЦМВС.** - Ф. 3 [Текст]. - Ед. хр. 3/28095. - Л. 8, 9; **Бурцев, М.И.** - Указ. соч. - С. 93.
- ³⁰² **ЦМВС.** - Ф. 3 [Текст]. Ед. хр. 3/28095. - Л. 5.
- ³⁰³ **ЦАМО.** - Ф. 447. Разведсводка № 0049 штаба армии к 17 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6. - Л. 8.
- ³⁰⁴ Там же. Разведсводка № 4 опергруппы разведывательного отряда штаба армии к 25 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 95.
- ³⁰⁵ Там же. - Д. 6. - Л. 18.
- ³⁰⁶ Там же. Разведсводка Гассан–Кулийского оперативного пункта на 25 сентября 1941 г. [Текст] - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 105.
- ³⁰⁷ Там же. - Л. 107.
- ³⁰⁸ **АВП РФ.** - Ф. 94. 1941. Обзор иранской прессы за 25 и 26 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69. - Д. 30. - Л. 205.
- ³⁰⁹ Там же. Обзор иранской прессы за 28 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 43.
- ³¹⁰ См. подробнее: **Форуги, М.А.** Магалате Форуги [Текст] / Мохаммед Али Форуги: в 2-х т. - Т. 1. – На перс. яз. – Тегеран: Тус, 1975. – С. 299, 307, 308.
- ³¹¹ **ADAP.** - Ser. D. - Bd. 13. 1. [Text]. - S. 330.

- ³¹² **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Нота МИД Ирана в полпредство СССР. 28 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 5. - Л. 83.
- ³¹³ Там же. Нота МИД Ирана в полпредство СССР. 29 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 5. - Л. 84.
- ³¹⁴ См. например: **Попов, М.В.** Американский империализм в Иране... - С. 36.
- ³¹⁵ **ЦАМО.** - Ф. 447. Разведсводка Гассан-Кулийского оперативного пункта. 13 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 73.
- ³¹⁶ Нельзя не сказать о том, что после стремительного отступления воля к сопротивлению у иранских офицеров была окончательно сломлена. Об этом красноречиво говорят случаи массового пьянства среди иранских пилотов, расквартированных в Тегеране. См. **ЦАМО.** Ф. - 447. Разведсводка Гассан-Кулийского оперативного пункта. 13 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 72.
- ³¹⁷ **Arfa, H.** - Op. cit. - P. 298.
- ³¹⁸ Ibid. - P. 299.
- ³¹⁹ **Hull, C.** - Op. cit. - P. 1501.
- ³²⁰ **Парвизпур, Б.Х.** - Указ. соч. - С. 41.
- ³²¹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Д. Комиссаров. Обзор прессы: «Воинственный тон иранской печати». 8 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 97.
- ³²² **Парвизпур, Б.Х.** - Указ. соч. - С. 41.
- ³²³ **АВП РФ.** - Ф. 094. - 1941. Я. Хавинсон – В. Молотову. 23 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 331а. - Д. 17. - Л. 12.
- ³²⁴ «Уничтожение России является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие», - заявил однажды германскому посланнику в Турции фон Папену глава турецкого правительства Ш. Сараджоглу. См.: **Еремеев, Д.Е.** Турция в годы Второй мировой войны и «холодной» войн. 1939-1990. [Текст] / Дмитрий Евгеньевич Еремеев. – М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. – С. 33.
- ³²⁵ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 10 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 64.
- ³²⁶ Там же. Нота полпредства СССР в МИД Ирана. 30 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 4. - Л. 32.
- ³²⁷ Там же. Л. 33.
- ³²⁸ Там же.
- ³²⁹ **[Бадахшан, М.]** Иран дар шахриваре 1320 [Текст] / Мансур Бадахшан. - Бабол: Бонгахе пирузи, 1942. - С. 11-12.
- ³³⁰ См. например: **Лаврентьев, А.К.** Империалистическая политика США и Англии в Иране [Текст]. Популярный очерк. - М.: Издательство восточной литературы, 1960. - С. 12.
- ³³¹ **ЦАМО.** - Ф. 209. Отчет о боевых действиях ВВС Закавказского фронта в операции против Ирана в период с 25 августа по 31 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 13. - Л. 5.
- ³³² **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 31 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. Л. 49.
- ³³³ **ЦАМО.** - Ф. 447. Разведсводка Гассан-Кулийского оперативного пункта. 13 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 72.
- ³³⁴ Бакинский рабочий. - 5 сентября 1941 г. - С. 4.

- ³³⁵ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 2 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31 - Л. 53.
- ³³⁶ Там же. Д. Комиссаров. Обзор. 10 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 104.
- ³³⁷ **Арабаджян, З.А.** - Указ. соч. - С. 187.
- ³³⁸ **Парвизпур, Б.Х.** - Указ. соч. - С. 55.
- ³³⁹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. А. Смирнов – А. Сохейли. 1 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 4. - Л. 34.
- ³⁴⁰ **ЦАМО.** - Ф. 209. Отчет о боевых действиях ВВС Закавказского фронта в операции против Ирана в период с 25 августа по 31 августа 1941 г. [Текст]. - Оп. 1089. - Д. 13. - Л. 3.
- ³⁴¹ Там же.
- ³⁴² Там же. - Л. 5, 6.
- ³⁴³ Там же. - Ф. 447. Разведсводка Гассан–Кулийского оперативного пункта. 13 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 73.
- ³⁴⁴ **АДАР.** - Ser. D. - Bd. 13. 1. [Text]. - S. 343.
- ³⁴⁵ Ibid. - S. 369.
- ³⁴⁶ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. А. Смирнов - А. Сохейли. 6 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 4. - Л. 35–37.
- ³⁴⁷ Там же. Нота МИД Ирана в полпредство СССР. 8 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 5. - Л. 92.
- ³⁴⁸ **АДАР.** - Ser. D. - Bd. 13.1. [Text]. - S. 394; **Wegener, H.** Der Britische Geheimdienst im Orient [Text] / H. Wegener. - Berlin, 1942. - S. 178.
- ³⁴⁹ **Абдуразаков, Б.** - Указ. соч. - С. 17.
- ³⁵⁰ Там же.
- ³⁵¹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 10 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 63.
- ³⁵² Там же. Обзор иранской прессы за 11 и 12 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 64.
- ³⁵³ Там же. Д. Комиссаров. Обзор. 11 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 110.
- ³⁵⁴ **Абдуразаков, Б.** - Указ. соч. - С. 18.
- ³⁵⁵ **АДАР.** - Ser. D. - Bd. 13.1. [Text]. - S. 394.
- ³⁵⁶ **Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг.** - Т. 1... - С. 389.
- ³⁵⁷ Там же. - С. 18, 389.
- ³⁵⁸ **Милов, П.** - Указ. соч. - С. 4.
- ³⁵⁹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 16 и 17 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 76.
- ³⁶⁰ **Upton, J.** The History of modern Iran an Interpretation [Text] / Joseph Upton. - Cambridge: Harvard University Press, 1961. - P. 63.
- ³⁶¹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор иранской прессы за 29 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 110.
- ³⁶² **Steppat, F.** - Op. cit. - S. 9.

- ³⁶³ В мае 1950 г. останки Реза-шаха были перевезены в Иран и преданы земле в местечке Рей, южнее Тегерана. На месте захоронения был воздвигнут мавзолей, который гражданам СССР долгие годы не рекомендовалось посещать. Впервые такая печальная традиция была нарушена во время визита в Иран в апреле 1968 г. председателя совета министров СССР А. Косыгина, который возложил венок к гробнице Реза-шаха и осмотрел залы музея, где были выставлены личные вещи основателя династии Пехлеви. См.: **Крахмалов, С. П.** Записки военного атташе [Текст] / Сергей Петрович Крахмалов. Иран – Египет – Иран – Афганистан. - М.: Русская разведка, 2000. - С. 154.
- ³⁶⁴ **Комиссаров, Д.С.** - Указ. соч. - С. 115.
- ³⁶⁵ **Институт востоковедения: защитники Отечества (1941-1945)** [Текст]. - М.: ИВРАН, 2005. - С. 110.
- ³⁶⁶ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Д. Комиссаров. Обзор. 11 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 115.
- ³⁶⁷ Сопровождать в пути высланных из Ирана членов германской, итальянской, болгарской, венгерской, румынской дипломатических миссий было поручено иранскому консулу в Измире А. Момтазу и сотрудникам МИД Эбольфазле и Довлетшахи. См. подробнее: **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Нота МИД Ирана в полпредство СССР. 6 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 5. - Л. 102.
- ³⁶⁸ Там же. - Ф. 94. - 1941. Нота МИД Ирана в полпредство СССР. 6 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 102.
- ³⁶⁹ Там же. Нота полпредства СССР в МИД Ирана. 11 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 68а. - Д. 4. - Л. 42–43.
- ³⁷⁰ Там же. Обзор иранской прессы за 22 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 91.
- ³⁷¹ **Бережков, В. М.** С дипломатической миссией в Берлин. 1940-1941. Тегеран-1943. [Текст] / В.М. Бережков. - М.: Новости, 1972. - С. 112; **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 121.
- ³⁷² **Ибрагимбейли, Х.М.** - Указ. соч. - С.33.
- ³⁷³ **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 121.
- ³⁷⁴ См. **АСВРР.** Дневник Ф. Майера [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 1-8.
- ³⁷⁵ **АСВРР.** Заметка Аманна. 22 июня 1943 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 452.
- ³⁷⁶ Правда [Текст]. - 27 августа 1941 г. - С. 1.
- ³⁷⁷ **Skrine, С.** - Op. cit. - P. 76.
- ³⁷⁸ **Элвелл-Саттон, Л.** - Указ. соч. - С. 137.
- ³⁷⁹ **Попов, М.В.** Крах гитлеровского плана нападения на СССР из Ирана... - С. 8.
- ³⁸⁰ **Deutschland im Zweiten Weltkrieg** [Text] / Vorbereitung, Entfesselung und Verlauf des Krieges bis zum 22 Juni 1941. - Bd. 1. – Berlin: Akadem. Verlag, 1975. - S. 436.
- ³⁸¹ **Hentig, W.** Der Nahe Osten rückt näher [Text] / Werner-Otto von Hentig. - Leipzig, 1940. - S. 85.
- ³⁸² **АСВРР.** «Кир». Агентурное донесение: «Германская колония и работа немцев в Иране». Август 1941 г. [Текст]. - Д. 25097. - Т. 3. - Л. 343.
- ³⁸³ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор тегеранской прессы с 25 ноября по 12 декабря 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 182а.
- ³⁸⁴ Там же [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 51. - Л. 37–38.
- ³⁸⁵ Там же [Текст]. - Оп. 26. - П. 333. - Д. 1. - Л. 117.

- ³⁸⁶ Там же. - Ф. 071. - 1941. Запись беседы Алмазова с Хейлеем. 16 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 23. - П. 196. - Д. 6. - Л. 50.
- ³⁸⁷ **ЦАМО.** - Ф. 447. Информационная сводка № 7 Термезского оперативного пункта на 20 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 93-94.
- ³⁸⁸ Там же. Разведсводка № 0043 штаба армии к 11 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6. Л. 2, 3.
- ³⁸⁹ Там же. Информационная сводка Термезского оперативного пункта по состоянию на 5 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 88.
- ³⁹⁰ **АВП РФ.** - Ф. 071. - 1941. Запись беседы В. Козлова с А. Флетчером. 2 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 23. - П. 196. - Д. 6. - Л. 101.
- ³⁹¹ Там же. - Ф. 071. - 1942. Доклад советского посольства в Кабуле: «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. и начале 1942 г.» [Текст]. - Оп. 24. - П. 199. - Д. 2. - Л. 30.
- ³⁹² Там же. - Ф. 071. - 1941. Запись беседы Алмазова с Хейлеем. 16 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 23. - П. 196. - Д. 6. Л. 50.
- ³⁹³ Там же. - Ф. 071. - 1942. Доклад советского посольства в Кабуле: «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. и начале 1942 г.» [Текст]. - Оп. 24. - П. 199. - Д. 2. - Л. 34.
- ³⁹⁴ Там же.
- ³⁹⁵ **АВП РФ.** - Ф. 071. - 1941. Справка: «Деятельность немецко-фашистских агентов в Афганистане и белоэмигрантов» [Текст]. - Оп. 23. - П. 197. - Д. 9. - Л. 144.
- ³⁹⁶ **АСВРР.** Справка: «Немцы в Афганистане» [Текст]. - 20 мая 1942 г. - Д. «Мародерья». - Л. 294.
- ³⁹⁷ **ЦАМО.** - Ф. 447. Информационная сводка № 6 Термезского оперативного пункта по состоянию на 5 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 88.
- ³⁹⁸ **Тихонов, Ю.Н.** Афганская война третьего рейха ... - С. 174.
- ³⁹⁹ **АВП РФ.** - Ф. 06. - 1941. Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли. 6 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 3. - П. 9. - Д. 105. - Л. 12-13.
- ⁴⁰⁰ Там же. Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли. 9 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 3. - П. 9. - Д. 105. - Л. 19.
- ⁴⁰¹ Там же. Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли. 11 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 3. - П. 9. - Д. 105. - Л. 28.
- ⁴⁰² Там же. - Ф. 071. 1942. Доклад советского посольства в Кабуле: «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. и начале 1942 г.» [Текст]. - Оп. 24. - П. 199. - Д. 2. - Л. 46.
- ⁴⁰³ Там же. - Ф. 06. 1941. Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли. 11 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 3. П. 9. - Д. 105. - Л. 35.
- ⁴⁰⁴ Там же. Запись беседы К. Михайлова с Али Мухаммад-ханом. 16 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 3. - П. 9. - Д. 105. - Л. 40.
- ⁴⁰⁵ Лоя джирга - Великое собрание племенных вождей и других знатных афганцев, особый орган власти в Афганистане, созываемый для решения самых важных вопросов.
- ⁴⁰⁶ **ADAP.** - Ser. D. - Bd. 13. 2. Г. Пильгер - И. Риббентропу. 16 октября 1941 г. [Text]. - S. 524.
- ⁴⁰⁷ **АВП РФ.** - Ф. 06. 1941. Запись беседы В. Козлова с А. Ланкастером. 29 октября 1941 г. [Текст]. - Оп. 3. - П. 10. - Д. 108. - Л. 77.

- ⁴⁰⁸ ЦАМО. - Ф. 447 [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6. - Л. 17.
- ⁴⁰⁹ АВП РФ. - Ф. 071. - 1942. Аннотация на дипломатическую почту, полученную Средневосточным отделом МИД из Кабула за период с 12 декабря 1941 г. по 17 января 1942 г. [Текст]. - Оп. 24. - П. 199. - Д. 1. - Л. 35.
- ⁴¹⁰ Там же. Доклад советского посольства в Кабуле: «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. и начале 1942 г.» [Текст]. - Оп. 24. - П. 199. - Д. 2. - Л. 46.
- ⁴¹¹ Самсонов, А.М. - Указ. соч. - С. 282.
- ⁴¹² Согласно договору, СССР и Великобритания обязались уважать территориальную целостность, суверенитет Ирана, защищать его всеми имевшимися в их распоряжении средствами против любой агрессии со стороны фашистской Германии или другого государства. Правительство Ирана, в свою очередь, обязывалось предоставить союзным государствам транспорт, железные и шоссейные дороги для перевозки стратегических грузов. См. **Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях...** - С. 203–205.
- ⁴¹³ **На рубежах тайной войны...** С. 31.
- ⁴¹⁴ АДАР. - Ser. E. - Bd. 3. [Text]. - S. 462.
- ⁴¹⁵ Ibid.
- ⁴¹⁶ **История социалистической экономики СССР** [Текст]: в 7-и т. Т. 5. / И.А. Гладков отв. ред. и др. М.: Наука, 1978. С. 543; **Басов, А.В.** - Указ. соч. - С. 33.
- ⁴¹⁷ **Рузвельт, Э.** Его глазами [Текст] / Эллиот Рузвельт. - Пер. с англ. - М.: Иностранная литература, 1947. - С. 175; **Groseclose, E.** Introduction to Iran [Text] / Elgin Groseclose. - New York: Oxford University Press, 1947. - P. 179-180; **Mahrad, A.** Zum Verhältnis zwischen Iran und der Sowjet Union [Text] / Ahmad Mahrad. - Osnabruck: Biblio Verlag, 1985. - S. 215.
- ⁴¹⁸ **Pahlavi, M. Reza Shah.** - Op. cit. - P. 77.
- ⁴¹⁹ АДАР. - Ser. E. - Bd. 3. [Text]. - S. 462.
- ⁴²⁰ АВП РФ. - Ф. 094. - 1942. Письмо, адресованное в редакцию газеты «Журналь де Техран» бюро британской прессы [Текст]. - Оп. 27. - П. 71. - Д. 16. - Л. 181.
- ⁴²¹ Цит. по: АВП РФ. - Ф. 094. - 1941. С. Кавтарадзе – Д. Комиссарову. 23 декабря 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 331а. - Д. 17. - Л. 29.
- ⁴²² РГАСПИ. - Ф. 495 [Текст]. - Оп. 90. - Д. 218. - Л. 2.
- ⁴²³ АВП РФ. - Ф. 094. - 1942. Обзоры тегеранской печати по «Журналь де Техран» [Текст]. 29 июля 1942. - Оп. 27. - П. 71. - Д. 16. - Л. 80.
- ⁴²⁴ **Попов, М.В.** Американский империализм в Иране ... - С. 72.
- ⁴²⁵ РГАСПИ. - Ф. 495 [Текст]. - Оп. 90. - Д. 218. - Л. 2.
- ⁴²⁶ ЦАМО. - Ф. 447 [Текст]. Разведсводка № 0049 штаба армии к 17 октября 1941 г. - Оп. 10181. - Д. 6. - Л. 8.
- ⁴²⁷ Там же. Разведсводка № 3 оперативной группы штаба армии к 23 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 86-87.
- ⁴²⁸ Там же. Разведсводка Гасан–Кулийского оперативного пункта на 25 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 106.
- ⁴²⁹ Там же [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 97.
- ⁴³⁰ Там же. Разведсводка Гасан–Кулийского оперативного пункта на 25 сентября 1941 г. [Текст]. - Оп. 10181. - Д. 6а. - Л. 104.
- ⁴³¹ Там же.

- ⁴³² **Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945...** С. 605.
- ⁴³³ **Орлов, Е.А.** Внешняя политика Ирана после второй мировой войны [Текст] / Евгений Александрович Орлов. - М.: Наука, 1975. - С. 224.
- ⁴³⁴ **АВП РФ.** - Ф. 94. 1941 [Текст]. - Оп. 26. - П. 69а. - Д. 31. - Л. 51.
- ⁴³⁵ Там же. - Ф. 94. - 1942. Нота МИД Ирана посольству СССР. 30 июля 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 70. - Д. 5. - Л. 315; Там же. Нота МИД Ирана посольству СССР. 31 октября 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 70. - Д. 6. - Л. 175; Там же. Памятная записка посольства Ирана в НКВД. 11 апреля 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 2. - Л. 20.
- ⁴³⁶ **АСВРР.** Справка по материалам резидентуры [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 374; **Schulze-Holthus, B.** - Op. cit. - S. 127-128.
- ⁴³⁷ **АСВРР.** Дневник Ф. Майера. 9 марта 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 14.
- ⁴³⁸ См: **АСВРР.** Дневник Ф. Майера [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5.
- ⁴³⁹ **Костромин, Л.П.** - Указ. соч. - С. 335.
- ⁴⁴⁰ **АСВРР.** Дневник Ф. Майера. 5 января 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 4.
- ⁴⁴¹ Там же. 17 февраля 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 10.
- ⁴⁴² **Костромин, Л.П.** - Указ. соч. - С. 331.
- ⁴⁴³ **Kirk, G.** - Op. cit. - P. 139.
- ⁴⁴⁴ **The Cambridge History of Iran.** - Vol. 7... - P. 435.
- ⁴⁴⁵ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Обзор тегеранской прессы: «Фашистская пропаганда». 23 ноября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 51. - Л. 63.
- ⁴⁴⁶ Там же. - Ф. 06. - 1942. Запись беседы А. Смирнова с Сохейли. 7 января 1942 г. [Текст]. - Оп. 4. - П. 17. - Д. 180. = Л. 16.
- ⁴⁴⁷ **Комиссаров, Д.С.** - Указ. соч. - С. 122
- ⁴⁴⁸ **АСВРР.** Меркулов – В. Деканозову. 6 декабря 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. Т. 1. Л. 130; **Arfa, H.** Op. cit. P. 310.
- ⁴⁴⁹ **АВП РФ.** - Ф. 06. - 1942. Запись беседы А. Смирнова с Кавам ос-Салтане. 1 января 1942 г. [Текст]. - Оп. 4. - П. 17. - Д. 180. - Л. 2.
- ⁴⁵⁰ Там же. - Ф. 06. - 1942. Дневник А. Смирнова. 22 декабря 1941 г. [Текст]. - Оп. 4. - П. 17. - Д. 180. - Л. 7.
- ⁴⁵¹ Там же. - Л. 8.
- ⁴⁵² Там же. - Ф. 06. - 1942. Запись беседы А. Смирнова с Сохейли. 14 января 1942 г. [Текст]. - Оп. 4. - П. 17. - Д. 180. - Л. 22.
- ⁴⁵³ Там же. - Ф. 06. - 1942. Запись беседы А. Смирнова с А. Форуги. 24 января 1942 г. [Текст]. - Оп. 4. - П. 17. - Д. 180. - Л. 34.
- ⁴⁵⁴ **Цкитишвили, К.В.** Закавказье в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 [Текст] / Карло Варламович Цкитишвили. – Тбилиси: Издательство ЦК КП Грузии, 1969. - С. 116.
- ⁴⁵⁵ **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 90, 105, 106.
- ⁴⁵⁶ Там же. - С. 80.
- ⁴⁵⁷ **АСВРР.** Дневник Ф. Майера. 5 декабря 1941 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 2.
- ⁴⁵⁸ **На рубежах тайной войны...** С. 30.
- ⁴⁵⁹ **АВП РФ.** - Ф. 094. - 1942. Обзор тегеранской печати за 8 апреля 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 70. - Д. 15. - Л. 20.
- ⁴⁶⁰ Там же. - Ф. 94. - 1942. Нота посольства СССР в МИД Ирана. 24 мая 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 4. - Л. 24.

- ⁴⁶¹ **На рубежах тайной войны...** С. 32.
- ⁴⁶² **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1942. Нота посольства СССР в МИД Ирана. 23 марта 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 4. - Л. 23.
- ⁴⁶³ Там же. Нота посольства СССР в МИД Ирана. 7 июля 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 4. - Л. 68.
- ⁴⁶⁴ Там же. Нота посольства СССР в МИД Ирана. 10 января 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 4. - Л. 2.
- ⁴⁶⁵ Там же. - Ф. 94. - 1941. Обзор прессы рештского шахристана. 24 ноября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 51. - Л. 13.
- ⁴⁶⁶ Там же. Обзор тегеранской прессы. 23 ноября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 51. - Л. 60.
- ⁴⁶⁷ **АСВРР.** Дневник Франца Майера. 5 января 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 6.
- ⁴⁶⁸ Там же. Доклад: «Германская агентура в Иране» (на основании показаний Ф. Майера) [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 424; там же. Дневник Ф. Майера [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 26, 45.
- ⁴⁶⁹ Там же. Дневник Ф. Майера. 17 февраля 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 10.
- ⁴⁷⁰ Там же. 31 марта 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 19.
- ⁴⁷¹ Там же. 10 апреля 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 21.
- ⁴⁷² Там же. 31 марта 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 20.
- ⁴⁷³ Там же. 9 июня 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 45.
- ⁴⁷⁴ **АДАР.** - Ser. E. - Bd. 2. [Text]. - S. 119.
- ⁴⁷⁵ **Гречко, А.А.** - Указ. соч. - С. 197.
- ⁴⁷⁶ **Ибрагимбейли, Х. М.** - Указ. соч. - С. 151.
- ⁴⁷⁷ **Демьяненко, А.П.** Провал планов ближневосточной экспансии фашистской Германии [Текст] Анатолий Петрович Демьяненко // Народы Азии и Африки. - 1984. - № 6. - С. 62.
- ⁴⁷⁸ **Lagebesprechungen im Führerhauptquartier...** S. 123.
- ⁴⁷⁹ **Колесников, В.** - Указ. соч. - С. 74.
- ⁴⁸⁰ **Гилязов, И.** - Указ. соч. - С. 77.
- ⁴⁸¹ **Демьяненко, А. П.** Советский Союз и крах гитлеровской политики в Афганистане.... - С. 29.
- ⁴⁸² **Небренчин, С.М.** - Указ. соч. - С. 33.
- ⁴⁸³ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1941. Д. Комиссаров. Обзор прессы рештского шахристана с «___» сентября по 15 ноября 1941 г. [Текст]. - Оп. 26. - П. 332а. - Д. 51. - Л. 2.
- ⁴⁸⁴ **На рубежах тайной войны...** - С. 24.
- ⁴⁸⁵ Там же. - С. 22, 26.
- ⁴⁸⁶ Там же. - С. 70.
- ⁴⁸⁷ Там же. - С. 68.
- ⁴⁸⁸ **Проектор, Д.М.** Фашизм: путь агрессии и гибели [Текст] / Даниил Михайлович Проектор. - М.: Наука, 1989. - С. 404.
- ⁴⁸⁹ Цит. по: **Абдуразаков, Б.** - Указ. соч. - С. 31.
- ⁴⁹⁰ **Анатомия войны** [Текст]. Новые документы о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне... - С. 373.
- ⁴⁹¹ **Демьяненко, А. П.** Провал планов ближневосточной экспансии Германии... - С. 62.
- ⁴⁹² **АСВРР.** Доклад: «Германская агентура в Иране» (на основании показаний Ф. Майера) [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 423-424.

- ⁴⁹³ Там же. Дневник Ф. Майера [Текст]. 1 мая 1942 г. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 34.
- ⁴⁹⁴ Там же. - Л. 35.
- ⁴⁹⁵ Там же. 9 мая 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 42.
- ⁴⁹⁶ Там же. 1 мая 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 35.
- ⁴⁹⁷ См. Там же. Дневник Ф. Майера [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5.
- ⁴⁹⁸ **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 163.
- ⁴⁹⁹ **Бережков, В.М.** В то время в Иране... - С. 16.
- ⁵⁰⁰ **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 168.
- ⁵⁰¹ **АСВРР.** Б. Шульце-Хольтус - Ф. Майеру. 4 июля 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 313.
- ⁵⁰² **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда.... - С. 176.
- ⁵⁰³ **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 172.
- ⁵⁰⁴ **АСВРР.** Справка по материалам резидентуры [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 375.
- ⁵⁰⁵ Там же. Б. Шульце-Хольтус - Ф. Майеру. 4 июля 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 314.
- ⁵⁰⁶ Там же. - Л. 315.
- ⁵⁰⁷ Там же. Б. Шульце-Хольтус - Ф. Майеру. 28 июня 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 317.
- ⁵⁰⁸ **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 160; **АСВРР.** Б. Шульце-Хольтус - Ф. Майеру. 27 июня 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 320.
- ⁵⁰⁹ Там же.
- ⁵¹⁰ **Бухгайт, Г.** - Указ. соч. - С. 272.
- ⁵¹¹ **Трубецкой, В.В.** Бахтиары [Текст] / Владимир Владимирович Трубецкой. - М.: Наука, 1966. - С. 82.
- ⁵¹² См. подробнее: **Ахмади, Х.** Гоумийат ва гоумгерайи дар Иран: аз афсане та ваке йат / Хамид Ахмади. - на перс. яз. - Тегеран, 2000.
- ⁵¹³ **Судоплатов, П.А.** - Указ. соч. - С. 303.
- ⁵¹⁴ **Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне** [Текст]. - Т. II. - Кн. 1. - Сборник документов. - М.: Русь, 2000. - С. 493.
- ⁵¹⁵ Шеккаки были хорошо известны своим воинственным нравом. В 1922 г. под руководством хана Симко они подняли мощное восстание, с большим трудом подавленное правительством. См. подробнее: **Шарифи, А.** Амайере шеккак ва шархе зандаг-йе анха бе рахбарийе Эмма ил ага Симко / Ахмад Шарифи. - на перс. яз. - Тегеран, 1970. - 74 с.
- ⁵¹⁶ **Жигалина, О.И.** - Указ. соч. - С. 106.
- ⁵¹⁷ **Они сражались за Родину** [Текст]. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. Книга-хроника. - М.: Новый хронограф, 2005. - С. 307.
- ⁵¹⁸ **Лазарев, М.С.** СССР и Курдистан... - С. 9.
- ⁵¹⁹ **Мадер, Ю.** - Указ. соч. - С. 259; **АСВРР.** Дневник Ф. Майера. 9 июня 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 43; **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 160.
- ⁵²⁰ **Лазарев, М.С.** Курдистан и курдский вопрос (1923-1945)... - С. 221.
- ⁵²¹ **АСВРР.** В. Меркулов - В. Деканозову. 6 декабря 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 1. - Л. 130.
- ⁵²² Там же. - Л. 131.
- ⁵²³ **Костромин, Л.П.** - Указ. соч. - С. 330.

- ⁵²⁴ Там же.
- ⁵²⁵ **АСВРР**. Дневник Ф. Майера. 7 мая 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 39.
- ⁵²⁶ Там же. 21 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 71-72.
- ⁵²⁷ Там же. 9 июня 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 43.
- ⁵²⁸ **АСВРР**. Доклад: «Германская агентура в Иране» (на основании показаний Ф. Майера) [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 424.
- ⁵²⁹ **АСВРР**. Дневник Ф. Майера. 8 марта 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 12.
- ⁵³⁰ К примеру, Захеди обвинял Новбахта в связи с большевиками, а Новбахт Захеди в сотрудничестве с англичанами. См. **АСВРР**. Дневник Ф. Майера [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5.
- ⁵³¹ Там же. Дневник Ф. Майера. 9 июня 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 43.
- ⁵³² Там же. - Л. 45.
- ⁵³³ Там же. Л. 51.
- ⁵³⁴ Там же. 3 августа 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 58-59.
- ⁵³⁵ Там же. В. Деканозов - Л. Берия. 17 ноября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 1. - Л. 126.
- ⁵³⁶ **Bullard, R.** - Op. cit. - P. 134.
- ⁵³⁷ **АСВРР**. В. Деканозов - Л. Берия. 17 ноября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 1. - Л. 126.
- ⁵³⁸ Там же. - Л. 127.
- ⁵³⁹ **Гречко, А.А.** - Указ. соч. - С. 94.
- ⁵⁴⁰ **АСВРР**. «Приказ для Восточного Азербайджана». 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 167.
- ⁵⁴¹ Там же. «Приказ для Западного Азербайджана». 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 168.
- ⁵⁴² Там же. - Л. 168-169.
- ⁵⁴³ Там же. «Приказ по Хорасану». 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 169.
- ⁵⁴⁴ Там же. Л. 169-170.
- ⁵⁴⁵ Там же. - Л. 169-171.
- ⁵⁴⁶ Там же. «Приказ по Восточному Мазендерану». 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 171.
- ⁵⁴⁷ Там же. - Л. 171-172.
- ⁵⁴⁸ Там же. «Приказ для Тегерана». 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 173-175.
- ⁵⁴⁹ Там же.
- ⁵⁵⁰ Там же. «Приказ по Исфахану». 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 173.
- ⁵⁵¹ **Адамийат, М.Х.** Делиран-е Тангестани [Текст] / Мохаммад-Хосейн Адамийат. - На перс. яз. - Тегеран, 1948.
- ⁵⁵² **АСВРР**. «Приказ по Хузестану». 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 161.
- ⁵⁵³ Там же. Л. 167.
- ⁵⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵⁵ Там же. «Приказ для Шираза». 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 163-165.

- ⁵⁵⁶ Там же. Л. 165.
- ⁵⁵⁷ **Кузнец, Ю. Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 127.
- ⁵⁵⁸ **Зорин, Л.И.** Особое задание [Текст] / Леонид Иванович Зорин. - М.: Политиздат, 1987. - С. 143.
- ⁵⁵⁹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1942. Ноты посольства СССР в МИД Ирана [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 4. - Л. 212, 250, 254.
- ⁵⁶⁰ Там же. - Ф. 094. - 1943. О. Орестов. Декабрьские события в Тегеране [Текст]. - Оп. 29. - П. 304. - Д. 29. - Л. 22-24.
- ⁵⁶¹ Там же. - Ф. 94. - 1942. Памятная записка посольства СССР в Тегеране. 21 сентября 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 4. - Л. 139.
- ⁵⁶² **Сечкин, Г.П.** - Указ. соч. - С. 386.
- ⁵⁶³ **Павлов, Н.** - Указ. соч. - С. 30.
- ⁵⁶⁴ **АСВРР.** Дневник Ф. Майера. 3 августа 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 59.
- ⁵⁶⁵ Там же. - Л. 58.
- ⁵⁶⁶ Там же. 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 63.
- ⁵⁶⁷ Там же. 30 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 75.
- ⁵⁶⁸ Там же.
- ⁵⁶⁹ **АДАР.** - Ser. E. - Bd. 3. И. Риббентроп – Гитлеру. 7 сентября 1942 г. [Text]. - S. 462.
- ⁵⁷⁰ **АСВРР.** Дневник Ф. Майера. 9 октября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 77.
- ⁵⁷¹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1942. Памятная записка НКВД СССР в посольство Ирана (проект). 3 сентября 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 1. - Л. 36.
- ⁵⁷² **Кузнец, Ю. Л.** «Длинный прыжок» в никуда.... - С. 153.
- ⁵⁷³ **АВП РФ.** - Ф. 094. - 1942. Обзор тегеранской печати по «Журналь де Техран». 21 августа 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 71. - Д. 16. - Л. 152-155.
- ⁵⁷⁴ **АСВРР.** Дневник Ф. Майера. 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 63-64.
- ⁵⁷⁵ Там же. Справка по материалам резидентуры [Текст]. - Д. 28211. - Т. 4. - Л. 375; **Schulze-Holthus В.** - Op. cit. - S. 212.
- ⁵⁷⁶ **АСВРР.** В. Меркулов – В. Деканозову. 6 декабря 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 1. - Л. 131.
- ⁵⁷⁷ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1942. Нота МИД Ирана посольству СССР. 11 марта 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 70. - Д. 5. - Л. 137; Там же. Нота МИД Ирана посольству СССР. 20 сентября 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 70. - Д. 6. - Л. 75; Там же. Ноты посольства СССР в МИД Ирана от 18 марта 1942 г., 9 сентября 1942 г., 10 ноября 1942 г. [Текст]. - Оп. 27. - П. 69а. - Д. 4. - Л. 22, 162, 202.
- ⁵⁷⁸ **АСВРР.** Дневник Ф. Майера. 5 января 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 6.
- ⁵⁷⁹ Там же.
- ⁵⁸⁰ **Зорин, Л.А.** Указ. соч. - С. 108–109.
- ⁵⁸¹ Несмотря на установившиеся союзнические отношения у СССР и Англии сохранялись недоверие и подозрительность друг к другу. Дело дошло до того, что англичане тайно организовали в самом центре Тегерана спецшколу, в которой стали обучать иранцев шпионскому ремеслу с целью дальнейшего их заброса в республики советского Закавказья. См.: **Долгополов, Н.М.** - Указ. соч. - С. 26.
- ⁵⁸² **Кузнец, Ю. Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 114.
- ⁵⁸³ **АСВРР.** В. Меркулов – И. Сталину, В. Молотову, Л. Берии. 2 сентября 1943 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 236.

- ⁵⁸⁴ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1943. Аннотация на исфаханскую прессу. Июнь-июль 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 30.
- ⁵⁸⁵ **АСВРР.** В. Меркулов – И. Сталину, В. Молотову, Л. Берии. 2 сентября 1943 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 236.
- ⁵⁸⁶ Там же. - Л. 237-238.
- ⁵⁸⁷ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1943. Военное министерство. Штаб южных сил. Сообщение № 4. 10 сентября 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 30. - Л. 45.
- ⁵⁸⁸ **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 226.
- ⁵⁸⁹ Правда. - 21 марта 1945. - С. 4.
- ⁵⁹⁰ **Мадер, Ю.** - Указ. соч. - С. 255-256.
- ⁵⁹¹ **АСВРР.** Доклад: «Германская агентура в Иране» (на основании показаний Ф. Майера) [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 424-425.
- ⁵⁹² **Kirk, G.** - Op. cit. - P. 157.
- ⁵⁹³ **Schulze-Holthus, В.** - Op. cit. - S. 273-287.
- ⁵⁹⁴ **Сергеев, Ф.** - Указ. соч. - С. 315.
- ⁵⁹⁵ **АСВРР.** В. Мельхерс – И. Риббентропу. 11 сентября 1943 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 455.
- ⁵⁹⁶ **ЦАМО.** [Текст]. - Ф. 389. - Оп. 4690. – Д. 515. – Л. 2.
- ⁵⁹⁷ **Зорин, Л.И.** Особое задание [Текст] Леонид Иванович Зорин // Вопросы истории. - 1985. - № 3. - С. 81.
- ⁵⁹⁸ **Парвизпур, Б.Х.** - Указ. соч. - С. 69.
- ⁵⁹⁹ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1943. Обзор тегеранской печати № 278. 19 марта 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 76. - Д. 22. - Л. 180.
- ⁶⁰⁰ Там же. Обзор тегеранской печати № 285. 3 апреля 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 79. - Д. 62. - Л. 1-4.
- ⁶⁰¹ **АСВРР.** Доклад: «Германская агентура в Иране» (на основании показаний Ф. Майера) [Текст]. - Д. 28211. - Т. 2. - Л. 425.
- ⁶⁰² Цит. по: **Румянцев, Ф.Я.** - Указ. соч. - С. 97.
- ⁶⁰³ **История Ирана** [Текст] / Отв. Ред. М.С. Иванов. - М.: МГУ, 1977. - С. 348.
- ⁶⁰⁴ **АСВРР.** Заметка Аманна. 22 июня 1943 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 453.
- ⁶⁰⁵ См: Там же. Приложение «Д». «Иранский дневник». Приложение «Е». Переводы писем [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5.
- ⁶⁰⁶ Там же. Дневник Ф. Майера. 11 сентября 1942 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 65.
- ⁶⁰⁷ См. подробнее: **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда.... - С. 153–161.
- ⁶⁰⁸ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1943. Обзор рещтской печати № 6. 1-15 сентября 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 31. - Л. 134; Там же. Аннотация на тегеранскую печать. Август-сентябрь 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 28. - Л. 46.
- ⁶⁰⁹ Цит. по: **Павлов, Н.** - Указ. соч. - С. 31.
- ⁶¹⁰ **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1943. Обзор исфаханских газет с 2 по 6 сентября 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 31. - Л. 1.
- ⁶¹¹ Там же. Аннотация на тегеранскую печать. Август-сентябрь 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 28. - Л. 50.
- ⁶¹² **Павлов, Н.** - Указ. соч. - С. 31.
- ⁶¹³ Цит. по: **АВП РФ.** - Ф. 94. - 1943. Аннотация на тегеранскую прессу. Сентябрь-октябрь 1943 г. [Текст]. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 28. - Л. 64-65.

- ⁶¹⁴ **АСВРР**. В. Мельхерс – И. Риббентропу. 11 сентября 1943 г. [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 456.
- ⁶¹⁵ Там же.
- ⁶¹⁶ Очевидно, сведения о планировавшейся конференции просочились через английского посла в Турции Хьюджессена, камердинером у которого служил агент германской разведки. См. **Волков, Ф.Д.** - Указ. соч. - С. 192.
- ⁶¹⁷ **Румянцев, Ф.Я.** - Указ. соч. - С. 98.
- ⁶¹⁸ **Бережков, В.М.** Страницы дипломатической истории [Текст] / Владимир Михайлович Бережков. – 4-е изд. - М.: Международные отношения, 1987. - С. 226.
- ⁶¹⁹ См. **АСВРР** [Текст]. - Д. 28211. - Т. 5. - Л. 13–34.
- ⁶²⁰ **Переписка председателя совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945** [Текст]. - Т. 1... - С. 157, 161.
- ⁶²¹ **Бережков, В.М.** Страницы дипломатической истории... - С. 227.
- ⁶²² **Румянцев, Ф.Я.** - Указ. соч. - С. 98.
- ⁶²³ Там же.
- ⁶²⁴ Так, по мнению О.А. Ржевского к моменту начала работы конференции на свободе оставалось до 80 немецких агентов. См.: **Ржешевский, О.А.** Сталин и Черчилль [Текст] / Олег Александрович Ржешевский. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. 1941-1945. - М.: Наука, 2004. - С. 389.
- ⁶²⁵ **Скорцени, О.** - Указ. соч. - С. 40.
- ⁶²⁶ **Лукин, А.** Николай Кузнецов [Текст] / Александр Александрович Лукин, Теодор Кириллович Гладков. - М.: Молодая гвардия, 1971. - С. 166–170; **Коровин В.В.** Гитлеровский абвер терпит поражение [Текст] В.В. Коровин, В.И. Шапиро // Новая и новейшая история. - 1968. - № 5. - С. 106.
- ⁶²⁷ **АВП РФ**. - Ф. 06. - 1943. Запись беседы Максимова с Дрейфусом [Текст]. - Оп. 5. - П. 23. - Д. 248. - Л. 107.
- ⁶²⁸ **Кукридж, Е.Х.** - Указ. соч. - С. 239.
- ⁶²⁹ **Лукин, А.** - Указ. соч. - С. 171.
- ⁶³⁰ **Берия, С.** Мой отец – Лаврентий Берия [Текст] / Сергей Лаврентьевич Берия. - М.: Современник, 1994. - С. 233–235; **Эндрю, К.** КГБ [Текст] / Кристофер Эндрю, Олег Антонович Гордиевский. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – Б.м.: Nota Bene, 1992. - С. 344.
- ⁶³¹ **Черчилль, У.** - Указ. соч. - Кн. 3... - С. 193.
- ⁶³² **Зорин, Л.И.** Особое задание [Текст] / Леонид Иванович. - М.: Политиздат, 1987. - С. 114.
- ⁶³³ **Долгополов, Н. М.** - Указ. соч. - С. 11.
- ⁶³⁴ **Черчилль, У.** - Указ. соч. - Кн. 3... - С. 219.
- ⁶³⁵ **АВП РФ**. - Ф. 94. - 1943. Обзор тегеранской печати № 488. [Текст]. - Оп. 30. - П. 77. - Д. 29. - Л. 188-190.
- ⁶³⁶ Там же. - Ф. 06. - 1943. Запись беседы М. Максимова с Сохейли. 22 ноября 1943 г. [Текст] - Оп. 5. - П. 23. - Д. 248. - Л. 103.
- ⁶³⁷ Там же. - Ф. 06. - 1943. Запись беседы М. Максимова с Ала (министр двора). [Текст]. - Оп. 5. - П. 23. - Д. 248. - Л. 115.
- ⁶³⁸ Там же. - Ф. 06. - 1943. Запись беседы М. Максимова с Сохейли и Саедом. [Текст] - Оп. 5. - П. 23. - Д. 248. - Л. 116.

---

⁶³⁹ Там же.

⁶⁴⁰ Там же. - Ф. 06. - 1944. Обзор иранской прессы [Текст]. - Оп. 6. - П. 37. - Д. 468. - Л. 4.

⁶⁴¹ См. подробнее: **Костромин, Л.П.** ... - С. 234–337; **Долгополов, Н.М.** - Указ. соч. - С. 5-36.

⁶⁴² **Шебаршин, Л.В.** Рука Москвы: Записки начальника советской разведки [Текст] / Л.В. Шебаршин . - М.: Терра, 1996. - С. 110.

⁶⁴³ **Зотов, Г.** - Указ. соч. - С. 16.

⁶⁴⁴ **Кузнец, Ю.Л.** «Длинный прыжок» в никуда .... - С. 184.

⁶⁴⁵ **АСВРР.** Запись беседы с Х. Новбахтом. 25 октября 1944 г. [Текст]. - Т. 3. - Л. 330.

⁶⁴⁶ **Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне** [Текст]. 1942-1945. Сборник документов и материалов. - М.: Наука, 1976. - С. 770.